

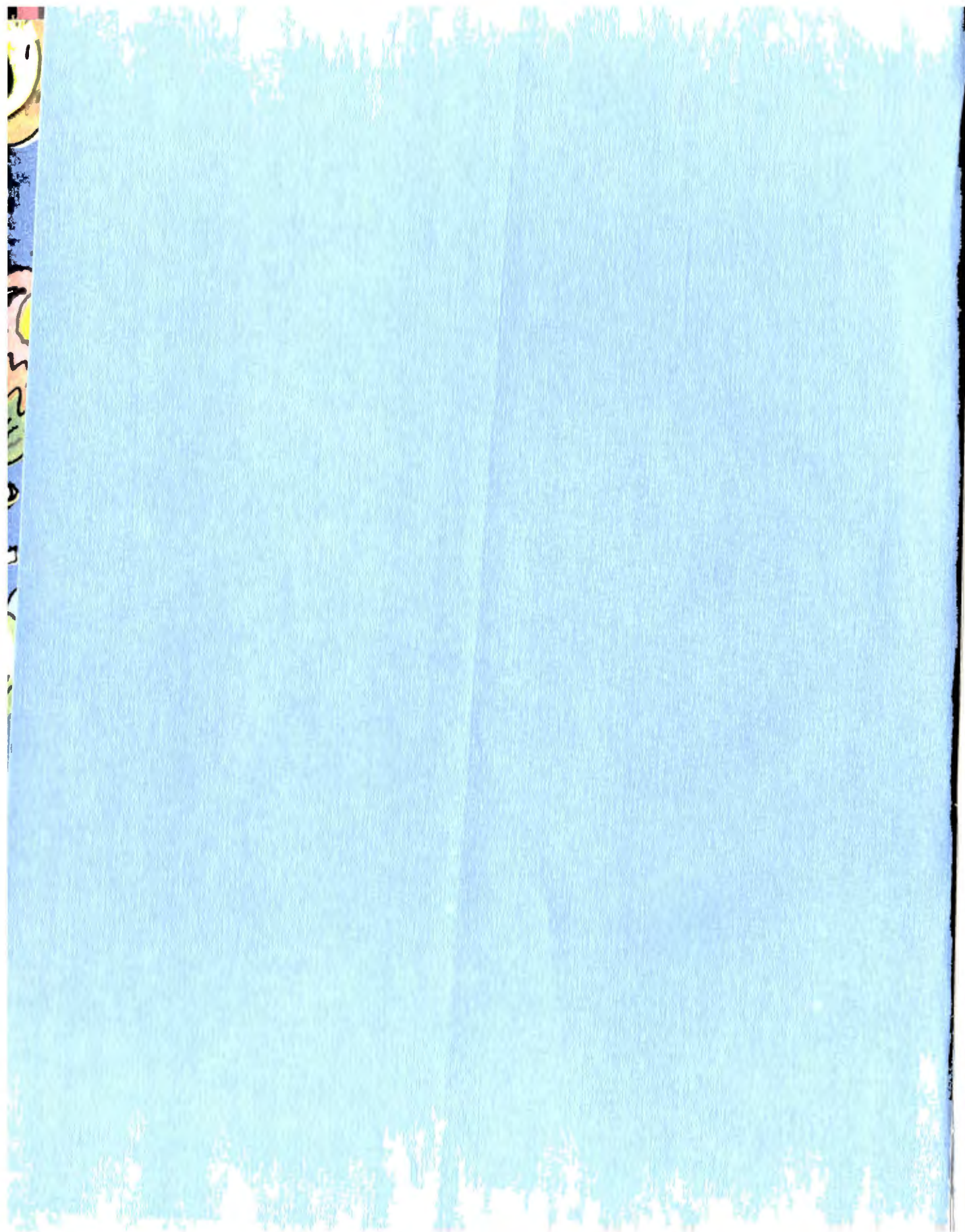
ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

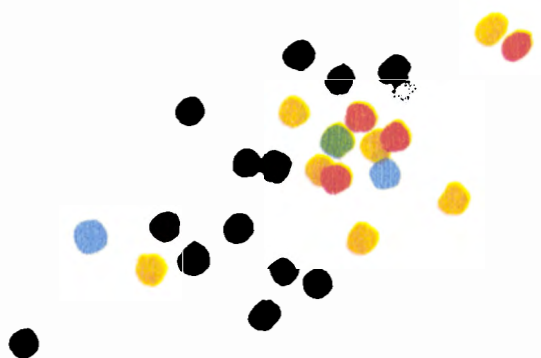

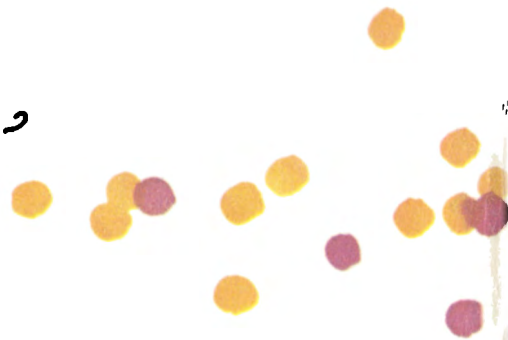

ЭДУАРД
УСПЕНСКИЙ
ОБЩЕЕ
СОБРАНИЕ
ГЕРОЕВ
ПОВЕСТЕЙ,
РАССКАЗОВ,
СТИХОТВОРЕНИЙ
И ПЬЕС

ЭДУАРД УСПЕНСКИЙ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ГЕРОЕВ

ПОВЕСТЕЙ, РАССКАЗОВ,
СТИХОТВОРЕНИЙ И ПЬЕС

ТОМ 3

Дядя Фёдор
пёс и кот
Гарантийные
человечки
Господин Ау

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1993

ПОВЕСТЕЙ, РАССКАЗОВ,
СТИХОТВОРЕНИЙ И ПЬЕС

Дядя Фёдор пёс и кот

Гарантийные человечки

Господин Ау

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1993

ББК 84.Р7
У77

Ответственный за выпуск серии
Неонилла Самухина

Художественное оформление
Геннадия Никеева

Успенский Э. Н.

Полное собрание героев повестей, рассказов, стихотворений и пьес в десяти томах, том 3. Илл. М. Беломлинского, Г. Калиновского, оформл. Г. Никеева. С.-Петербург, Торгово-издательское товарищество «Комета». 1993, 240 стр., илл. В переплете.
ISBN 5—7116—0013—3

В третий том вошли широкоизвестные по детским мультфильмам повести — «Дядя Фёдор, пёс и кот» и «Гарантийные человечки», а также пересказ, сделанный Успенским, увлекательной повести финского писателя Ханну Мякеля «Господин Ау».

- © Э. Успенский, 1993
- © Иллюстрации М. Беломлинского, Г. Калиновского, 1993
- © Оформление Г. Никеева, 1993
- © Торгово-издательское товарищество «Комета», 1993

у 4803010201—0013 без объявл. — 93
ОБ7(03)—93

ДЯДЯ ФЁДОР, ПЁС И КОТ

ПОВЕСТЬ—СКАЗКА

Художник Михаил Беломлинский

Глава
первая

ДЯДЯ ФЁДОР

У одних родителей мальчик был. Звали его дядя Фёдор. Потому что он был очень серьёзный и самостоятельный. Он в четыре года читать научился, а в шесть уже сам себе суп варил. В общем, он был очень хороший мальчик. И родители были хорошие — папа и мама.

И всё было бы хорошо, только мама его зверей не любила. Особенно всяких кошек. А дядя Фёдор зверей любил, и у него с мамой всегда были разные споры.

А однажды было так. Идёт себе дядя Фёдор по лестнице и бутерброд ест. Видит, на окне кот сидит. Большой-пребольшой, полосатый. Кот говорит дяде Фёдору:

— Неправильно ты, дядя Фёдор, бутерброд ешь. Ты его колбасой кверху держишь, а его надо колбасой на язык класть. Тогда вкуснее получится.

Дядя Фёдор попробовал — так и вправду вкуснее. Он кота угостил и спрашивает:

— А откуда ты знаешь, что меня дядей Фёдором звать?

Кот отвечает:

— Я в нашем доме всех знаю. Я на чердаке живу, и мне всё видно. Кто хороший и кто плохой. Только сейчас мой чердак ремонтируют, и мне жить негде. А потом и вовсе могут дверь запереть.

— А кто тебя разговаривать научил? — спрашивает дядя Фёдор.

— Да так, — говорит кот. — Где слово запомнишь, где два. А потом, я у профессора одного жил, который язык зверей изучал. Вот и выучился. Сейчас без языка нельзя. Пропадёшь сразу: или из тебя шапку сделают, или воротник, или просто коврик для ног.

Дядя Фёдор говорит:

— Пошли ко мне жить.

Кот сомневается:

— Мама твоя меня выгонит.

— Ничего, не выгонит. Может, папа заступится.

И пошли они к дяде Фёдору. Кот поел и весь день под диваном спал, как барин. А вечером папа с мамой пришли. Мама как вошла, сразу и сказала:

— Что-то у нас кошачьим духом пахнет. Не иначе как дядя Фёдор кота притащил.

А папа сказал:

— Ну и что? Подумаешь, кот. Один кот нам не помешает.

Мама говорит:

— Тебе не помешает, а мне помешает.

— Чем он тебе помешает?

— Тем, — отвечает мама. — Ну ты вот сам подумай, какая от этого кота польза?

Папа говорит:

— Почему обязательно польза? Вот какая польза от этой картины на стене?

— От этой картины на стене, — говорит мама, — очень большая польза. Она дырку на обоях загораживает.

— Ну и что? — не соглашается папа. — И от кота будет

польза. Мы его на собаку выучим. Будет у нас сторожевой кот. Будет дом охранять. Не лает, не кусает, а в дом не пускает.

Мама даже рассердилась:

— Вечно ты со своими фантазиями! Ты мне сына испортил... Ну вот что. Если тебе этот кот так нравится, выбирай: или он, или я.

Папа сначала на маму посмотрел, потом на кота. Потом опять на маму и опять на кота.

— Я, — говорит, — тебя выбираю. Я с тобой уже давно знаком, а этого кота в первый раз вижу.

— А ты, дядя Фёдор, кого выбираешь? — спрашивает мама.

— А никого, — отвечает мальчик. — Только если вы кота прогоните, я тоже от вас уйду.

— Это ты как хочешь, — говорит мама, — только чтобы кота завтра не было!

Она, конечно, не верила, что дядя Фёдор из дома уйдёт. И папа не верил. Они думали, что он просто так говорит. А он серьёзно говорил.

Он с вечера сложил в рюкзак всё, что надо. И ножик перочинный, и куртку тёплую, и фонарик. Взял все деньги, которые на аквариум копил. И приготовил сумку для кота. Кот как раз в этой сумке помещался, только усы наружу торчали. И лёг спать.

Утром папа с мамой на работу ушли. Дядя Фёдор проснулся, сварил себе каши, позавтракал с котом и стал письмо писать.

«Дорогие мои родители! Папа и мама!

Я вас очень люблю. И зверей я очень люблю. И этого кота тоже. А вы мне не разрешаете его заводить. Велите из дома прогнать. А это неправильно. Я уезжаю в деревню и буду там жить. Вы за меня не беспокойтесь. Я не пропаду. Я всё умею делать и буду вам писать. А в школу мне ещё не скоро. Только на будущий год.

До свиданья. Ваш сын — дядя Фёдор».

Он положил это письмо в свой собственный почтовый ящик, взял рюкзак и кота в сумке и пошёл на автобусную остановку.

Дядя Фёдор сел в автобус и поехал. Ехать было хорошо. Автобусы в это время за город совсем пустые идут. И никто им не мешал разговаривать. Дядя Фёдор спрашивал, а кот из сумки отвечал.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Как тебя зовут?

Кот говорит:

— И не знаю как. И Барсиком меня звали, и Пушком, и Оболтусом. И даже Кис Кисычем я был. Только мне всё это не нравится. Я хочу фамилию иметь.

— Какую?

— Какую-нибудь серьёзную. Морскую фамилию. Я же из морских котов. Из корабельных. У меня и бабушка и дедушка на кораблях плавали с матросами. И меня тоже в море тянет. Очень я по океанам тоскую. Только я воды боюсь.

— А давай мы дадим тебе фамилию Матроскин, — говорит дядя Фёдор. — И с котами связано, и что-то морское есть в этой фамилии.

— Да, морское здесь есть, — соглашается кот, — это верно. А чем же это с котами связано?

— Не знаю, — говорит дядя Фёдор. — Может быть, тем, что коты полосатые и матросы тоже. У них тельняшки такие.

И кот согласился:

— Мне нравится такая фамилия — Матроскин. И морская, и серьёзная.

Он так обрадовался, что у него теперь фамилия есть, что даже заулыбался от радости. Он поглубже в сумку залез и стал свою фамилию примерять.

«Позовите, пожалуйста, кота Матроскина к телефону».

«Кот Матроскин подойти к телефону не может. Он очень занят. Он на печи лежит».

И чем больше он примерял, тем больше ему нравилось. Он из сумки высунулся и говорит:

— Очень мне нравится, что фамилия у меня не дразнительная. Не то что, например, Иванов или там Петров.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Чем это они дразнительные?

— А тем, что всегда можно говорить: «Иванов без штанов, Петров без дров». А про Матроскина ничего такого не скажешь.

Тут автобус остановился. Они в деревню приехали.

Деревня красивая. Кругом лес, поля и речка недалеко. Ветер дует такой тёплый, и комаров нет. И народу в деревне очень мало живёт.

Дядя Фёдор увидел одного старичка и спрашивает:

— Нет ли у вас тут домика лишнего пустого? Чтобы там жить можно было.

Старик говорит:

— Да сколько хочешь! У нас за рекой новый дом построили, пятиэтажный, как в городе. Так полдеревни туда переехало. А свои дома оставили. И огороды. И даже кур кое-где. Выбирай себе любой и живи.

И пошли они выбирать. А тут к ним пёс подбегает. Лохматый такой, взъерошенный. Весь в репейниках.

— Возьмите меня к себе жить! — говорит. — Я буду вам дом охранять.

Кот не согласен:

— Нечего у нас охранять. У нас и дома-то нет. Ты к нам через год прибегай, когда мы разбогатеет. Тогда мы тебя возьмём.

Дядя Фёдор говорит:

— Ты, кот, помолчи. Хорошая собака ещё никому не мешала. Давай мы лучше узнаем, где он разговаривать научился.

— Я дачу охранял одного профессора, — отвечает пёс, — который язык зверей изучал. Вот и выучился.

— Это, наверное, мой профессор! — кричит кот. — Сёмин Иван Трофимович! У него ещё была жена, двое детей и бабушка с веником. И он всё словарь составлял «Русско-кошачий».

— «Русско-кошачий» не знаю, а «Охотничье-собачий» состав-

лял. И «Корово-пастухачий» тоже. А бабушка теперь уже не с веником. Ей пылесос купили.

— Всё равно это мой профессор, — говорит кот.

— А где же он сейчас? — спрашивает мальчик.

— Он в Африку уехал. В командировку. Язык слонов изучать. А я с бабушкой остался. Только мы с ней характерами не сошлись. Я люблю, когда у человека характер весёлый — колбасно-угощательный. А у неё наоборот — тяжёлый характер. Венико-выгонятельный.

— Это точно, — поддерживает кот, — и характер тяжёлый, и веник тоже.

— Ну что? Возьмёте меня к себе жить? — спрашивает пёс. — Или мне потом прибегать? Через год?

— Возьмём, — отвечает дядя Фёдор. — Втроём веселее. Как тебя зовут?

— Шарик, — говорит пёс. — Я из простых собак. Не из породистых.

— А меня дядя Фёдор зовут. А кота — Матроскин, это фамилия такая.

— Очень приятно, — говорит Шарик и кланяется. Сразу видно, что он воспитанный. Из хорошей семьи пёс. Только запущенный.

Но кот всё равно недоволен. Он у Шарика спрашивает:

— Что ты делать умеешь? Просто дом сторожить и замок может.

— Я могу картошку окучивать задними лапами. И посуду мыть — языком облизывать. И места мне не надо, я могу на улице спать.

Очень он боялся, что его не возьмут.

А дядя Фёдор сказал:

— Сейчас будем дом выбирать. Пусть каждый по деревне пройдёт и посмотрит. А потом мы решим, чей дом лучше.

И стали они смотреть. Каждый ходил и выбирал, что ему больше нравится. А потом они снова встретились. Кот говорит:

— Я такой дом нашёл! Весь проконопаченный. И печка там тёплая! На полкухни! Пошли туда жить.

Шарик как засмеётся:

— Что твоя печка! Чепуха! Разве это в доме главное? Вот я дом нашёл — это дом! Там такая будка собачья — загляденье! Никакого дома не надо. Все мы в будке поместимся!

Дядя Фёдор говорит:

— Не о том вы оба думаете. Надо, чтобы в доме телевизор был обязательно. И окна большие. Я как раз и нашёл такой дом. Крыша красная. И сад с огородом есть. Пошли его смотреть!

И пошли они смотреть. Как только подошли, Шарик кричит:

— Это же мой дом! Я про эту будку говорил.

— И печка моя! — говорит кот. — Я о такой печке всю жизнь мечтал! Когда холодно было.

— Вот и хорошо! — сказал дядя Фёдор. — Мы, наверное, и в самом деле лучший дом выбрали.

Осмотрели они дом и обрадовались. Всё в доме было. И печка, и кровати, и занавесочки на окнах! И радио, и телевизор в углу. Правда, старенький. И котелки разные на кухне были, чугунные. И в огороде всё было посажено. И картошка, и капуста. Только всё запущено было, не прополото. А в сарае удочка была.

Дядя Фёдор взял удочку и пошёл рыбу ловить. А кот с Шариком печку истопили и воды принесли. Потом они поели, радио послушали и спать легли. Очень им в этом доме понравилось.

Глава
третья

НОВЫЕ
ЗАБОТЫ

На другое утро дядя Фёдор, пёс и кот дом в порядок приводили. Паутину сметали, мусор выносили, печку чистили. Особенно кот старался: он чистоту любил. Он с тряпкой на все шкафы, под все диваны залезал. Дом и так был не очень грязненький, а тут совсем заблестел.

А от Шарика пользы мало было. Он только носился, лаял от радости и чихал во все углы. Дядя Фёдор не выдержал и послал его в огород картошку окучивать. И пёс так заработал, что только земля летела во все стороны.

Весь день они так трудились. И морковь пропололи, и капусту. Ведь они сюда жить приехали, а не в игрушки играть.

А потом они мыться на речку отправились и, главное, Шарика купать.

— Уж больно ты у нас запущенный, — говорит дядя Фёдор. — Придётся тебе отмыться как следует.

— Я бы рад, — отвечает пёс, — только мне помощь нужна. Я один не могу. У меня мыло из зубов выскакивает. А без мыла что за мытьё! Так, намокание!

Он в воду залезал, а дядя Фёдор его намыливал и шерсть расчёсывал. А кот по берегу ходил и всё грустил о разных океанах. Он же был морской кот, просто он воды боялся.

Потом они домой пошли по тропинке под солнышком. А навстречу им какой-то дядя бежит. Румяный такой, в шапке. Лет пятидесяти с хвостиком. (Это не дядя с хвостиком, а возраст у него с хвостиком. Значит, ему пятьдесят лет и ещё чуть-чуть.) Остановился дядя и спрашивает:

— А ты, мальчик, чей? Ты откуда к нам в деревню попал?

Дядя Фёдор отвечает:

— Я ничей. Я сам по себе мальчик. Свой собственный. Я из города приехал.

Гражданин в шапке удивился ужасно и говорит:

— Так не бывает, чтобы дети сами по себе были. Свои собственные. Дети обязательно чьи-нибудь.

— Это почему не бывает?! — рассердился Матроскин. — Я, например, кот — сам по себе кот! Свой собственный!

— И я свой собственный! — говорит Шарик.

Дядя совсем растерялся. Видит, тут и собаки разговаривают, и коты. Что-то необычное здесь. Значит, непорядок. Да к тому ж ещё дядя Фёдор сам наступать начал:

— А вы почему спрашиваете? Вы, случайно, не из милиции?

— Нет, я не из милиции, — отвечает дядя. — Я из почты.

Я почтальон тутошний — Печкин. Поэтому я всё должен знать. Чтобы письма разносить и газеты. Вы, например, что выписываете?

- Я буду «Мурзилку» выписывать, — говорит дядя Фёдор.
- А я что-нибудь про охоту, — говорит Шарик.
- А вы? — спрашивает дядя у кота.
- А я ничего не буду, — отвечает кот. — Я экономить буду.

Глава
четвёртая

КЛАД

Однажды кот говорит:

— Что это мы всё без молока и без молока? Так и умереть можно. Надо бы корову купить.

— Надо бы, — соглашается дядя Фёдор. — Да где денег взять?

— Может, занять? — предлагает пёс. — У соседей.

— А чем отдавать будем? — спрашивает кот. — Отдавать-то надо.

— А отдавать будем молоком.

Но кот не согласен:

— Если молоко отдавать, зачем же тогда корова?

— Значит, надо что-нибудь продать, — говорит Шарик.

— А что?

— Что-нибудь ненужное.

— Чтобы продать что-нибудь ненужное, — сердится кот, — надо сначала купить что-нибудь ненужное. А у нас денег нет. — Тут он на пса посмотрел и говорит: — А давай, Шарик, мы тебя продадим.

Шарик даже на месте подпрыгнул:

— Это как так — меня?

— А так. Ты у нас ухоженный стал, красивый. За тебя любой охотник сто рублей даст. И ещё больше. А потом ты от него убежишь — и снова к нам. А мы уже с коровой.

— Да? — кричит Шарик. — А если меня на цепь посадят?! Давай, кот, мы лучше тебя продадим. Ты у нас тоже ухоженный. Вон ты какой толстый сделался. А котов на цепь не сажают.

Тут дядя Фёдор вмешался:

— Никого мы продавать не будем. Мы пойдём клад искать.

— Ура! — кричит Шарик. — Давно пора! — А сам потихоньку у кота спрашивает: — А что такое склад?

— Не склад, а клад, — отвечает кот. — Это деньги такие и сокровища, которые люди в землю спрятали. Разбойники всякие.

— А зачем?

— А зачем ты косточки в саду закапываешь и под печку суёшь?

— Я? Про запас.

— Вот и они про запас.

Пёс сразу всё понял и решил кости перепрятать, чтобы кот про них ничего не знал.

И пошли они клад искать.

Кот говорит:

— И как это я сам не додумался про клад? Ведь мы теперь и корову купим, и в огороде можем не работать. Мы всё можем на рынке покупать.

— И в магазине, — говорит Шарик. — Мясо лучше в магазине покупать.

— Почему?

— Там костей больше.

И тут они на одно место пришли в лесу. Там была большая гора земляная, а в горе пещера была. В ней когда-то разбойники жили. И дядя Фёдор стал копать. А пёс и кот уселись рядом на камушке.

Пёс спрашивает:

— А почему ты, дядя Фёдор, в городе клад не искал?

Дядя Фёдор говорит:

— Чудак ты! Кто же в городе клады ищет! Там и копать нельзя — асфальт везде. А здесь вон какая земля мягкая — один песок. Здесь мы в два счёта клад найдём. И корову купим.

Пёс говорит:

— А давайте, когда мы клад найдём, мы его на три части поделим.

— Почему? — спрашивает кот.

— Потому что мне корова не нужна. Я молоко что-то не люблю. Я себе буду колбасу в магазине покупать.

— Да и я молоко что-то не очень люблю, — говорит дядя Фёдор. — Вот если бы корова квас давала или лимонад...

— А мне одному денег на корову не хватит! — спорит кот. — В хозяйстве корова нужна. Что это за хозяйство без коровы?

— Ну и что? — говорит Шарик. — Необязательно большую корову покупать. Ты купи маленькую. Есть такие специальные коровы для котов. Козы называются.

И тут у дяди Фёдора лопата как звякнет обо что-то — а это сундук окованный. А в нём всякие сокровища и монеты старинные. И камни драгоценные. Взяли они этот сундук и домой пошли. А навстречу им почтальон Печкин спешит.

— Что это ты, мальчик, в сундуке несёшь?

Кот Матроскин хитрый, он и говорит:

— Это мы за грибами ходили.

Но Печкин тоже не прост:

— А сундук для чего?

— Для грибов. Мы в нём грибы засаливаем. Прямо в лесу. Ясно вам?

— Конечно, ясно. Чего ж тут неясного? — говорит Печкин. А самому ничего не ясно. Ведь за грибами с корзинами ходят. А тут на тебе — с сундуком! Они бы ещё с чемоданом пошли. Но всё-таки Печкин отстал.

А они уже домой пришли. Посмотрели — очень много денег в сундуке. Не только корову — целое стадо можно купить вместе с быком. И они решили, что каждый себе подарок сделает. Что хочет, то и купит.

Папа с мамой очень горевали, что дядя Фёдор пропал.

— Это ты виноват, — говорила мама. — Всё ему разрешаешь, он и избаловался.

— Просто он зверей любит, — объяснял папа. — Вот и ушёл с котом.

— А ты бы его к технике приучал. Купил бы ему конструктор или пылесос, чтобы он делом занимался.

Но папа не согласен:

— Кот — он живой. С ним и играть можно, и на улице гулять. А конструктор будет тебе за бумажкой прыгать? Или можно, например, пылесос на верёвочке водить? Ему не игрушка, ему товарищ нужен.

— Не знаю, что ему там нужно! — говорит мама. — Только все дети как дети — сидят себе в углу и из желудей человечков делают. Посмотришь, и сердце радуется.

— У тебя радуется, а у меня не радуется. Надо, чтобы в доме и собаки были, и кошки, и приятелей целый мешок. И всякие там жмурки-пряталки. Вот тогда дети и не станут пропадать.

— Тогда родители пропадать начнут, — говорит мама. — Потому что я и без того на работе устаю. У меня еле-еле сил хватает телевизор смотреть. И вообще ты мне свои глупости не говори. Ты лучше скажи, как нам мальчика разыскать.

Папа думал, думал, а потом сказал:

— Надо заметку в газете напечатать, что пропал мальчик. Зовут дядя Фёдор. И все его приметы описать. Если кто увидит, пусть нам сообщит.

Так они и сделали. Написали заметку. Рассказали, как дядя Фёдор выглядит. Сколько ему лет. И что у него спереди волосы торчком, как будто корова его лизнула. И обещали премию тому, кто его найдёт. И отнесли заметку в самую интересную газету. У которой больше всего читателей.

А дядя Фёдор ничего этого не знал. Он в деревне жил. Он на другое утро спрашивает у кота:

— Слушай, кот, как ты раньше жил?

Кот говорит:

— Плохо жил. Хуже некуда. Я больше так не хочу.

— А ты, Шарик, как жил?

— Нормально жил. Серединка на половинку. Когда покормят, хорошо жил, когда не покормят — плохо.

— И я тоже нормально жил. Серединка на половинку, — говорит дядя Фёдор. — Только теперь мы будем по-другому жить. Мы будем жить счастливо. Вот тебе, Матроскин, что нужно для счастья?

— Корова нужна.

— Ну и хорошо, покупай себе корову. А ещё лучше напрокат возьми. Чтобы сначала попробовать.

Кот подумал и сказал:

— Это мысль правильная — корову напрокат взять. А потом, если, нам жить с коровой понравится, мы её навсегда купим.

А дядя Фёдор у Шарика спрашивает:

— А тебе что для счастья нужно?

— Ружьё нужно, — говорит Шарик. — Буду я сам с собой на охоту ходить.

— Ладно, — говорит дядя Фёдор. — Будет тебе ружьё.

— А мне ещё ошейник нужен с медалями! — кричит пёс. — И сумка охотничья!

— Во даёт! — говорит Матроскин. — Да ты нас так разоришь совсем! Никаких от тебя доходов нет, расходы одни. А ты, дядя Фёдор, что себе сам покупать хочешь?

— А мне самому, — говорит дядя Фёдор, — велосипед нужен. Мне его в городе не разрешали заводить, там машин много. А здесь я могу кататься сколько хочешь. По деревне и по полям. Туда-сюда. Сюда-туда.

Но кот не согласен:

— Ты, дядя Фёдор, только о себе и думаешь. Ты, значит, будешь по деревне кататься, а мы сзади будем пешком бегать. Туда-сюда. Сюда-туда. Нет, не об этом я всю жизнь мечтал! Не нужен нам твой велосипед!

— А ты мотоцикл купи, — предлагает пёс. — Как мы трах-тара-рах по деревне! Все собаки умрут от зависти.

Дядя Фёдор как представил себе это трах-тара-рах, так ему сразу весело стало. А кот кричит:

— Ни о чём-то вы не думаете! Вам лишь бы деньги истратить. А если дождь или мороз, к примеру? Мы же попростужаемся все. Позаболеваем. А я, может, только жить начал — корову купить собираюсь! Нет, мотоцикл — это не машина. Не нужно мне вашего трах-тара-раха, и не уговаривайте!

Шарик подумал, подумал и согласился с ним:

— Да, мотоцикл — это не машина. Это он прав. Не будем мы его покупать. Ни за что. Мы лучше машину купим.

— Какую ещё машину?

— Обыкновенную, легковую, — говорит пёс. — Ведь машина-то — это машина.

— Ну и что? — кричит кот. — Может, где-нибудь машина — это машина. Только не в нашей области. У нас дороги такие... А если она застрянет в лесу? Придётся её трактором вытаскивать. Вы уж и трактор заодно покупайте!

— А что? — кричит пёс. — Правильно он говорит. Покупай, дядя Фёдор, трактор.

Дядя Фёдор на кота посмотрел. А кот молчит. А что ему говорить? Он лапой махнул: покупайте хоть комбайн, мне всё равно, раз вы меня не слушаете.

Взял кот деньги и пошёл за коровой. А дядя Фёдор на почту пошёл письмо писать на завод, чтобы ему трактор выслали.

Он написал такое письмо:

«Здравствуйте, уважаемые, те, кто делает тракторы! Пришлите мне, пожалуйста, трактор. Только не совсем настоящий и не совсем игрушечный. И чтоб бензина ему надо было поменьше, а ездил он побыстрее. И чтоб он был весёлый и от дождя закрытый. А деньги я вам высылаю — сто рублей. Если у вас останутся лишние, пришлите обратно.

С уважением... дядя Фёдор (мальчик)».

А через некоторое время домой Матроскин является и корову на верёвочке ведёт. Он её напрокат взял в сельском бюро обслуживания. Корова рыжая, мордастая и важная такая. Ну

просто профессор с рогами! Только очков не хватает. И кот тоже заважничал.

— Это, — говорит, — моя корова. Я её Муркой назову в честь бабушки. Вот она какая красивая! Последняя была. Никто её брать не хотел. А я взял: очень она мне понравилась. А если ещё больше понравится, я её насовсем куплю. Так можно делать.

Достал он косу и пошёл сено на зиму запасать. А корова к окну подошла. На окне занавесочки были. Она взяла и все занавесочки съела. И все цветы, которые в горшках стояли. Пёс увидел и говорит:

— Ты что это делаешь? Ты что это цветы ешь и занавески? Может, ты больная или как? Может, тебе температуру смерить? Градусник поставить?

Корова смотрит на него так, будто всё поняла, а потом как всунется в окно, как вытащит из дома новую скатерть — и давай жевать!

Шарик даже в обморок упал от удивления. Потом вскочил из обморока и за другой конец скатерти ухватился. Не даёт корове жевать. Он к себе тянет, а корова — к себе. И никто из них рта раскрыть не может, чтобы скатерть не потерять.

А тут дядя Фёдор идёт из магазина с покупками. Коту он матроску купил, а Шарiku — ошейник с медалями.

— Что это вы за игру затеяли с новой скатертью? — кричит. — Тоже мне клуб весёлых и находчивых!

А они молчат. Только на него глаза таращат. Тут он увидел, что все цветы на окне поедены и занавесок нет, и всё понял. Вынул он ремень из брюк да как хлестнёт глупую корову! А корова, видно, балованная была. Она на дядю Фёдора с рогами. Он — бежать. Но брюки у него без ремня были, он в них и запутался. Вот-вот корова бодать начнёт.

Пёс корову за хвост схватил — не даёт бодать дядю Фёдора. А тут кот идёт.

— Что это вы с моей коровой делаете? Я её не для того брал, чтобы вы её за хвост тянули. Нашли развлечение!

Но дядя Фёдор всё коту объяснил. И занавесочки показал объеденные. А пёс корову за хвост держит — мало ли что!

— Ты свою корову на цепь посади, — говорит дядя Фёдор. Кот упирается:

— Это же не собака, чтобы на цепи сидеть. Коровы, они просто так гуляют.

— Так это нормальные коровы! — кричит Шарик. — А твоя корова психическая! — И хвост коровий выпустил.

Корова как побежит, да прямо на кота! Бедный кот еле увернулся. Влез он на крышу и говорит:

— Согласен! Согласен! Пусть она на цепи сидит, раз она такая дурочка!

Глава
шестая

ГАЛЧОНОК
ХВАТАЙКА

Так и стал дядя Фёдор жить в деревне. И люди в деревне его полюбили. Потому что он не бездельничал, всё время делом занимался или играл. А потом у него забот поприбавилось. Узнали люди, что он зверей любит, и стали ему разных зверюшек приносить.

Птенец ли от стаи отобьётся, зайчонок ли потеряется, сейчас же его берут — и к дяде Фёдору. А он с ними возится, лечит их и на волю отпускает.

Однажды у них галчонок появился. Глаза как пуговицы, нос толстый. Сердитый-пресердитый.

Дядя Фёдор его накормил и на шкаф посадил. И назвали галчонок Хватайкой: он что ни увидит, всё на шкаф тащит. Увидит спички — на шкаф. Увидит ложку — на шкаф. Даже будильник на шкаф перетащил. А взять у него ничего нельзя. Сразу Хватайка крылья в стороны, шипит и клюётся. У него на шкафу целый склад получился. Потом он немного подрос, поправился и стал в окно вылетать. Но к вечеру обязательно возвращался. И не с пустыми руками. То ключ от шкафа утащит,

то зажигалку, то детскую формочку. Однажды даже соску принёс. Наверное, какой-нибудь малыш спал в коляске на улице, а Хватайка подлетел и соску вытащил. Очень дядя Фёдор боялся за галчонка: плохие люди могли его из ружья застрелить или палкой стукнуть.

А кот решил галчонка к делу приучать:

— Что это мы его зря кормим! Пусть пользу приносит.

И стал он галчонка учить разговаривать. Целыми днями сидел около него и говорил:

— Кто там? Кто там? Кто там?

Шарик спрашивает:

— Что, тебе делать нечего? Ты бы его лучше песне какой выучил или стихотворению.

Кот отвечает:

— Песни я и сам петь могу. Только от них пользы нету.

— А от твоего «ктотама» какая польза?

— А такая. Уйдём мы в лес за дровами, и дома никого не останется. Любой человек может в дом зайти и унести что-нибудь. А так придёт человек, начнёт в дверь стучать, галчонок спросит: «Кто там?» Человек подумает, что дома кто-то есть, и ничего воровать не станет. Ясно тебе?

— Но ты же сам говорил, что у нас красть нечего, — спорит Шарик. — Ты даже меня брать не хотел.

— Это раньше было нечего, — объясняет кот, — а теперь мы клад нашли.

Шарик с котом согласился и тоже стал учить галчонка «кто-таму». Целую неделю учили его, и наконец галчонок выучился. Только кто-нибудь в дверь постучит или на крыльце затопает, Хватайка сразу спрашивает:

— Кто там? Кто там? Это кто там?

И вот что из этого получилось. Однажды дядя Фёдор, кот и Шарик пошли в лес грибы собирать. И дома никого не было, кроме галчонка. Тут почтальон Печкин приходит. Он в дверь постучал и слышит:

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка», — отвечает он.

Галчонок опять спрашивает:

— Кто там?

Почтальон снова говорит:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Только дверь никто не открывает. Почтальон опять постучал и опять слышит:

— Кто там? Это кто там?

— Да никто. Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

И так у них целый день продолжалось.

Тук-тук.

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Тут-тук.

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Под конец Печкину плохо стало. Совсем его замучили. Он на крылечко сел и сам стал спрашивать:

— Кто там?

А галчонок в ответ:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Печкин опять спрашивает:

— Кто там?

А галчонок опять отвечает:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Когда дядя Фёдор и Матроскин с Шариком домой пришли, они очень удивились. Сидит почтальон на крыльце и одно и то же говорит: «Кто там?» да «Кто там?».

А из дома одно и то же слышится:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка»... Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

Еле-еле они почтальона в себя привели и чаем напоили. А когда он узнал, в чём дело, он не стал обижаться. Он только рукой махнул и две лишних конфеты в карман положил.

В журнал, который Печкин принёс, была вложена открытка. А в открытке написано: «Просим Вас завтра быть дома. На Ваше имя получен трактор. Начальник железнодорожной станции Нессидоров».

Внизу ещё было напечатано красивыми буквами:

**В НАШЕЙ СТРАНЕ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ОЧЕНЬ МНОГО!**

Это обрадовало всех. Особенно Шарика. И стали они трактора дожидаться.

Наконец его привезли на большой машине и поставили около дома. Шофёр попросил дядю Фёдора расписаться и дал ему конверт. В конверте было письмо и специальная книжечка, как с трактором обращаться. В письме было написано:

«Уважаемый дядя Фёдор (мальчик)!

Ты просил прислать трактор не совсем настоящий и не совсем игрушечный и чтоб он весёлый был. Посылаем тебе такой. Самый весёлый на заводе. Это опытная модель. Бензин ему не нужен. Работает он на продуктах.

Отзывы о тракторе просим присылать к нам на завод. С большим уважением — инженер Тяпкин (изобретатель трактора)».

Потом дядя Фёдор взял книжечку и стал читать:

**ЗАВОД ЖЕЛЕЗНОТРАКТОРНЫХ ИЗДЕЛИЙ.
ТР-ТР МИТЯ ПРОДУКТОВЫЙ. 20 л. с.**

Прочитал он и говорит:

— Ничего не понятно. Что такое «тр-тр»? Что такое «лы сы»?

— Что ж тут непонятного? — говорит кот. — Просто всё,

как арбуз. «Тр-тр» — это сокращённо «трактор». А «Митя» — это значит «Модель инженера Тяпкина». Который тебе письмо написал.

— А что значит двадцать «лы сы»? — спрашивает дядя Фёдор.

— «Лы сы» — это лошадиные силы. Значит, он перетянет двадцать лошадей, если они будут тянуть в одну сторону, а он — в другую.

— Так сколько же ему сена надо? — ахнул Шарик.

— А сена ему не нужно. Тут же написано: он работает на продуктах.

Дядя Фёдор удивился даже:

— И откуда ты, Матроскин, всё знаешь? И про фамилии, и про тракторы, и про лы сы?

— А вы поживите с моё, — отвечает кот, — и не то узнаете. И где я только не жил! И у одних хозяев, и у других, и в библиотеке, и даже в сберегательной кассе. Я, может, столько в жизни видел, что на целую кошачью энциклопедию хватит. А вообще-то вы здесь бездельничаете, а у меня корова не доена, Мурка моя.

Он ушёл. А мальчик с Шариком стали тр-тр заводить. Стали в трактор суп вливать и котлеты запихивать. Прямо в бак. Трактор как затарахтит!

Сели они в него и по деревне поехали. Ехал, ехал Митя по деревне, потом у одного дома как остановится!

— Чего это он? — спрашивает дядя Фёдор. — Может, горячее кончилось?

— Ничего не кончилось. Просто он учуял, что пирогами пахнет.

— Какими ещё пирогами?

— Обыкновенными. Вот в том доме пироги пекут.

— И что же нам делать теперь?

— Не знаю, — говорит Шарик. — Только так пахнет вкусно, что мне тоже ехать не хочется.

— Ничего себе я трактор купил! — говорит дядя Фёдор. — Так мы и будем около всех домов останавливаться? И у столовых. Это не трактор, а бегемот какой-то. Тр-тр — восемь дыр! Чтоб ему пусто было, инженеру Тяпкину!

Так и пришлось им в дом заходить, пирогов просить. Матроскин, когда про это узнал, рассердился на дядю Фёдора:

— Говорил я вам ничего не покупать, а вы всё не слушаете! Да нам этот тр-тр не прокормить теперь!

Но потом кот успокоился:

— Ну ничего, дядя Фёдор, не унывай. Хорошо, что я у тебя есть. Мы и с твоим трактором справимся. Будем перед ним сосиску держать на удочке. Он за сосиской поедет и нас повезёт.

Так они и сделали. И скоро трактор исправляться начал. А вообще-то он был весёлый. Кабина пластмассовая, голубая, а колёса железные. И смазывать его надо было не машинным маслом, а подсолнечным.

Но тут им корова Мурка забот прибавила.

Глава
восьмая

ХМЕЛЬ ЦВЕТЁТ

Корова Мурка, которую кот купил, глупая была и балованная. Но молока много давала. Так много, что с каждым днём всё больше и больше. Все вёдра с молоком стояли. Все банки. И даже в аквариуме молоко было. Рыбки в нём плавали.

Однажды дядя Фёдор проснулся, смотрит, а в умывальнике не вода, а простокваша налита. Дядя Фёдор кота позвал и говорит:

— Что это ты делаешь? Как же умываться теперь?

Кот хмуро так отвечает:

— Умываться и в речке можно.

— Да? А зимой как? Тоже в речке?

— А зимой можно и совсем не умываться. Крутом снег лежит, не запачкаешься. И вообще некоторые языком умываются.

— Некоторые и мышей едят, — говорит дядя Фёдор. — А чтобы простокваши в умывальнике не было!

Кот подумал и сказал:

— Ладно. Я телёночка заведу. Пусть он простоквашу ест.

А в обед опять новости. И тоже с Муркой. Приходит она с пастбища почему-то на задних ногах. А во рту цветок. Идёт она себе, подбоченилась и поёт:

Помню, я ещё молодушкой была,
Наша армия в поход куда-то шла...

Только слов она говорить не умеет, и у неё получается:

Му-му-му му-му му-му-му-му му-му,
Му-му му-му-му му-му му-му-му-му...

И тучка у неё над головой как шапочка. Шарик спрашивает:

— Чего это она так обрадовалась? Может, у неё праздник какой или чего?

— Какой праздник? — говорит дядя Фёдор.

— Может, день рождения у неё. Или день кефира. А может, коровий Новый год.

— При чём тут Новый год? — говорит Матроскин. — Просто она белены объелась или хмеля.

А корова как разбежится — и в стенку головой трах! Еле-еле её в сарай загнать удалось. Пошёл Матроскин её доить. Через пять минут выходит, а с ним что-то странное сделалось. Матроска у него спереди как фартук надета, а подоюник на голове как каска. И поёт он что-то несуразное:

Я — моряк,
Гуляю на просторе,
День за днём,
С волны и на волну!

Очевидно, он молока попробовал весёлого. Шарик говорит дяде Фёдору:

— Сначала у нас корова помешалась, а теперь и кот с ума сошёл. Надо бы «скорую помощь» вызвать.

— Подождём ещё, — говорит дядя Фёдор. — Может, они в себя придут.

Какое там в себя! Мурка в коровнике полонез Огинского мычать стала:

Му-му-муму-му му-му-му!
Му-му му-му му-му!

А кот вообще что-то странное затянул:

Жили у бабуси
Два весёлых гуся:
Один серый,
Другой белый —
Петя и Маруся!

и тоже головой в стенку — бух!

Тут уж и дядя Фёдор заволновался:

— На тебе, Шарик, две копейки. Беги вызови «скорую помощь» по автомату.

Шарик убежал, а кот и корова в себя приходить начали. Петь и мычать перестали.

Кот за голову схватился и говорит:

— Ничего себе наша корова молоко даёт! Из него только сгущёнку делать и врагам на войне подбрасывать. Чтобы они с ума посходили и из окопов повылазили.

А тут к ним почтальон Печкин идёт. Румяный такой и радостный.

— Смотрите, какую я заметку в газете прочитал. Про одного мальчика. Глаза у него коричневые и волосы спереди торчком, как будто корова его лизнула. И рост 1 метр 20.

— Ну и что? — говорит кот. — Мало ли таких мальчиков!

— Может, и немало, — отвечает почтальон, — только этот мальчик из дома ушёл. А родители беспокоятся, что с ним. И даже премию обещали тому, кто его найдёт. Может, велосипед дадут. А мне велосипед во как нужен, почту развозить. Я даже метр принёс: буду вашего хозяина измерять.

Шарик как услышал, так за сердце схватился. Вот измерит Печкин дядю Фёдора, вот отвезёт домой, что они с котом делать будут? Пропадут же!

А кот не растерялся и говорит:

— Измерить — это всегда можно. А вы сначала молочка попейте. Я только что корову подоил. Мурку мою.

Почтальон соглашается:

— Молочка я с удовольствием выпью. Молоко, оно очень полезное. Об этом даже в газетах пишут. Дайте мне самую большую кружку.

Кот в дом побежал и скорее принёс ему кружку самую огромную. Налил в неё молока и Печкину даёт. Печкин как выпьет, как вытирает глаза! Как запоёт:

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силёнку!

и тоже головой в стенку — стук!

А галчонок из дома спрашивает:

— Кто там? Это кто там?

Почтальон отвечает:

— Это я, почтальон Печкин! Принёс для вас метр. Буду ваше молоко измерять. Давайте мне самую большую кружку!

А тут «скорая помощь» приехала. Выходят два санитары и спрашивают:

— Это кто у вас тут с ума сошёл?

Печкин отвечает:

— Это дом с ума сошёл! На меня бросается.

Взяли его санитары под руки и к машине повели. И говорят:

— Сейчас хмель цветёт. Очень многие с ума сходят. Особенно коровы.

Когда они уехали, дядя Фёдор сказал коту:

— Ты это молоко вылей. Чтобы беды опять не было.

А коту жалко выливать. Он и решил молоко трактору отдать. Тр-тр Мите. С машиной, мол, ничего не случится. Тракторы с ума не сходят. И всё молоко в бак вылил. Прямо из ведра.

Митя стоял, стоял, потом как затарахтит — и на кота! Кот ведро бросил и скорее на дерево! А Митя стал ведром в футбол играть. Играл, играл, пока в лепёшку не превратил. Ай да модель инженера Тяпкина!

А потом пошёл по деревне хулиганить. Сорняки окучивать и за курами гоняться. И песни гудеть всякие. Под конец он даже

купаться полез. Чуть-чуть не заглох. Вылез он кое-как на берег, стыдно ему стало. Подъехал он к дому, на место встал, ни на кого не глядит. Сам себя ругает.

Дядя Фёдор очень рассердился на Матроскина и в угол его поставил:

— В следующий раз делай, что тебе говорят.

Шарик всё над котом смеялся.

Но дядя Фёдор Шарику сказал:

— Ладно, ладно. Нечего над человеком смеяться, когда он в углу стоит.

Конечно, Матроскин был кот, а не человек. Но для дяди Фёдора он был всё равно как человек.

А с этой коровой ещё были приключения. И немало.

*Глава
девятая*

**ВАШ СЫН -
ДЯДЯ ФАРИК**

На другой день дядя Фёдор решил письмо домой написать. Чтобы папа и мама за него не беспокоились. Потому что он их очень любил. А они не знали, где он и что с ним. И конечно, переживали.

Сидит дядя Фёдор и пишет:

«Мои папа и мама!

Я живу хорошо. Просто замечательно. У меня есть свой дом. Он тёплый. В нём одна комната и кухня. А недавно мы клад нашли и корову купили. И трактор — тр-тр Митю. Трактор хороший, только он бензин не любит, а любит суп.

Мама и папа, я без вас очень скучаю. Особенно по вечерам. Но я вам не скажу, где я живу. А то вы меня заберёте, а Матроскин и Шарик пропадут».

Но тут дядя Фёдор увидел, что деревенские ребята змея в поле запускают. И дядя Фёдор к ним побежал. А коту

велел письмо дописывать за него. Кот взял карандаш и начал писать:

«А ещё у нас печка есть тёплая. Я так люблю на ней отдыхать! Здоровье-то у меня не очень: то лапы ломит, то хвост отваливается. Потому что, дорогие мои папа и мама, жизнь у меня была сложная, полная лишений и выгоняний. Но сейчас всё по-другому. И колбаса у меня есть, и молоко парное стоит в мисочке на полу. Пей — не хочу. Мне мышей даже видеть не хочется. Я их просто так ловлю, для развлечения. Или на удочку, или пылесосом из норок вытаскиваю и в поле уношу. А днём я люблю на крышу вскарабкаться. И там глаза вытаращу, усы расправлю и загораю как ненормальный. На солнышке облизываюсь и сохну».

Тут кот услышал, что мыши в подполе заскреблись. Крикнул он Шарiku и в подпол побежал с пылесосом. Шарик карандаш в зубы взял и стал дальше калякать:

«А на днях я линять начал. Старая шерсть с меня сыплется — хоть в дом не заходи. Зато новая растёт — чистая, шелковистая! Просто каракуль. Да ещё охрип я немножечко. Прохожих много, на всех лаять приходится. Час полаешь, два полаешь, а потом у меня не лай, а свист какой-то получается и бульканье.

Дорогие папа и мама, вы меня теперь просто не узнаете. Хвост у меня крючком, уши торчком, нос холодный и лохматость повысилась. Мне теперь можно зимой даже на снегу спать. Я теперь сам в магазин хожу. И все продавцы меня знают. Кости мне бесплатно дают. Так что вы за меня не переживайте. Я такой здоровый стал, прямо — ух! Если я на выставку попаду, мне все медали обеспечены. За красоту и сообразительность.

До свиданья. Ваш сын — дядя Шарик».

Потом он слово «Шарик» хотел исправить на «Фёдор». И получилось вообще что-то непонятное:

«До свиданья. Ваш сын — дядя Фарик».

Они с Матроскиным письмо запечатали, адрес написали, и Шарик его в зубах в почтовый ящик отнёс.

Но письмо из ящика ещё не скоро по адресу поехало. Потому что почтальон Печкин в изоляторе был. Сначала он не хотел

там оставаться. Он говорил, что это не он с ума сошёл, а дом дяди Фёдора, который бодаться начал.

А потом ему в изоляторе понравилось. Письма разносить не надо было, и кормили хорошо. И ещё он там с одним бухгалтером познакомился. Этого бухгалтера дети до больницы довели. И он всё время Печкина воспитывал. Он говорил:

- Печкин, не прыгай на кровати!
- Печкин, не высовывайся в окно!
- Печкин, не бросайся котлетами в товарищей!

Хотя Печкин ниоткуда не высовывался, нигде не прыгал и никакими котлетами в товарищей не бросался.

Но на дядю Фёдора Печкин обиделся. Он говорил так:

— Некоторые люди собак дома держат и кошек, а у меня даже велосипеда нет.

Но это потом было. А пока ещё он в изоляторе был и письмо в почтовом ящике лежало.

*Глава
девятая*

**ШАРИК
ИДЁТ В ЛЕС**

Дядя Фёдор и кот в доме жили. А Шарик всё по участку бегал или в будке сидел. И ночевал там. Он в дом только пообедать приходил или так, в гости. И вот однажды сидит он в своей будке и думает:

«Кот себе корову купил. Дядя Фёдор — трактор. А я что, хуже всех, что ли? Пора и мне ружьё покупать для счастья. Пока деньги есть».

Дядя Фёдор всё его отговаривал ружьё покупать — жалко зверюшек. И кот отговаривал — деньги жалел. А пёс и слушать не хочет.

— Отойдите, — говорит, — в сторону! Во мне инстинкт просыпается! Звери — они для того и созданы, чтобы на них

охотились. Это я раньше не понимал, потому что жид плохо! А теперь я поправился, и меня в лес потянуло со страшной силой!

Пошёл он в магазин и купил ружьё. И патроны купил, и сумку купил охотничью, чтобы всяких зверей туда складывать.

— Ждите меня, — говорит, — к вечеру. Я вам чего-нибудь вкусенького подстрелю.

Вышел он из деревни и в лес пошёл. Видит, колхозник на телеге едет. Колхозник говорит:

— Садись, охотник, подвезу.

Шарик на телегу сел, лапы свесил. А колхозник спрашивает:

— А как ты, друг, стреляешь? Хорошо?

— А как же! — говорит Шарик.

— А если я шапку брошу, попадёшь в неё?

Шарик на задние лапы встал, ружьё приготовил.

— Бросайте, — говорит, — вашу шапку. Сейчас от неё ничего не останется. Одни дырочки.

Возница шапку снял и в воздух подбросил. Высоко-высоко, под облака. Шарик ка-ак баба-а-хнет! Лошадь ка-ак перепугается! И — бежать! Телега, конечно, за ней. Шарик на ногах не удержался от неожиданности и с телеги полетел вверх тормашками. Как на дорогу — плюх! Ничего себе охота начинается!

Дальше он уже пешком пошёл. Пришёл в лес, видит: на поляне заяц сидит. Пёс ружьё зарядил, сумку приготовил и стал подкрадываться.

— Сейчас я по нему как вдарю!

Заяц увидел его — и бежать. Шарик — за ним. Но споткнулся обо что-то и в сумке запутался. В которой надо добычу носить. Сидит он в сумке и думает:

«Ничего себе охота начинается! Что же это, я теперь сам себя домой понесу?! Выходит, я же и охотник, я же и трофей? То-то смеху будет...»

Вылез он из сумки — и по следу. Ружьё за спиной, нос в землю. Добежал до узенькой речки, видит: заяц уже на том

берегу скачет. Пёс ружьё в зубы и поплыл — не бросать же зайца! А ружьё тяжёлое — вот-вот утопит Шарика. Смотрит Шарик, а он уже на дне.

«Что же это выходит? — размышляет пёс. — Это уже не охота, это уже рыбалка получается!»

Решил он ружьё бросить и всплывать поскорей.

«Ну ничего, разнесчастный заяц, я тебе ещё покажу! Я тебя и без ружья достану! Уши-то тебе надеру! Узнаешь, как над охотниками издеваться!»

Всплывает он, всплывает, а у него никак не всплывается.

Он в ремне от ружья запутался и в сумке. Всё, конец Шарiku.

Но тут он почувствовал, что кто-то его за шиворот вверх потянул, к солнышку.

А это был бобёр старый, он неподалёку плотину строил. Вытащил он Шарика и говорит:

— Делать мне нечего, только разных собак из воды вытаскивать!

Шарик отвечает:

— А я и не просил меня вытаскивать! Я, может, и не тонул вовсе. Может, я подводным плаванием занимался! Я ещё не решил, что я там делал, на дне.

А самому так плохо — хоть караул кричи. И вода из него фонтаном лупашит, и глаза на бобра поднять совестно. Ещё бы, он на зверей охотиться шёл, а вместо этого они его от смерти спасли.

Идёт он домой по берегу. Понурый такой, как мокрая курица. Ружьё на ремешке тащит и размышляет себе:

«Что-то у меня с охотой не так получается. Сначала я с телеги упал. Потом в сумке своей охотничьей запутался. А под конец чуть не утонул вовсе. Не нравится мне такая охота. Лучше я буду рыбу ловить. Куплю себе удочки, сачок. Возьму бутерброд с колбасой и буду на берегу сидеть. Буду я рыболовной собакой, а не охотничьей. А зверей я стрелять не хочу. Буду их только спасать».

Только сказать это легко, а сделать трудно. Ведь родился-то он охотничьей собакой, а не какой-нибудь другой.

А дядя Фёдор и Матроскин дома сидят. Шарика с охоты ждут. Дядя Фёдор кормушку для птиц мастерит, а кот хозяйством занимается: пуговицы пришивает и носки штопает.

За окошком уже стемнело, когда Шарик пришёл. Поднял он свою сумку и зверька на стол вытряхнул. Зверь маленький, пушистый, глаза грустные и хвост лопатой.

— Вот кого я принёс.

— А где ты его взял? — спрашивает дядя Фёдор.

— Из речки вытащил. Сидел он на берегу, увидел меня и в речку — прыг! С перепугу. Еле-еле я его выловил. А то бы он утонул. Ведь он ещё маленький.

Кот слушал, слушал и говорит:

— Эх ты, балда! Ведь это бобрёнок! Он же в воде живёт. Это его дом. Ты его, можно сказать, из дома вытащил!

Пёс отвечает:

— Кто же знал, что он в воде живёт. Я думал, он тонуть хочет! Смотрите, какой я мокрый!

— И смотреть не хочу! — говорит кот. — Тоже мне охотник, ничего про зверей не знает! — И на печку полез.

А бобрёнок сидит, глаза на всех таращит. Не понимает ничего. Дядя Фёдор ему молока дал кипячёного. Бобрёнок молока попил, и глаза у него закрываться стали.

— Где ж его спать положить? — спрашивает мальчик.

— Как — где? — говорит пёс. — Если он в воде живёт, его надо в таз положить.

— Тебя самого надо в таз положить! — кричит Матроскин с печки. — Чтобы ты поумнел немножечко!

Пёс совсем расстроился:

— Ты же сам говорил, что он в воде живёт.

— Он в воде только плавает, а живёт он в домике на берегу, — объясняет кот.

Тогда дядя Фёдор взял бобрёнка и в шкаф положил, в ящик для ботинок. И бобрёнок сразу заснул. И Шарик тоже спать пошёл к себе в будку. Он не привык на кроватях разлёживаться. Он был деревенский пёс, не балованный.

Утром дядя Фёдор проснулся и слышит: что-то странное в доме. Будто кто-то дрова распиливает: др-др... др-др...

И опять: др-др... др-др...

Он с кровати встал и видит ужас что. Не дом у них, а столярная мастерская. Кругом стружки, щепки да опилки лежат. А стола обеденного нет как не было. В куче стружек бобрёнок сидит и ножку столовую обтачивает.

Кот лапы с печки свесил и говорит:

— Посмотри, что твой Шарик нам устраивает. Придётся теперь новый стол покупать. Хорошо ещё, что я со стола всю посуду убрал. Остались бы мы без тарелок! С одними вилками.

Позвали они Шарика.

— Вот смотри, что ты нам делаешь!

— А если бы он мою кровать перепилил, — говорит дядя Фёдор, — я бы среди ночи прямо на пол грохнулся. Спасибо тебе!

Дал он Шарiku сумку охотничью и говорит:

— Беги-ка ты на речку, прямо без завтрака, и отнеси бобрёнка на место, где ты его взял. Да смотри больше из речки никого не вылавливай! Мы не миллионеры какие-нибудь!

Шарик сунул бобрёнка в сумку и побежал без разговоров. Он уже и сам был не рад, что бобрёнка выловил. А родители бобрёнка очень обрадовались и не стали Шарика ругать. Они поняли, что не со зла он их сынишку утащил — по недоразумению. Так что всё очень хорошо кончилось. Только пришлось новый стол покупать.

Но с той поры Шарик затосковал. Хочется ему в лес на охоту — и всё тут! А как выйдет он с ружьём, увидит зверюшку — выстрелить не может, хоть ты плачь! Придёт он из леса — не ест, не пьёт: тоска его гложет. Дохлый он стал, замученный — хуже некуда!

Наконец письмо дяди Фёдора в город приехало. В городе уже другой почтальон его в сумку положил и папе с мамой домой понёс. А на улице дождик был сильный-пресильный. Почтальон весь промок до ниточки. Папа даже его пожалел:

— Что же это вы в такую погоду мокрую письма-то носите? Вы бы их лучше по почте отправили.

Почтальон согласился:

— Верно, верно. Чего это я ношу их в сырость? Это вы хорошо придумали. Я сегодня же доложу начальнику.

И папа с мамой стали письмо читать. Сначала им всё нравилось. И то, что у дяди Фёдора дом есть и корова. И что дом у него тёплый, и что он трактор купил. А потом они путаться начали. Папа читает:

— «А ещё у нас печка есть тёплая. Я так люблю на ней отдыхать! Здоровье-то у меня не очень: то лапы ломит, то хвост отваливается. Потому что, дорогие мои папа и мама, жизнь у меня была сложная, полная лишений и выгоняний. Но сейчас всё по-другому. И колбаса у меня есть, и молоко парное стоит в мисочке на полу... Мне мышей даже видеть не хочется. Я их просто так ловлю, для развлечения... на удочку... или пылесосом... А днём я люблю на крышу вскарабкаться... глаза вытаращу, усы расправлю и загораю как ненормальный. На солнышке облизываюсь...»

Мама слушала, слушала — и раз, в обморок упала! Папа воды принёс и маму в чувство привёл. Дальше мама сама читать стала:

— «А на днях я линять начал. Старая шерсть с меня сыплется — хоть в дом не заходи. Зато новая растёт — чистая, шелковистая! Просто каракуль. Да ещё охрип я немножечко. Прохожих много, на всех лаять приходится. Час полаешь, два полаешь, а потом у меня не лай, а свист какой-то получается и бульканье...»

Тут грохот в комнате раздался. Это папа в обморок упал. Теперь мама за водой побежала папу в чувство приводить.

Папа в себя пришёл и говорит:

— Что это с нашим ребёнком случилось? И лапы у него ломит, и хвост отваливается, и на прохожих он лаять начал.

— И мышей он ловит на удочку, — говорит мама. — И шерсть у него — чистый каракуль. Может, он там на природе в ягнёночка превратился? От свежего воздуха?

— Да? — говорит папа. — А я и не слышал, чтобы ягнята на прохожих булькали. Может, он просто с ума сошёл от свежего воздуха?

Решили они письмо до конца дочитать. Читают и глазам своим не верят:

— «Дорогие папа и мама, вы меня теперь просто не узнаете. Хвост у меня крючком, уши торчком, нос холодный и лохматость повысилась...»

— Что у него повысилось? — спрашивает мама.

— Лохматость у него повысилась. Он теперь может зимой на снегу спать.

Мама просит:

— Ладно, читай до конца. Я хочу всю правду знать, что там с моим сыном случилось.

И папа до конца дочитал:

— «Я теперь сам в магазин хожу. И все продавцы меня знают. Кости мне бесплатно дают... Так что вы за меня не переживайте... Если я на выставку попаду, мне все медали обеспечены. За красоту и сообразительность. До свиданья. Ваш сын — дядя Фарик».

После этого письма мама с папой полчаса в себя приходили, все лекарства в доме выпили.

Потом мама говорит:

— А может, это не он? Может, это мы с ума сошли? Может, это у нас лохматость повысилась? И мы можем зимой на снегу спать?

Папа стал её успокаивать, а мама всё равно кричит:

— Это меня все продавцы давно знают и кости мне бесплатно дают! Это мне мышей видеть не хочется! Вот сейчас у меня тоже лапы ломит и хвост отваливается! Потому что жизнь у меня была сложная, полная лишений и выгоняний! Где моя мисочка на полу?!

Еле-еле её папа в себя привёл.

— Если бы мы с ума сошли, то не оба сразу. С ума по отдельности сходят. Это только гриппом все вместе болеют. И никакая лохматость у нас не повышалась, а наоборот. Потому что мы вчера в парикмахерской были.

Но на всякий случай они себе температуру смили. И температура была нормальной — 36,6. Тогда папа взял конверт и внимательно осмотрел. На конверте стоял штамп, и на нём было название деревни, откуда это письмо отправлено. Там было написано: «Деревня Простоквашино».

Мама с папой достали карту и стали смотреть, где такая деревня находится. Насчитали таких деревень двадцать две. Они взяли и написали в каждую деревню письмо. Каждому деревенскому почтальону.

«Уважаемый почтальон!

Нет ли в вашей деревне городского мальчика, которого зовут дядя Фёдор? Он ушёл из дома, и мы очень за него беспокоимся.

Если он живёт у вас, напишите, и мы за ним приедем. А вам привезём подарки. Только мальчику ничего не говорите, чтобы он ничего не знал. А то он может переехать в другую деревню, и мы его уже не найдём. А нам без него плохо.

С большим уважением — мама Римма и папа Дима».

Они написали двадцать два таких письма и разослали их во все деревни с названием Простоквашино.

Глава
тринадцатая

ШАРИК
МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

Дядя Фёдор говорит коту:

— Надо что-то с Шариком делать. Пропадёт он у нас. Совсем от тоски высох.

Кот предлагает:

— Может, нам из него ездовую собаку сделать? Необязательно

ему охотничьей быть. Купим тележку, будем на нём всякие вещи возить. Например, молоко на базар.

— Нет, — возражает дядя Фёдор. — Ездовые собаки только на Севере бывают. И потом, у нас тр-тр Митя есть. Надо что-то другое выдумать.

А потом говорит:

— Придумал! Мы из него цирковую собаку сделаем — пуделя. Научим его танцевать, через кольцо прыгать, воздушным шариком жонглировать. Пусть детишек веселит маленьких.

Кот согласился с дядей Фёдором:

— Ну что же. Пусть будет пуделем. Комнатные собаки тоже нужны, хоть они и бесполезные. Будет он в доме жить, на диване лежать и тапочки подавать хозяину.

Позвали они Шарика и спрашивают:

— Ну что, хочешь, чтобы из тебя пуделя сделали?

— Делайте хоть чучело! — говорит Шарик. — Всё равно мне жизнь не мила. Нет мне счастья на этой земле. Похороню я своё призвание.

И стали они за реку собираться: в новый дом пятиэтажный, в парикмахерскую. Дядя Фёдор пошёл тр-тр Митю заводить, а Матроскин Мурке сена подбрасывать. Он ей открыл дверь ко- ровника и сказал:

— Мы дом на тебя оставляем. Если какой жулик появится, ты с ним не чикайся. Рогами его. А вечером я тебя чем-нибудь угощу.

Дядя Фёдор тр-тр Митю выкатил, супа в него налил и сел на шофёрское кресло. Шарик рядом устроился, а Матроскин — наверху. И поехали они стричься.

Митя тарахтел радостно и вовсю работал колёсами. Увидит лужу — и по ней! Так что вода во все стороны веером. Молодой ещё трактор! Новенький. А если он кур встречал на пути, он тихонечко подкрадывался и гудел во всё горло: «Уу-уу-уу!» Бедные куры по всей дороге разлетались. Замечательная была поездка. Дядя Фёдор песню запел, а трактор ему подпевал. Очень хорошо у них выходило.

— Во поле берёзонька...

— Тыр-тыр-тыр.

— Во поле кудрявая...

- Тыр-тыр-тыр.
- Люли-люли...
- Тыр-тыр-тыр.
- Люли-люли...
- Тыр-тыр-тыр.

Наконец они к парикмахерской подъехали. Кот в тракторе остался — сторожить, а дядя Фёдор с Шариком стричься пошли. В парикмахерской чисто, уютно и светло, и женщины сидят под колпаками, сохнут. Парикмахер спрашивает у дяди Фёдора:

- Что вам угодно, молодой человек?
- Мне надо Шарика постричь.

Парикмахер говорит:

— Дожили! Шарики, кубики! И как же его постричь? Под польку или под полубокс? Или, может быть, под мальчика? А может, его и побрить заодно?

Дядя Фёдор отвечает:

— Не надо его брить. И под мальчика не надо. Его надо под пуделя постричь.

— Это как — под пуделя?

— Очень просто. Его надо сверху завить. Внизу всё наголо. И на хвосте кисточка.

— Понятно, — говорит парикмахер. — На хвосте кисточка, в руках тросточка, в зубах косточка. Это уже не Шарик, это жених получается!

И все женщины под колпаками засмеялись.

— Ничего не выйдет, молодой человек. У нас есть женский зал и мужской зал, а собачьего пока что нет.

Так ни с чем они к Матроскину пришли. Кот говорит:

— Эх вы! Вы бы сказали, что это не просто собака, а какого-нибудь артиста или директора стадиона. Вас бы вмиг и постригли, и завили, и одеколоном побрызгали. Ну-ка, идите назад!

Когда они снова пришли, парикмахер очень удивился:

— Вы что-то забыли, молодой человек? Что именно?

Дядя Фёдор говорит:

— Мы забыли вам сказать, что это собака не просто собака, а учёная. Мы её к выступлению готовим.

Парикмахер как засмеётся:

— Ой, учёная-кипячёная! А что же она у вас умеет делать? Может, она у вас писать-сочинять умеет? Может, она у вас на дудочке дудит?

Дядя Фёдор говорит:

— Про дудочку я не знаю, а считает она запросто.

— Да? Ну, а сколько будет пятью пять?

— Пятью пять будет двадцать пять, — говорит Шарик. — А шестью шесть — тридцать шесть.

Парикмахер как услышал, так и сел в кресло парикмахерское! И вправду собака учёная: не только считать, но и говорить умеет. Достал он салфетку чистую и говорит:

— Если клиенты не возражают, я пожалуйста. И постригу и завью вашего Шарика. И ещё детям расскажу, чтобы учились. Уж если собаки грамотными стали, то детям спешить надо. Иначе все места в школе звери займут.

Женщины, которые под колпаками сохли, не стали возражать:

— Что вы! Что вы! Такую собаку надо обязательно в порядок привести. У такой собаки всё должно быть прекрасно: и душа, и причёска, и кисточка!

И парикмахер за работу принялся. А пока он Шарика стриг, он с ним разговаривал. Он ему вопросы задавал из разных областей науки. А Шарик ему отвечал.

Парикмахер просто поражён был. Он такой учёности никогда в жизни не видел. Он постриг Шарика, и завил, и голову ему помыл, и денег за работу не взял от удивления. И так его проодеколонил, что от Шарика «Полётом» за километр пахло. Пудель из Шарика получился — хоть сейчас на выставку! Он даже сам себя в зеркале не узнал.

— Что это за штучка такая кудрявенькая? Не собака, а барышня. Так бы и укусил! — говорит Шарик.

Сверху-то он пуделем стал, а внутри так Шариком и остался.

А дядя Фёдор отвечает:

— Это ты сам. Комнатная собака — пудель. Привыкай теперь.

Только Шарик что-то не очень повеселел после парикмахерской. А ещё больше загрустил. Его грусть дяде Фёдору передавалась, а от него Матроскину. И даже Митя помалкивал — кур не пугал.

Одно их только под конец развеселило. Подъехали они к своему домику, смотрят, а у них почтальон Печкин на яблоне сидит. Дядя Фёдор говорит:

— Смотрите, какой фрукт у нас на яблоне созрел в конце августа месяца! Чего вы там делаете?

— Ничего не делаю, — отвечает Печкин. — От вашей коровы спасаюсь. Я пришёл к вам в окошко посмотреть, все ли у вас электроплитки выключены. А она на меня как набросится! Вон у меня сколько дырок на штанах.

И верно, дырок у него на штанах с десяток. А внизу под деревом Мурка лежит, жвачку пережёвывает.

Пришлось им Печкина снова чаем отпаивать. А пока они чай готовили, он тихонечко в коридор вышел и незаметно от курточки дяди Фёдора пуговичку отрезал. Зачем он это сделал, мы с вами потом узнаем. Только пуговичка эта очень нужна была Печкину.

Глава
четырнадцатая

ПРИЕЗД
ПРОФЕССОРА
СЁМИНА

Жить бы и жить дяде Фёдору счастливо, да что-то никак не получается. Только с Шариком кое-как разобрались, тут новая беда. Приходит дядя Фёдор однажды в дом и видит: стоит Матроскин перед зеркалом и усы красит. Дядя Фёдор спрашивает:

— Что это с тобой, кот? Влюбился ты, что ли?

Кот как засмеётся:

— Вот ещё! Стану я глупостями заниматься! Я даже слова такого не знаю — влюбился! Просто мой хозяин приехал — профессор Сёмин.

— А усы тут при чём?

— А при том, — говорит кот, — что я теперь внешность меняю. На нелегальное положение перехожу. Буду в подполе жить.

— Зачем? — спрашивает дядя Фёдор.

— А затем, чтобы меня хозяева не забрали.
— Да кто же тебя заберёт? Какие хозяева?
— Профессор заберёт. Ведь я же его кот. И Шарика могут забрать. Шарик ведь тоже его.

Дядя Фёдор даже пригорюнился: а ведь верно, могут забрать.

— Послушай, Матроскин, — говорит он, — но как же они тебя заберут, если они тебя из дома выставили?

— В том-то и дело, что не выставили, — говорит кот. — Они, когда уезжали, меня знакомым оставили. А те — другим знакомым. А от других знакомых я сам убежал. Они меня в ванную запирали, чтобы я не линял по всем комнатам. И Шарик, наверно, так же бездомным стал.

Дядя Фёдор задумался, а Матроскин продолжал:

— Нет, он профессор хороший. Ничего профессор. Только я сейчас и к самому замечательному не пойду. Я хочу, дядя Фёдор, только с тобой жить и корову иметь.

Дядя Фёдор говорит:

— Я уж и не знаю, что делать. Может, нам в другую деревню перебраться?

— Больно хлопотно, — возражает кот. — И Мурку перевозить, и вещи... А потом, к нам здесь уже все привыкли. Ничего, дядя Фёдор, не отчаивайся. Я и в подполе поживу. Ты лучше делом займись.

— Каким ещё делом?

— А таким. Дрова надо заготавливать — зима на носу. Берри-ка ты верёвку и в лес поезжай. И Шарика с собой возьми.

Но Шарик, как узнал про профессора, тоже из дома выходить не захотел.

— Поезжай, поезжай, — говорит ему кот. — Тебе бояться нечего, тебя даже мать родная не узнает теперь. Ты же у нас пуделем стал.

И они согласились. Шарик верёвку взял для дров, пилу и топор, а дядя Фёдор пошёл тр-тр Митю заводить.

Кот им говорит:

— Запомните: надо только берёзы пилить. Берёзовые дрова — самые лучшие.

Дядя Фёдор не согласен:

— А мне берёзы жалко. Вон они какие красивые.

Кот говорит:

— Ты, дядя Фёдор, не о красоте думай, а о морозах. Как ударит сорок градусов, что ты будешь делать?

— Не знаю, — отвечает дядя Фёдор. — Только если все начнут берёзы на дрова пилить, у нас вместо леса одни пеньки останутся.

— Верно, — говорит Шарик. — Это только для старушек хорошо, когда в лесу одни пеньки. На них сидеть можно. А что будут птицы делать и зайцы? Ты о них подумал?

— Буду я ещё о зайцах думать! — кричит кот. — А обо мне кто подумает? Валентин Берестов?

— А кто такой Валентин Берестов?

— Не знаю кто. Только так пароход назывался, на котором мой дедушка плавал.

— Наверное, он был хороший человек, если на нём твой дедушка плавал, — говорит мальчик. — И он не стал бы берёзы пилить.

— А что бы он стал делать? — спрашивает кот.

— Наверное, он бы стал хворост заготавливать, — предположил Шарик.

— Вот мы так и сделаем! — сказал дядя Фёдор.

И поехали они с Шариком хворост заготавливать. Весь трактор загрузили хворостом и сзади ещё целую кучу верёвками привязали. Потом они картошки напекли на костре, грибов нажарили на палочке и стали есть.

А тр-тр Митя смотрел, смотрел на них и как загудит! Дядя Фёдор чуть картошкой не подавился, а Шарик даже на два метра подскочил.

— Совсем я про эту тархтелку забыл, — говорит. — Я думал, на меня самосвал едет.

— А я думал, что бомба взорвалась, — говорит дядя Фёдор. — Надо дать ему что-нибудь поесть. А то он нас на тот свет отправит. Гудит, как пароход.

Покормили они трактор и решили домой ехать. А тут заяц мимо бежит. Шарик как закричит:

— Смотрите — добыча!

Дядя Фёдор его успокаивает:

— Ты что, забыл? Ты же теперь пудель. Ты скажи: «Тьфу

ты! Какой-то заяц. Зайцы меня сейчас не интересуют. Меня интересует — тапочки хозяину приносить».

Но Шарик своё говорит:

— Тьфу ты! Какие-то тапочки! Тапочки меня не интересуют! Меня интересует — зайцев хозяину приносить! Вот я ему задам!

И как дунет за зайцем — только деревья в обратную сторону побежали. А дядя Фёдор домой поехал. Он очень много хвороста привёз. Но Матроскин всё равно недоволен:

— От этого хвороста не тепло будет, а треск один. Это не дрова, а мусор. Я по-другому сделаю.

Глава
пятнадцатая

ПИСЬМО
В ИНСТИТУТ
СОЛНЦА

Кот попросил у дяди Фёдора карандаш и стал что-то писать.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Ты что придумал?

Кот отвечает:

— Я письмо пишу в один институт, где Солнце изучают. У меня там связи имеются.

— А что такое «связи»? — спрашивает дядя Фёдор.

— Это знакомства деловые, — объясняет кот. — Это когда люди друг другу хорошее делают ни с того ни с сего. Просто по старой памяти.

— Понятно, — говорит дядя Фёдор. — Если, например, мальчик в автобусе ни с того ни с сего старушке место уступил, значит, он это по знакомству сделал. По старой памяти.

— Нет, это не то, — толкует кот. — Это просто вежливый мальчик был. Или учительница в том же автобусе ехала. А вот если мальчик когда-то старушке картошку чистил, а она за него в это время задачки решала, значит, у них было деловое знакомство. И они всегда будут друг другу помогать.

— А тебе какая помощь нужна?
— Я хочу, чтобы мне солнце маленькое прислали. Домашнее.
— Бывают такие солнца? — удивился мальчик.
— Вот увидишь, — говорит кот и вдруг как закричит: — Это кто мой карандаш утащил?!

Галчонок Хватайка отвечает со шкафа:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

— Давай сюда! — велит Матроскин.

Только отнять у Хватайки что-нибудь не так-то просто было. Полчаса за ним кот по дому гонялся. Наконец отнял карандаш. Хватайка за это обиделся. И только Матроскин отвернётся, он подскочит сзади — и хватать его за хвост! Кот от неожиданности каждый раз до потолка подпрыгивал. А дядя Фёдор смеялся до слёз.

Наконец кот письмо дописал. Оно было такое:

«Дорогие учёные!

У вас, наверное, тепло. А у нас скоро зима. А мой хозяин дядя Фёдор не велит природу на дрова пилить. Не понимает он, что замёрзнем мы с этим хворостом! Пришлите нам, пожалуйста, солнце домашнее. А то скоро будет поздно.

Уважающий вас кот Матроскин».

Потом он адрес написал: «Москва, Институт физики Солнца, отдел Восходов и Заходов, учёному у окна, в халате без пуговиц. У которого разные носки».

А тут Шарик является и зайца в зубах приносит. И у зайца язык свешивается, и у Шарика. Устали оба. Но зато Шарик счастлив, а заяц не очень рад.

— Вот, — говорит радостный Шарик, — добыл.

— А зачем? — спрашивает кот.

— Как — зачем?

— А так. Что ты с ним делать собираешься?

— Не знаю, — отвечает пёс. — Моё дело охотничье — добыть. А что делать, это уже хозяин решает. Может, он его в детский сад отдаст. А может, пуха надёргает и варежки свяжет.

— Хозяин решает, что его отпустить надо, — говорит дядя Фёдор. — Звери в лесу должны жить. Нечего у нас зоопарк устраивать!

Шарик погрузнел, будто в нём лампочка погасла, но спорить не стал. Дядя Фёдор дал зайцу морковку и на крыльцо вынес.
— Ну, — говорит, — беги!

А заяц не бежит никуда. Сидит тихонечко и всё рассматривает. Тут Матроскин забеспокоился: ничего себе — ещё один жилец у них намечается! Своих девать некуда!

Вынес он потихоньку Шарикино ружьё, подкрался к зайцу — и как над ухом у него пальнёт! Заяц аж подпрыгнул! Лапками он в воздухе заработал и с места пулей — раз! Сам Матроскин не меньше перепугался — и пулей в другую сторону. Только ружьё в середине лежит и дым кверху пошёл синенький.

А Шарик на крыльце стоит, и слёзы у него из глаз катятся. Дядя Фёдор говорит:

— Ладно, не плачь. Я придумал, что с тобой делать. Мы тебе фотоаппарат купим. Будешь ты фотоохотой заниматься. Будешь зверей фотографировать и фотографии в разные журналы посылать.

Наверное, это и в самом деле лучший выход был. С одной стороны, это всё-таки охота. А с другой — никаких зверей стрелять не приходится.

И стал Шарик фотоаппарат ждать, как дети ждут праздника 1 Мая.

Глава
шестнадцатая

ТЕЛЁНОК

С тех пор как Матроскин в подполе жил, жизнь дяди Фёдора усложнилась. Мурку в поле выгонять — дяде Фёдору. В магазин идти — дяде Фёдору. К колодцу за водой тоже дядя Фёдор идёт. А раньше всё это кот делал. От Шарика тоже толку мало было. Потому что ему фоторужьё купили. Он с утра в лес и полдня за зайцем носится, чтобы сфотографировать. А потом снова полдня за ним гоняется, чтобы фотографию отдать.

А тут опять событие. Утром, когда они ещё спали, кто-то в дверь постучал. Матроскин перепугался страшно — не профессор ли это пришёл его забирать. И прямо с печки в подпол — прыг! (Он теперь подпол всегда открытым держал. А там окошко было маленькое, чтобы огородами, огородами и прямо в лес.) Дядя Фёдор с кровати спрашивает:

— Кто там?

А это Шарик:

— Здравствуйте пожалуйста! У нашей коровы телёнок родился!

Дядя Фёдор с котом в сарай побежали. И верно: около коровы телёночек стоит. А вчера не было.

Матроскин сразу заважничал: вот, мол, и от его коровы польза есть! Не только скатерти она жевать умеет. А телёнок смотрит на них и губами шлёпает.

— Надо его в дом забрать, — говорит кот. — Здесь ему холодно.

— И маму в дом? — спрашивает Шарик.

— Нам только мамы не хватало, — говорит дядя Фёдор. — Да она у нас все скатерти поест и пододеяльники. Пусть здесь сидит.

Они повели телёнка в дом. Дома они его рассмотрели. Он был шерстяной и мокренький. И вообще он был бычок. Стали думать, как его назвать. Шарик говорит:

— А чего думать? Пусть будет Бобиком.

Кот как захохочет:

— Ты его ещё Рексом назови. Или Тузиком. Тузик, Тузик, съешь арбузик! Это же бык, а не спаниель какой-нибудь. Ему нужно серьёзное название. Например, Аристофан. И красивое имя, и обязывает.

— А кто такой Аристофан? — спрашивает Шарик.

— Не знаю кто, — говорит кот. — Только так пароход назывался, на котором моя бабушка плавала.

— Одно дело пароход, а другое — телёнок! — говорит дядя Фёдор. — Не каждому понравится, когда в честь тебя телят называют. Давайте мы вот как сделаем. Пусть каждый имя придумает и на бумажке напишет. Какую бумажку мы из шапки вытащим, так телёнка и назовём.

Это всем понравилось. И все стали думать. Кот придумал имя

Стремительный. Морское и красивое. Дядя Фёдор придумал имя Гаврюша. Оно очень подходило к телёнку. А если большой бык вырастет, его никто бояться не будет. Потому что бык Гаврюша не может быть злым, а только добрым.

А Шарик думал, думал и ничего придумать не мог. И он решил:

— Напишу-ка я первое слово, которое в голову придёт.

И ему в голову пришло слово «чайник». Он так и написал и был очень доволен. Ему нравилось такое имя — Чайник. Что-то в нём было благородное, испанское. И когда стали имена из шапки тащить, этого Чайника и вытащили. Кот даже ахнул:

— Ничего себе имечко! Всё равно что бык Сковородка или Котелок. Ты бы его ещё Половником назвал.

— А ты что придумал, дядя Фёдор? — спрашивает Шарик.

— Я Гаврюшу придумал.

— А я — Стремительного, — сказал кот.

— А мне Гаврюша нравится! — вдруг говорит Шарик. — Пусть он будет Гаврюшей. Это я сгоряча его Чайником назвал.

Кот согласился:

— Пусть Гаврюшей будет. Очень хорошее имя. Редкое.

Так и стал телёнок Гаврюшей. И тут у них разговор интересный получился. Про то, чей телёнок. Ведь корову-то они напрокат взяли. Дядя Фёдор говорит:

— Корова государственная. Значит, и телёнок государственный.

А кот не согласен:

— Корова действительно государственная. Но всё, что она даёт — молоко там или телят, — это наше. Ты, дядя Фёдор, сам посуди. Вот если мы холодильник напрокат берём, он чей?

— Государственный.

— Правильно. А мороз, который он вырабатывает, чей?

— Мороз наш. Мы его для мороза и берём.

— Вот и здесь так же. Всё, что корова даёт, нам принадлежит. Для этого мы и брали её.

— Но брали-то мы одну корову. А теперь у нас две получилось! Раз корова не наша, значит, и телёнок не наш.

Матроскин рассердился даже:

— Брали. Но брали-то мы её по квитанции! — И квитанцию принёс: — Вот смотрите, что здесь написано: «Корова. Рыжая.

Одна». Про телёнка ничего не написано. А раз мы корову взяли по квитанции, по квитанции и сдавать будем — одну.

И тут Шарик вмешался:

— Я не пойму, чего вы спорите. Ты же, Матроскин, собирался корову насовсем купить. Если она тебе понравится. Вот и покупай насовсем. И телёнок у нас останется.

— Я с моей Муркой ни за что не расстанусь, — говорит кот. — Я её обязательно насовсем куплю. Это я просто так спорил. Потому что дядя Фёдор неправ.

А пока у них весь этот спор шёл, телёнок времени не терял. Он два носовых платка съел у дяди Фёдора. Он был чёрненький, а мама — рыжая. Но по характеру он в маму пошёл: ел что ни попадя.

Глава
семнадцатая

РАЗГОВОР
С ПРОФЕССОРОМ
СЁМИНЫМ

Когда появился телёнок Гаврюша, работы в хозяйстве ещё больше стало.

И тогда дядя Фёдор понял, что он совсем пропадёт без помощи Матроскина. Хоть совсем уезжай из деревни к родителем.

И он решил поговорить с профессором Сёминым.

Он надел самую лучшую свою рубашку, самые лучшие штаны, причёсался как следует и пошёл.

Вот он подошёл к даче, где жил профессор, и позвонил. И сразу к нему вышла бабушка с пылесосом:

— Тебе чего, мальчик?

— Я хочу с профессором поговорить.

— Хорошо, проходи, — сказала она. — Только ноги вытирай.

Дядя Фёдор вошёл и поразился, как чисто было вокруг. Всё блестело, как в городской квартире. Кругом стояли шкафы с книгами, кресла и стулья. И кухня была вся белая.

Бабушка взяла дядю Фёдора за руку и повела в комнату профессора.

— Вот, — сказала она, — к тебе, Ваня, молодой человек.

Профессор поднял голову от стола и говорит:

— Здравствуй, мальчик. Ты зачем пришёл?

— Я хочу у вас про кота спросить.

— А что про кота?

— Допустим, у вас был кот, — говорит дядя Фёдор. — А теперь он живёт в другом месте и не хочет к вам идти. Можете вы его забрать или нет?

— Нет, — отвечает профессор. — Если он не хочет ко мне идти, как же я его заберу! Это будет неправильно. А про какого кота вы говорите?

— Про кота Матроскина. Он раньше у вас жил. А теперь у меня живёт.

— А откуда вы знаете, что он не хочет ко мне идти?

— Он мне сам сказал.

Профессор так и подпрыгнул:

— Кто сказал?

— Кот Матроскин.

— Послушайте, молодой человек, — удивился профессор, — где это вы видели говорящих котов?

— У себя дома.

— Не может быть, — говорит профессор Сёмин. — Я всю жизнь язык зверей изучаю и сам кошачьим владею чуть-чуть, но говорящих котов никогда не встречал. Не можете вы меня с ним познакомить?

— А вы его не заберёте? Ведь это же ваш кот.

— Да нет же. Не заберу. Знаете что, приходите-ка вы ко мне в гости с этим котом! Обедать. У меня сегодня очень вкусный суп.

Дядя Фёдор согласился и пошёл кота звать. Он и Шарика хотел пригласить, только Шарик наотрез отказался:

— Я и за столом сидеть не умею, и вообще боюсь и стесняюсь.

— Чего боишься?

— Что меня заберут.

— Чудак. Он же сказал, что забирать нельзя, если зверь не хочет.

— Это он про котов говорил. А про собак ещё неизвестно. Уж лучше я дома останусь фотографии проявлять.

И они пошли вдвоём с Матроскиным. Когда они пришли, стол для них был уже накрыт. Очень хорошо накрыт. И вилки лежали, и ложки, и хлеб порезанный. И суп был действительно очень вкусный — борщ со сметаной. А профессор всё с котом разговаривал. Он спрашивал:

— Вот я уточнить хочу. Как будет на кошачьем языке «Не подходите ко мне, я вас оцарапаю»?

Матроскин отвечал:

— Это не на языке, это на когтях будет. Надо спину выгнуть, правую лапу поднять и когти вперёд выпустить.

— А если «ш-ш-ш-ш-ш-ш» добавить? — спрашивает профессор.

— Тогда, — говорит кот, — это уже ругательство получается кошачье. Что-то вроде: «Не подходите ко мне, я вас оцарапаю. А идите лучше к собачьей бабушке».

И профессор всё за ним записывал. А потом он им очень много конфет подарил и банку сметаны для кота.

— Да, — говорит, — не кот был у меня, а золото. А я этого не понимал. А то бы я давно академиком был.

Ещё он дяде Фёдору свою книжку дал про язык зверей и всё время в гости приглашал. И сам обещал приходить. Вообще он оказался очень хорошим. И кот Матроскин с тех пор перестал в подполе сидеть и чуть что с печки в подвал прыгать.

Глава
восемнадцатая

ПИСЬМО
ПОЧТАЛЬОНА
ПЕЧКИНА

А папа с мамой совсем уж соскучились без дяди Фёдора. И жизнь им не мила стала. Раньше у них всё не было времени дядей Фёдором заниматься: хозяйство их заедало, телевизор и газеты вечерние. А теперь у них столько времени объявилось,

что на двух дядей Фёдоров хватило бы. Не знали, куда это время девать. Они всё время про дядю Фёдора говорили и в почтовый ящик заглядывали — нет ли писем из деревень Простоквашино.

Мама говорит:

— Я теперь многое поняла. Если дядя Фёдор найдётся, я для него няню заведу. Чтобы ни на шаг от него не отходила. Он тогда никуда не убежит.

— И ни капельки ты не права, — говорит папа. — Он же мальчик. Ему нужны приятели, чердаки, шалаши разные. А ты из него барышню кисельную делаешь.

— Не кисельную, а кисейную, — поправляет мама.

— Да хоть клоквенную! — кричит папа. — Он же мальчик! Сейчас даже девочки пошли шурум-бурумные! Я вот мимо детского сада проходил, когда там ребят спать укладывали. Так они на кроватях чуть не до потолка прыгали. Как кузнечики! Из штанишек выскакивали. Мне и самому так прыгать захотелось!

— Давай, давай! — говорит мама. — Прыгай до потолка! Выскакивай из штанишек! Только сына я тебе портить не позволю! И никаких собак у нас дома не будет! И никаких кошек! Уж в крайнем случае я на черепаху соглашусь в коробочке.

И так они каждый день разговаривали. И мама всё строже и строже становилась. Она решила ни папе, ни дяде Фёдору воли не давать. А тут письма стали приходить от почтальонов. Сначала одно. Потом ещё одно. Потом сразу десять. Но хороших новостей не было. Письма были такие:

«Здравствуйте, папа и мама!

Пишет вам почтальон из деревни Простоквашино. Зовут меня Вилкин Василий Петрович. Работаю я хорошо.

Вы спрашиваете, нет ли в нашей деревне мальчика дяди Фёдора. Отвечаем: такого мальчика у нас нет.

Есть один человек, которого зовут Фёдор Фёдорович. Но это дедушка, а не мальчик. И он вам, наверное, не нужен.

Края у нас хорошие и много разных просторов. Приезжайте к нам жить и работать. Поклон вам от всех простоквашинцев.

С большим приветом — почтальон Вилкин».

Или такие:

«Уважаемые папа и мама!

Вы пишете, что от вас ушёл дядя. Ну и пусть. Но при чём здесь мальчик? Или он ушёл мальчиком, а вырос в дядю? Тогда не понятно, кому подарки.

Напишите нам со старухой, чтобы мы знали. Только побыстрее, а то мы собираемся в дом отдыха во вторую смену. Мы очень хотим знать ответ на эту загадочную тайну.

Почтальон Ложкин со старухой».

Много было разных писем, а нужного письма не было.

Мама говорит:

— Не найдём мы дядю Фёдора. Уже двадцать одно письмо пришло, а про него ни слова.

Папа её успокаивает:

— Ничего, ничего. Подождём двадцать второе.

И вот оно пришло. Мама раскрыла и глазам своим не поверила.

— «Здравствуйте, папа и мама!

Пишет вам почтальон Печкин из деревни Простоквашино. Вы спрашиваете про мальчика дядю Фёдора. Вы про него ещё заметку в газете писали. Этот мальчик живёт у нас. Я недавно заходил к нему посмотреть, все ли у них плитки выключены, а его корова меня на дерево загнала.

А потом я у них чай пил и незаметно пуговицу отрезал от курточки. Посмотрите, ваша ли это пуговица. Если пуговица ваша, значит, и мальчик ваш».

Мама вынула пуговицу из конверта и как закричит:

— Это моя пуговица! Я её сама дяде Фёдору пришивала!

Папа тоже как закричит:

— Ура!

И маму к потолку подбросил от радости. А очки у него как слетят! И не видит он, где маму ловить. Хорошо, что она на диван прилетела, а то бы папе досталось.

И она стала дальше читать:

— «Всё у вашего мальчика хорошо. И трактор есть, и корова.

Он всяких зверей кормит. И кот у него есть хитрый-прехитрый. Я из-за этого кота в изолятор попал: он меня молоком угостил, от которого с ума сходят.

Вы можете приехать за вашим мальчиком, потому что он ничего не знает. И я ему ничего не скажу. А мне привезите велосипед. Я на нём буду почту развозить. И от новых штанов я бы тоже не отказался.

До свиданья. Почтальон деревни Простоквашино, Можайского района, Печкин».

И мама с папой после этого письма стали в дорогу готовиться, а дядя Фёдор ничего не знал.

Глава
девятнадцатая

ПОСЫЛКА

По утрам на улице уже лёд был — зима приближалась. И каждый своим делом занимался. Шарик по лесам с фотоаппаратом бегал. Дядя Фёдор кормушки для птиц и лесных зверей мастерил. А Матроскин Гаврюшу обучал. Учил его всему. Палку в воду бросит, а телёнок принесёт. Скажет ему: «Лежать!» — и Гаврюша лежит. Прикажет ему Матроскин: «Взять! Куси!» — тот сразу бежит и бодаться начинает.

Прекрасный сторожевой бык из него получался. И вот однажды, когда каждый из них своё дело делал, к ним почтальон Печкин пришёл.

— Здесь кот Матроскин живёт?

— Я Матроскин, — говорит кот.

— Вам посылка пришла. Вот она. Только я вам её не отдам, потому что у вас документов нету.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Зачем же вы её принесли?

— Потому что так положено. Раз посылка пришла, я должен её принести. А раз документов нету, я не должен её отдавать.

Кот кричит:

— Отдавайте посылку!

— Какие у вас документы? — говорит почтальон.

— Лапы, хвост и усы! Вот мои документы.

Но Печкина не переспоришь.

— На документах всегда печать бывает и номер. Есть у вас номер на хвосте? А усы и подделать можно. Придётся мне посылку обратно относить.

— А как же быть? — спрашивает дядя Фёдор.

— Не знаю как. Только я к вам теперь каждый день приходить буду. Принесу посылку, спрошу документы и обратно унесу. Так две недели. А потом посылка в город уедет. Раз её не получил никто.

— И это правильно? — спрашивает мальчик.

— Это по правилам, — отвечает Печкин. — Я, может, вас очень люблю. Я, может, плакать буду. А только правила нарушать нельзя.

— Не будет он плакать, — говорит Шарик.

— Это уж моё дело, — отвечает Печкин. — Хочу — плачу, хочу — нет. Я человек свободный. — И он ушёл.

Матроскин от сердитости хотел на него Гаврюшу натравить, но дядя Фёдор не позволил. Он сказал:

— Я вот что придумал. Мы найдём ящик, такой, как у Печкина, и всё на нём напишем. И наш адрес, и обратный. И печати сделаем, и верёвками перевяжем. Печкин придёт, мы его за чай посадим, а ящики возьмём и переменим. Посылка у нас останется, а пустой ящик к учёным отправится.

— Зачем же пустой? — говорит Матроскин. — Мы в него грибов положим или орехов. Пусть учёные подарок получают.

— Ура! — кричит Шарик. И Гаврюшу позвал от радости: — Гаврюша, ко мне! Дай лапу.

Гаврюша ногу протянул и хвостиком виляет, совсем как собака.

Так они и сделали. Достали ящик посылочный, положили в него грибы и орехи. И письмо положили:

«Дорогие учёные!

Спасибо за посылку. Желаем вам здоровья и изобретений. А особенно всяких открытий».

И подписались:

«Дядя Фёдор — мальчик.

Шарик — охотничий пёс.

Матроскин — кот по хозяйственной части».

Потом они адрес написали, всё как надо сделали и стали Печкина ждать. Они даже ночью заснуть не могли. Всё думали: получится у них или не получится.

Утром кот пирогов напёк. Дядя Фёдор чаю заварил. А Шарик с Гаврюшей всё на дорогу бегали смотреть, идёт Печкин или не идёт. И вот Шарик примчался:

— Идёт!

Печкин подошёл и в дверь постучал.

Хватайка со шкафа спрашивает:

— Кто там?

Печкин отвечает:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс посылку. Только я вам её не отдам. Потому что у вас документов нету.

Матроскин на крыльцо вышел и спокойно так говорит:

— А нам и не надо. Мы бы эту посылку и сами не взяли. Зачем нам гуталин?

— Какой такой гуталин? — удивился Печкин.

— Обыкновенный. Которым ботинки чистят, — объясняет кот. — В этой посылке наверняка гуталин.

Печкин даже глаза вытаращил:

— Это кто же вам столько гуталина прислал?

— Это мой дядя, — объясняет кот. — Он у сторожа живёт на гуталинном заводе. У него гуталина завались! Не знает, куда его девать. Вот и шлёт кому попало!

Печкин даже растерялся. А тут Шарик посылку понюхал и говорит:

— Нет, там совсем не гуталин.

Печкин обрадовался:

— Вот видите! Не гуталин.

— Там мыло! — говорит Шарик.

— Какое ещё мыло?! — кричит Печкин. — Совсем вы мне голову заморочили! Зачем вам столько мыла прислали? Что у вас, баня открывается?

— Если там мыло, — говорит дядя Фёдор, — значит, его моя тётя прислала, Зоя Васильевна. Она на мыльной фабрике испытателем работает. Мыло испытывает. Ей ещё в автобус садиться нельзя. Особенно в дождик.

— Это ещё почему? — спрашивает Печкин.

— В дождик она вся мыльной пеной покрывается. Людей в автобусе много, как они надавят, так она и выскальзывает каждый раз. А однажды она по лестнице ехала с шестого этажа до первого.

Тут уже Шарик спросил:

— Почему?

— Потому что пол мыли. Лестница мокрая была. А она-то ведь скользкая, намыленная.

Печкин послушал и говорит:

— Мыло там или не мыло, а я вам посылку не дам! Потому что у вас документов нету. И вообще напрасно вы мне голову морочите. Я вам не дурачок! — и сам себя по голове постучал.

А галчонок услышал стук и спрашивает:

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принёс для вас посылку. То есть не принёс, а уношу. А ты, говорилка, помалкивай себе на шкафу!

Кот ему говорит:

— Ладно вам сердиться. Идите лучше чай пить. У меня пироги на столе.

Печкин сразу согласился:

— Я очень люблю пироги. И вообще мне у вас нравится.

Они его к столу повели. Только Печкин хитрый. Он с посылкой не расстаётся. Даже сел на неё вместо стула.

Тогда дядя Фёдор стал конфеты на другой конец стола ставить. Чтобы Печкин за ними потянулся и с посылки привстал.

Но Печкина не проведёшь. Он с посылки не встаёт, а просит:

— Подайте мне вот те конфеты. Очень они замечательные!

Того и гляди, конфеты съест. Но тут всех Хватайка выручил. Печкин две конфеты себе в нагрудный карман положил, чтобы домой взять.

А галчонок сел к нему на плечо и конфеты вытащил.

Почтальон кричит:

— Отдавай! Это мои конфеты!

И за галчонок побежал. Хватайка — на кухню. Печкин — за ним.

Тут Матроскин посылку и подменил. Прибежал Печкин с конфетами и снова на посылку сел.

А посылка уже не та.

Наконец они весь чай выпили и пироги съели. А Печкин всё равно сидит. Он думает, что ему ещё что-нибудь дадут. Шарик ему намекает:

— Не пора ли вам на почту идти? А то скоро она закроется.

— И пускай закрывается. У меня свой ключ есть.

Матроскин тоже говорит:

— Мне кажется, у вас дома плитка не выключена. Очень может быть, что пожар будет.

— А у меня плитки нет, — отвечает Печкин.

Шарик тогда тихонько спрашивает у дяди Фёдора:

— Можно, я его просто укушу? Чего он не уходит?

А у Печкина слух хороший был. Он и услышал.

— Ах вот как! — говорит. — Я к вам со всей душой, а вы меня кусать собираетесь?! Ну и пожалуйста! Больше я посылку носить не буду. Я её завтра же назад пошлю.

А им только этого и надо было.

И как только он ушёл, они дверь заперли и стали посылку распечатывать.

Вверху посылки письмо лежало:

«Дорогой кот!

Мы все тебя помним. Жалко, что ты от нас потерялся».

— Ничего себе потерялся! — говорит Матроскин. — Меня завхоз прогнал.

«Мы за тебя рады, что ты хорошо живёшь. А природу на дрова рубить не надо. Твой хозяин прав.

Посылаем тебе солнце маленькое, домашнее. Как с ним обращаться, ты знаешь. Видел у нас. Посылаем и регулятор — делать жарче и холоднее. Если ты что-то забыл, напиши нам, мы всё тебе объясним.

Всего хорошего. Институт физики Солнца. Учёный у окна, в халате без пуговиц, у которого теперь одинаковые носки, — Курляндский».

Кот говорит:

— Теперь вы меня слушайте и не мешайте.

Он достал из ящика бумагу, свёрнутую в трубку. Это была большая переводная картинка, на которой солнце было нарисовано. Только не красками, а тонкими медными проволочками. Картинку надо было на потолок перевести и в розетку включить.

Они дружно стали шкаф отодвигать, чтобы удобнее с него солнце на потолок наклеить. А Хватайке это не понравилось. Он стал на них разные вещи сбрасывать, шипеть и кусаться. Но всё-таки они шкаф отодвинули. Кот взял солнце, намочил его и перевёл на потолок. А провода в электричество включил. Не просто так, а через чёрный ящик. На этом ящике ручка была. Кот ручку немного повернул, и тут чудо получилось: солнце светиться начало. Сначала краешек, потом ещё немного. В комнате сразу тепло и светло стало. И все обрадовались и запрыгали. И галчонок на шкафу тоже запрыгал. Только не от радости, а

оттого, что ему жарко стало. Они скорее шкаф на место передвинули.

Дядя Фёдор говорит:

— Вы как хотите, а я буду загорать.

Он постелил одеяло на полу, лёг на него в трусиках и спину солнышку подставил. И кот на одеяло лёг, греться стал. И всё в доме ожило. И цветы к солнцу потянулись, и бабочки откуда-то выбрались. И телёнок Гаврюша стал скакать, как на лужайке.

А на дворе сырость, холод и слякоть. Скоро зима подойдёт. Их домик с улицы так и светится, как игрушечный. Даже какая-то синица в окно стучать начала. Но её не пустили. Нечего баловать. Вот будут морозы сильные, тогда пожалуйста, милости просим.

С этих пор у них очень хорошая жизнь началась. Утром они солнышко включают и весь день греются. На дворе холод, а у них лето жаркое.

А почтальон Печкин любопытный был. Он смотрит — по всей деревне люди печи топят, дым из труб идёт, а у дяди Фёдора дыма из трубы нет. Опять непорядок. Он решил узнать, в чём дело. Приходит он к дяде Фёдору:

— Здравствуйте. Я вам газету «Современный почтальон» принёс.

А сам глазами в печку уставился. Видит: в печке дрова не горят, а в доме тепло. Он ничего не понимает, а солнца домашнего не видит. Потому что оно как раз над ним на потолке было. Ему голову печёт.

Дядя Фёдор говорит:

— А мы газету «Современный почтальон» не выписываем. Это взрослая газета.

— Ах какая жалость! — сокрушается Печкин. — Значит, я что-то перепутал. — А сам глазами по сторонам водит: нет ли где электроплитки какой или камина.

Солнце его греет. Стоит он, потом обливается, но не уходит. Хочет секрет выведать.

— Значит, вы «Современный почтальон» не выписываете? Очень жалко. Это газета нужная. Там про всё на свете пишут.

— А сказки там печатают? Или рассказы про зверей? — спрашивает дядя Фёдор.

А Матроскин ручку у солнечного ящика повернул. Сделал солнце ещё теплее. Печкин даже шапку снял от жары. Только ему ещё хуже стало: солнце его в самую лысину печёт.

— Сказки про зверей? — спрашивает. — Нет, там больше про то пишут, как надо почту разносить и как автоматы марки наклеивают.

Тут у него от жары всё путаться стало. Он говорит:

— Нет, наоборот, автоматы почту разносят и марки наклеивают, как звери.

— Какие звери марки наклеивают? — спрашивает Шарик. — Лошади, что ли?

— При чём тут лошади? — говорит почтальон. — Я про лошадей ничего не говорил. Я говорил, что звери на автоматах работают и пишут сказки про то, как надо лошадям почту разносить.

Он замолчал и стал мысли собирать.

— Дайте мне градусник. Что-то жар у меня. Хочу измерить, сколько градусов.

Кот ему градусник принёс и стул подставил под солнцем. Печкин по градуснику постучал, чтобы температуру сбросить. А Хватайка спрашивает:

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

— При чём тут «Мурзилка»? — спрашивает кот.

— Ах да! Это я вам «Современного почтальона» принёс, которого вы не выписываете. Потому что у вас документов нету.

Совсем он уже сварился. Даже пар от него пошёл, как от самовара. Вынимает он градусник и говорит:

— Тридцать шесть и шесть у меня. Кажется, всё в порядке.

— Какое там в порядке! — кричит кот. — У вас же температура сорок два!

— Почему? — испугался Печкин.

— А потому что тридцать шесть у вас и ещё шесть. Сколько это вместе будет?

Почтальон посчитал на бумажке. Сорок два вышло.

— Ой, мама! Значит, я уже умер. Скорее в больницу побегу!

Сколько раз я к вам приходил, столько в больницу попадал... Не любите вы почтальонов!

А они почтальонов любили. Просто они Печкина не любили. Он с виду был добренький, а сам вредный был и любопытный.

Но только с этим солнцем не всё хорошо было. Из-за этого солнца у них самая большая неприятность началась. Заболел дядя Фёдор.

Глава
двадцать первая

БОЛЕЗНЬ
ДЯДИ
ФЁДОРА

Дядя Фёдор дома всё время в трусах ходил — загорал. Он совсем коричневый сделался, будто с юга приехал. А если он на улицу выходил, ему одеваться надо было. Сначала майку, потом рубашку, потом штаны, потом свитер, потом шапку, шарф, пальто, варежки и валенки. Вот сколько всего. Это коту хорошо и Шарику — у них шуба всегда при себе. Даже купаются они вместе с шубой.

Однажды дяде Фёдору надо было на улицу выйти, синиц накормить. Он одеваться не стал, а так в трусиках и выскочил ненадолго.

А на дворе мороз, снег выпал. Дядя Фёдор и простудился. Пришёл домой — его знобит. Температура поднялась. Он под одеяло залез, ни есть, ни пить не хочет. Плохо ему.

Он говорит:

— Матроскин, Матроскин, кажется, я заболел.

Кот забеспокоился, стал его чаем с вареньем поить. Пёс в магазин побежал, мёд купил. Только дяде Фёдору всё хуже. Лежит он под одеялом, перед ним игрушки и книжки, а он на них и не смотрит. Шарик ушёл на кухню, сел в углу и заплакал. Хочет дяде Фёдору помочь, а не умеет.

— Уж лучше бы я сам заболел!

И кот совсем растерялся:

— Это я виноват: не уследил за дядей Фёдором.. И зачем я только это солнце выписал?

Гаврюша подошёл к мальчику, руку лижет: вставай, мол, дядя Фёдор, чего лежишь! А дядя Фёдор не встаёт. Гаврюша глупенький был, ещё маленький. Он не понимал, что такое болезнь, а Шарик с котом хорошо понимали.

Кот говорит:

— Я за врачом побегу в город. Надо дядю Фёдора спасать.

— Куда же ты побежишь? — спрашивает Шарик. — Буран на дворе. Ты сам пропадёшь.

— Пусть лучше я пропаду, чем смотреть, как дядя Фёдор мучается.

— Тогда давай я побегу, — предлагает Шарик. — Я лучше бегаю.

— Дело не в беготне, — отвечает кот. — Я одного врача хорошего знаю, детского. Я его приведу.

Он нагрел молока в бутылочке, завернул в тряпку и уже хотел идти, а тут в дверь постучали. Хватайка спрашивает:

— Кто там?

Из-за двери отвечают:

— Свои.

Кот говорит:

— В такую погоду свои дома сидят. Телевизор смотрят. Только чужие шастают. Не будем дверь открывать!

Дядя Фёдор с кровати просит:

— Откройте дверь... Это мои папа и мама приехали.

И правильно. Это папа с мамой были. С ними Печкин пришёл.

— Видите, до чего они вашего ребёнка довели. Их надо немедленно в поликлинику сдать для опытов!

Шарик рассвирепел и давай почтальона кусать за валенки. Еле-еле Печкин за дверь выскочил.

А мама уже командует:

— Немедленно грелку мне!

Шарик с котом бросились, перевернули всё — нет грелки! Кот говорит:

— Давайте я буду грелкой. Я очень тёплый.

Мама взяла Матроскина, завернула в полотенце и к дяде Фёдору в кровать положила. Кот дядю Фёдора обнял лапками и греет.

— Теперь давайте мне все ваши лекарства.

Шарик коробку с лекарствами в зубах принёс, и мама дала дяде Фёдору таблетку с горячим молоком. И дядя Фёдор заснул.

— Только это не всё, — говорит мама. — Ему надо укол пенициллина сделать. Есть у вас пенициллин?

— Нет, — отвечает кот.

— А аптека в деревне есть?

— Нет аптеки.

— Я в город поеду за пенициллином, — говорит папа.

— Как же ты поедешь? — спрашивает мама. — Автобусы уже не ходят.

— Значит, «скорую помощь» из города вызовем. Не может быть так, чтобы ребёнок болел, а помочь нельзя.

Мама в окно поглядела и головой покачала.

— Не видишь, что на улице делается! Никакая «скорая помощь» не проедет. Придётся её трактором вытаскивать. Бедный мой дядя Фёдор!

Матроскин как подпрыгнет! Как закричит:

— Какие мы все дураки! А тр-тр Митя на что? У нас же трактор есть!

Папа обрадовался:

— Как вы здорово живёте! У вас даже трактор есть. Давайте скорее его заводить! Бензин наливать!

Шарик говорит:

— У нас трактор особенный. Продуктовый. На супе работает. На сосисках.

Папа не стал удивляться. Некогда было.

— У нас целая сумка продуктов есть. И апельсины, и шоколад. Годится?

— Нет, — говорит кот. — Не годится. Нечего Митю баловать. У нас картошки варёной целый котелок.

И пошёл папа с Шариком Митю заводить. Митя очень обрадовался.

Песню какую-то запел тракторную, и поехали они в город на полной картофельной скорости.

А Матроскин с мамой дядю Фёдора vyhаживали. Мама скажет:

— Дайте полотенце мокрое!

Матроскин принесёт.

Мама скажет:

— А теперь градусник.

Кот ей:

— Пожалуйста!

Мама даже не думала, что коты такие умные бывают. Она думала, что они только мясо умеют воровать из кастрюль и на крышах кричать. А тут на тебе — не кот, а медсестра!

Матроскин ещё чаю вскипятил и накормил маму пирогами. Очень он маме понравился. И всё делать умеет, и беседовать с ним можно.

Мама говорит:

— Это я во всём виновата. Зря я вас прогнала. Жили бы вы у нас, и дядя Фёдор никуда бы не ушёл. И в доме бы порядок был. И папа у вас поучиться бы мог.

Кот стесняется:

— Подумаешь, пироги! Я ещё вышивать умею и на машинке шить.

Так они до полночи дядю Фёдора лечили и разговаривали. И вот уже тр-тр Митя вернулся с папой и с лекарствами.

Глава
двадцать вторая

Домой

На другой день утро было прекрасное. На улице солнце светило и снег почти стоял. Выглянула тёплая поздняя осень.

Кот проснулся первым и приготовил чай. Потом корову подоил и дал дяде Фёдору молока. Папа говорит:

— Давайте дяде Фёдору градусник поставим. Может, он уже вылечился.

Поставили дяде Фёдору градусник, а Шарик говорит:

— А у меня нос — градусник. Если он холодный — значит, я здоров. А если он горячий — значит, заболел.

— Очень хороший градусник, — говорит папа. — Только как его стряхивать? И как другим ставить? Если я, например, заболею, мне что, твой нос под мышку совать?

— Не знаю.

— Вот то-то, — говорит папа.

А тут Хватайка слетел со шкафа — и к дяде Фёдору на кровать.

Он увидел, что у него что-то блестит под мышкой. Все на папу смотрели, а он градусник украл.

— Ловите его! — кричит папа. — Температура улетела!

Пока Хватайку ловили, такой шум стоял, что даже Мурка пришла из сарая в окошко смотреть. Всунулась она в комнату и говорит:

— Тьфу ты! И совсем не смешно.

Все так и сели. Надо же! Мурка разговаривает!

— Ты что, говорить умеешь? — спрашивает кот.

— Ага!

— А чего же ты раньше молчала?

— А то и молчала. О чём с вами разговаривать-то?.. Ой, салатик растёт!

— Это не салатик! — кричит кот. — Это столетник. — И Мурку в окошко вытолкал.

Поймали они температуру и увидели, что она была нормальной. Дядя Фёдор почти выздоровел. Мама говорит:

— Ты, сынок, как хочешь, но мы тебя в город заберём. За тобой уход нужен.

— А если ты кота хочешь взять, или Шарика, или ещё кого — бери. Мы возражать не будем, — добавляет папа.

Дядя Фёдор спрашивает у кота:

— Поедешь со мной?

— Я бы поехал, кабы один был. А Мурка моя? А хозяйство? А запасы на зиму? И потом, я уже привык к деревне и к людям. И меня уже знают все, здороваются. А в городе надо тысячу лет прожить, чтобы тебя уважать начали.

— А ты, Шарик, поедешь?

Шарик не знал, что и говорить. Только он своё место в жизни нашёл — фотоохотой занялся, а тут уезжать надо.

— Ты, дядя Фёдор, лучше поправляйся и сам приезжай.

Папа говорит:

— Мы все вместе будем к вам приезжать. В гости.

— Правильно, — говорит Матроскин. — Приезжайте к нам по воскресеньям на лыжах кататься. А летом в отпуск. А если дядя Фёдор в школу пойдёт, пусть он у нас каникулы проводит, летние и зимние.

Так они и договорились.

Мама дядю Фёдора укутала во всё тёплое и велела папе трактор накормить как следует. Потом она спросила у Матроскина:

— Что вам прислать из города?

— У нас тут всё есть. Только книжек маловато. И ещё я хочу бескозырку иметь с ленточками. Как у моряков.

— Хорошо, — говорит мама. — Я обязательно пришлю. И ещё я вам тельняшку достану. А тебе, Шарик, ничего не надо?

— Мне бы радио маленькое. Я буду в будке передачи слушать. И еще киноаппарат. Я буду кино про зверей снимать.

— Хорошо, — говорит папа. — Этим я сам займусь. Лично.

И они стали на трактор грузиться: мама, папа, дядя Фёдор и Шарик. Шарик должен был Митю обратно пригнать. И они поехали. Вдруг Матроскин из калитки выскакивает:

— Стойте, стойте!

Они остановились. И он им Хватайку подаёт:

— Вот, держите. Вам с ним веселее будет.

Папа из кабины спрашивает:

— Это кто там?

Хватайка отвечает:

— Это я, почтальон Печкин. Принёс журнал «Мурзилка».

И все про Печкина вспомнили. Мама говорит:

— Ох, как неудобно, мы совсем про него забыли...

— И правильно, — говорит Шарик. — Он такой вредный.

— Вредный он или не вредный, не важно. А важно, что мы ему велосипед обещали.

— Есть у вас здесь велосипед? — спрашивает папа.

— Нет, — говорит Шарик.

— А вот как сделайте, — предлагает Матроскин. — Купите ему лотерейных билетов на сто рублей. Пусть он что хочет, то и выигрывает. Хоть мотоцикл, хоть машину. Он же сам эти билеты продаёт. Ему двойная выгода получится. От продажи билетов и от выигрыша.

Так они и сделали. Купили у Печкина билетов и самому Печкину на почту отнесли. Почтальон даже растрогался:

— Спасибо вам! Я почему нехороший был? Потому что у меня велосипеда не было. А теперь я сразу добреть начну. И какую-нибудь зверюшку заведу, чтобы жить веселей: ты домой приходишь, а она тебе радуется!.. Приезжайте в наше Просто-квашино...

Наконец они домой приехали. Дядю Фёдора сразу спать уложили с дороги. Потом побежали тельняшку, книжки и киноаппарат покупать. Потом все обедали. Особенно трактор. И мама всё уговаривала Шарика остаться ночевать. Но он не согласился:

— Мне здесь хорошо будет с вами. А Матроскин там один с хозяйством и с телёнком. Я ехать должен.

Тут мама говорит:

— Как же он один поедет на тракторе? Его же любой милиционер остановит. Так не бывает: собака — и за рулём!

Папа соглашается:

— Верно, верно. Боюсь, вся милиция по дороге начнёт за голову хвататься. И шофёры встречные тоже. Сколько же катастроф получится?!

Шарик говорит:

— Давайте мы вот как сделаем, чтобы милицию не волновать. Есть у вас очки и шляпа? И перчатки ненужные.

Папа всё принёс. Шарик нарядился; тельняшку надел и спрашивает:

— Ну как?

Папа говорит:

— Отлично! Отставной учёный адмирал на своём тракторе едет за город навестить родную бабушку.

Мама говорит:

— Что адмирал, это понятно, раз он в тельняшке. Что учёный, тоже ясно, потому что в очках. А при чём здесь бабушка?

— А притом. Грибов сейчас за городом нет. Ягод — тоже. Одни бабушки и остались.

Мама сказала:

— Всю жизнь ты одни глупости говоришь. И дурацкие советы даёшь. Это меня не удивляет. А вот почему твои глупости всегда правильными бывают, этого я понять не могу.

— А потому, — говорит папа, — что самый лучший совет всегда неожиданный. А неожиданность всегда глупостью кажется.

Шарик говорит:

— Это всё интересно, о чём вы говорите. Правда, я ничего не понимаю. Мне ехать пора. Только давайте не будем целоваться. Я нежностей не люблю.

И папа согласился. Он тоже не любил нежностей. И мама согласилась. Она любила нежности. Но она к Шарiku не привыкла.

И Шарик уехал. А дядя Фёдор спал. И снилось ему только хорошее.

В Простоквашино была зима. Папа, мама и дядя Фёдор жили в городе.

Дядя Фёдор в школу ходил. А Шарик и Матроскин в деревне жили.

Дымки чуть выются над деревней. Снега напало как в старину. А дом дяди Фёдора почему-то поделён белой линией пополам. Посредине дома ходит кот Матроскин и ворчит:

— Безобразие! На дворе социализм построили, а у нас одна пара валенок на всех, как при гнилом царизме.

— А почему так получилось? — спрашивает почтальон Печкин. — У вас средств нету? Денег у вас не хватает?

— Средства у нас есть, — отвечает кот. — У нас ума не хватает. Говорил я ему: «Купи себе валенки». А он кеды купил. Тоже мне чемпион сельской местности. Лучше бы он альпинизмом занялся.

— Почему альпинизмом? — спрашивает Печкин.

— Там несчастных случаев больше. Тьфу. Балбес он!

— А вы скажите ему об этом. Раскройте ему глаза.

— Не могу. Мы два дня не разговариваем.

Печкин сразу нашёл выход:

— Вы ему письмо напишите. Я вам даже открытку дам. Вам простую или поздравительную? У меня только поздравительные.

Взял Матроскин поздравительную открытку с цветочками и стал писать: «Шарик, ты — балбес».

— Неправильно это, — говорит Печкин. — Если бланк поздравительный, сначала поздравить надо.

Тогда кот дописал: «Поздравляю тебя, Шарик, ты — балбес».

Шарик на печи обиделся и говорит Печкину:

— Я в него сейчас кочергой брошу.

А Печкин говорит:

— Зачем бросать, если почта есть. Это уже бандероль получается. Сейчас мы ее упакуем и коту передадим. Платите десять копеек.

Он к коту подошёл и говорит:

— Вам кочергу прислали бандеролью. Хотели в вас запустить.

— Что?! — кричит Матроскин. — Да я за это в него утюгом!

— Это уже посылка получается, — говорит Печкин. — Потому что больше килограмма. Платите двадцать копеек за доставку.

Так они ползимы ссорились. А папа с мамой ничего этого не знали. Папа и дядя Фёдор старый «Запорожец» купили и чинили его прямо в комнате. И папа говорит:

— Скоро у нас Новый год. Надо в Простоквашино на каникулы собираться.

А мама говорит:

— Вы как хотите, а у меня выступление в «Голубом огоньке». Я не могу в Простоквашино.

— А после выступления — на последней электричке? — предлагает дядя Фёдор.

— Я, конечно, люблю Простоквашино, — отвечает мама, — но не до такой степени, чтобы в вечернем платье в электричках разъезжать.

— Это верно, — заметил папа. — Сейчас в Простоквашино надо вечернюю телогрейку надевать и вечерние валенки.

Тут в дверь постучали. Телеграмма пришла. Вернее, почтальон пришёл. В телеграмме было написано:

«ШАРИК С МАТРОСКИНЫМ ПОРУГАЛИСЬ. ВЕЩИ ДЕЛЯТ. СКОРО ПЕЧЬ ПИЛИТЬ НАЧНУТ. ПЕЧКИН».

— Ничего не понимаю, — говорит мама. — Почему они скоро печь пилить начнут?

А папа всё понял и стал в Простоквашино собираться.

А в Простоквашино ссора продолжалась. Кот подзывает Печкина и говорит:

— Передайте этому типу срочную телеграмму.

— Записываю, — говорит Печкин.

Матроскин ему диктует:

«СКОРО ДЯДЯ ФЁДОР ПРИЕДЕТ. СРОЧНО БЕРИ МОИ ВАЛЕНКИ И ИДИ В ЛЕС ЗА ЁЛКОЙ».

Печкин посчитал на счётах и говорит:

— Четырнадцать слов, доставка. С вас пятьдесят копеек.

Потом он к Шарикку подошёл и сообщает ему:

— Вам телеграмма пришла. Будете ответ писать?

— Не буду, — отвечает Шарик. — У меня денег нет.

— А вы поищите в карманах.

— Всё равно не буду. У меня и карманов нет. Я ответ нарисую.

Он мелом рисует домик на печке.

— Что это? — спрашивает кот. — Что это за народное творчество?

— Это индейская национальная изба, — говорит пёс. — Фигвам называется.

Тогда кот про Шарика сказал:

— Мы его на помойке нашли. Отмыли, отчистили от очистков, а он нам фигвамы рисует. Лучше бы дядя Фёдор черепаху завёл в коробочке.

— А это потому фигвамы, — объясняет Шарик, — что мне жалко ёлки рубить. Они такие красивые.

— А ты не о красоте думай, — кричит кот, — а о том, что они бесплатные! Сейчас, между прочим, пятилетка экономии. Всё бесплатное в цене.

И он всё время ворчал:

— Он о красоте заботится. А о нас кто позаботится — Антон Павлович Чехов?

Печкин спрашивает:

— Разрешите узнать, а кто такой будет Антон Павлович Чехов?

— Не знаю! — отвечает кот. — Только так пароход назывался, на котором моя бабушка плавала.

— Наверное, он был хороший человек, — говорит Шарик, — раз его именем пароход назвали. И он не стал бы ёлки рубить.

— А что бы он стал делать?

— Пошёл бы в магазин и искусственную ёлку купил.

Тут в дверь постучали. Входит человек в маске и с искусственной ёлкой.

— Угадайте, кто я? — спрашивает.

— Антон Павлович Чехов, — говорит Печкин.

А это папа дяди Фёдора приехал. Все закричали: «Ура!» А кот стал лапами меловую черту стирать.

— А где дядя Фёдор?

— Он в машине сидит. Мы застряли.

И вот, как бурлаки на Волге, наши герои стали лямкой тянуть «Запорожец».

— Ездовые собаки, это я слышал... — ворчит Матроскин. — Но ездовые коты?.. Такого ещё не было.

— Ничего, ничего, — говорит папа сзади. — У нас дороги такие, что и ездовые академики встречаются. Я сам видел.

Папа решил телевизор включить, чтобы «Голубой огонёк» посмотреть.

— Странная у вас какая-то настроечная таблица, — говорит папа. — Кругами.

— Это у них не таблица, — объясняет Печкин. — Это у них

всё паутиной заросло. У них на каждой кастрюле такая таблица. Потому что они поссорились.

— Мы уже помирились, — говорит кот. — Потому что совместный труд для моей пользы облагораживает.

— Говорят, что скоро ёлки будут выпускать вместе с игрушками, — сообщает Печкин, вешая игрушки. — Они будут, как зонтики, открываться.

— А у нас во дворе настоящая ёлка есть, живая! — кричит дядя Фёдор. — Давайте её наряжать.

Они на чердак бросились — там старинные вещи были, и стали ими ёлку во дворе наряжать.

— Какие там у вас новости в городе? — спрашивает Матроскин у мальчика.

— Никаких особых нет. Только родители ещё одного ребёнка решили доставать.

— Дожили... — ворчит кот. — Теперь детей, как дубленки, доставать стали. Или как чёрную икру.

Тут Печкин из окна высунулся:

— Ой, вашу маму по телевизору показывают. Какая радость — ей тип с большими усами розы подарил.

Папа сразу помрачнел и к окну бросился.

— Это вовсе не тип, — сказал он. — Это руководитель маминой самодеятельности.

А Печкин телевизор в окошко выставил, чтобы всем маму было видно.

Дядя Фёдор говорит:

— Ой, сейчас наша мама петь будет. А у вашего телевизора звука нет.

И точно, появляется в телевизоре мама, начинает петь, но ее не слышно.

— Как жалко, что мы ее не слышим, — говорит дядя Фёдор. — Она к этому выступлению полгода готовилась.

И вдруг мамин голос потихоньку становится слышен.

— Ой, — удивился Печкин, — кажется, звук включили!

А вот и сама мама появилась с лыжами.

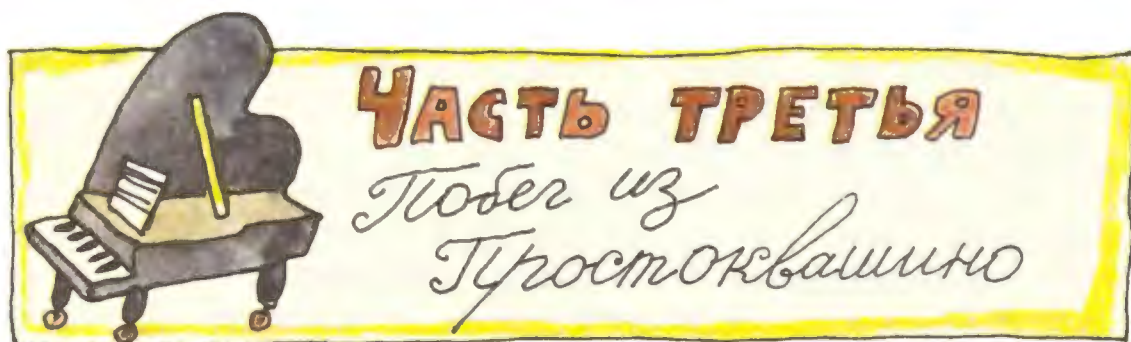
— Ничего себе, — заявил Печкин, — до чего техника дошла: вашу маму и там и тут передают.

А это не техника дошла, это мама дошла. Все бросились к ней и стали качать вместе с лыжами.

— Я же говорила, — сказала мама, — что я не могу без вашего Простоквашино.

И тут часы двенадцать пробили. Пришёл Новый год.

В Простоквашино была осень. Шарик во дворе телёнка Гаврюшу на сторожевого быка дрессировал. Бросил ему палку через забор и приказал:

— Подать!

Гаврюша через забор прыгнул, но вместо палки соломенную шляпу в зубах принёс.

Оказывается, за забором почтальон Печкин стоял, в дырочку подсматривал.

Печкин шляпу ухватил, а Гаврюша её не выпускает. И тянут они её туда-сюда.

Кот Матроскин из окна высунулся и скомандовал:

— Гаврюша, голос!

Бычок как замычит:

— Му-му! — И шляпу выпустил.

Печкин обрадовался, что его шляпу не съели, и дяде Фёдору письмо вручил. Письмо было такое:

«Дорогой наш мальчик! Ты живёшь в сельской местности совсем заброшенный. А к нам приехала тётя Тамара Алексеевна.

Она решила тебе подарок сделать, рояль купила. Будет тебя на лауреата международного конкурса готовить. Чтобы ты был хорошо воспитан и музыкален».

— А я и так хорошо воспитан и музыкален! — говорит Шарик. — Я при гостях никогда блох не ловлю. И пою не хуже, чем Полад Бюль-Бюль-оглы на пластинке.

Он как взвояет... Матроскина так и передёрнуло от такого пения.

— У меня такое ощущение, — сказал он, — что бензиновая пила «Дружба» на гвоздь наехала. А откуда эта тётя взялась?

— Это мамина сестра. Она недавно на пенсию вышла. Ей силы девать некуда. Вот и покупает рояли для всех.

И стали они ждать нашествия Тамары Алексеевны, как в старину ждали незваных гостей.

Шарик всё время бегал на дорогу смотреть. Однажды прибегает и кричит:

— Едут! Едут! И рояль везут.

И точно.

Едет грузовик, в кабине — шофёр и тётя, а в кузове — папа, мама, фикус и рояль.

— Так, — говорит Тамара Алексеевна, — вот вы, значит, какие!.. И кто же из вас будет дядя Фёдор?

Тут почтальон Печкин как из-под земли вырос:

— Вот этот, который в брюках и без хвоста, и будет дядя Фёдор.

— А вы, значит, почтальон Свечкин?

— Печкин я. Печкин.

— Вот и хорошо. Помогите мне рояль из машины вытащить. Стали они рояль двигать, а он ни с места.

— Ещё бы, — говорит тётя, — его в магазине семеро двигали.

Тогда Матроскин взял цепь, на которой Мурка паслась, от Мурки отцепил и карабинчик на ножке рояля защёлкнул. И говорит шофёру:

— Трогайте.

Машина поехала, а рояль на месте остался, в воздухе. Все вместе его поймали и на землю поставили.

— Ну и дом у вас... — говорит тётя. — Будем расширять. Второй этаж надстраивать.

— Нам и так хорошо живётся, — заметил Шарик.

— Вам плохо живётся, — возразила тётя. — Просто вы не знаете. Вы по ошибке счастливы. Но я вам глаза раскрою. Я вас нацелю куда надо, на соответствующие показатели.

Она велела рояль в коровнике поставить.

— Но там же Мурка живёт, — напомнила мама. — И Гаврюша.

— Ничего, мы их переселим. Мы им во дворе палатку разобьём. Мы будем теперь без церемоний. Вы любите без церемоний?

Никто без церемоний не любил, только Печкин любил.

И всё стало в Простоквашино меняться. Раньше просто за грибами ходили, теперь стали организовывать сбор грибов.

Утро. Тамара Алексеевна сидит, как начальник, за столом и проводит оперативку:

— Составим план на день. Матроскина с Шариком бросаем в реку — рыбу ловить. Дядю Фёдора в сарай — музыкой заниматься. Почтальон Печкин командировается в огород и в магазин. А папа с мамой направляются на спецзадание — изучать учебник педагогики. Всем ясно?

Всем было ясно.

— Так, — говорит тётя, — а теперь о новостях. Есть у нас какие-нибудь события?

— Никаких, — отвечает Печкин. — Только корова Мурка за ночь дырку в палатке проела.

Яркий день. Все при деле. Дядя Фёдор в коровнике в большой тоске играет полонез Огинского. Сарай скрипит ему в такт... Он шатается. Потому что к нему привязана корова Мурка.

Почтальон Печкин на Гаврюше картошку в огороде окучивает. Матроскин и Шарик на речном горизонте с удочками сидят. Мама с папой видны в палаточную дыру. Они книгу читают.

— Почтальон Печкин, — командует тётя, — временно оставь-

те вверенный вам участок и проведите беглый осмотр того, что сделано!

Печкин на берегу:

— Граждане сотрудники, прошу вас дать показания... то есть сведения. Сколько рыбы выловлено за истекшее время?

— Одна, — коротко, по-военному, отвечает кот.

— Прошу уточнить, — говорит Печкин. — В каких единицах ведёте измерения. Что у вас одна? Одна тонна, кубометр, одно ведро?

— Одна килька, — поясняет кот, — весом в одну тонну, размером в один кубометр.

— Еле запихнули в ведро! — добавил пёс.

Печкин отметил что-то в своей книжечке и дальше пошёл.

Он подошёл к папе и маме:

— Уважаемые, сообщите, какие у вас успехи и какие новости за текущий период?

— Новости хорошие, — говорит папа. — За текущий период корова Мурка «Педагогику» съела. Теперь умнее станет в десять раз.

Печкин и это записал в книжечку. И к дяде Фёдору подошёл.

— А как у вас дела, молодой человек? Что доложить руководству?

— Доложите, что куры в рояле гнездо устроили. Цыплят высиживают. Пора музыку прекратить.

И вот Печкин к Тамаре Алексеевне с докладом пришёл.

— Кот с собакой рыбу ловят. Одну кильку поймали. Весом в одну тонну, размером в один кубометр. Еле-еле в ведро запихнуть удалось. У дяди Фёдора всё тоже хорошо. Куры в рояле, слава богу, цыплят высиживают. Можно музыку не учить.

— Понятно, — говорит тётя. — А у папы с мамой всё, надеюсь, хорошо?

— Лучше не надо. Корову Мурку «Педагогику» съела.

— И что же здесь хорошего?

— Теперь умнее станет раз в десять.

— Караул! — закричала тётя Тамара и вызвала маму.

— Я как старшая сестра тебе говорю: ты должна воспитывать не только сына, но и мужа.

— А может, не надо меня воспитывать? — говорит папа. — Мне уже скоро сорок.

— Мужчину надо воспитывать до пятидесяти, — отвечает тётя. — А после пятидесяти можно перевоспитывать начать. Завтра с новым подъёмом за дело.

И вот начался новый подъём. Раннее утро. Из чердачного окна в мегафон тётя передает распорядок дня:

— Матроскин и Шарик бросаются в лес на землянику. Дядя Фёдор — в палатку, дырку от Мурки зашивать. Папа и мама будут кур из рояля в корзину переселять. Почтальон Печкин делает для всех обзор сегодняшних газет.

Трудовой день в разгаре. Почтальон Печкин обходит всех с книжечкой.

Папа с мамой кур переселили, в две руки играют «Чижика-пыжика». Корова мычит с ними в такт.

— Как дела, уважаемые? — спрашивает Печкин.

— Прекрасно! — отвечает папа. — Отдыхаем хорошо. Как в изоляторе.

— От такого прекрасного отдыха скоро зеленеть начнём, — добавила мама.

Печкин это записал и дальше пошёл. В лесу он Шарика с Матроскиным встретил и спрашивает:

— Как у вас дела со сбором весенних плодов в осеннее время? Нашли чего-нибудь?

— Нашли одну, — отвечает Матроскин.

— Чего одну? Одну тонну? Одну корзину? Одну ягоду?

— Одну ягоду, — отвечает кот. — Весом в одну тонну. Если в ней сердцевину съесть, отличная земляничная будка получится.

Печкин всё записал.

И к дяде Фёдору пошёл.

— Как дела, уважаемый молодой юноша?

— Очень здорово. Я сам себе штаны к палатке пришил.

— Так ты бы за ножницами сходил.

— Не получится, — говорит дядя Фёдор. — Я сам себя и заштопал изнутри. Вылезти не могу.

Вот Печкин к тётё вернулся. Она спрашивает:

— Как дела? Что у папы с мамой нового?

Печкин в книжечку смотрит:

— Отдыхают хорошо. Как в изоляторе. От такого прекрасного отдыха скоро зеленеть начнут.

— А как со сбором земляники для лечебного варенья?

— Нашли одну ягоду весом в одну тонну.

— Такую огромную?

— Так точно. Если в ней середину съесть, отличная будка получится.

— А что с дядей Фёдором?

— Лучше быть не может. Он сам себя к палатке пришил.

— А что же он не вылезает?

— Он штаны изнутри приметал. Может вылезти только голышом.

— Кошмар! — сказала Тамара Алексеевна. — Надо срочно проводить массовое воспитательное действие! Ну-ка, товарищ Печкин, посмотрите прессу. Какая сегодня главная задача дня?

Печкин начинает читать:

— «Перестройке — государственную приёмку!»

— Прекрасно, но не совсем продумано.

— «Жилищному строительству бетон высшего качества». Годится?

— Зажигательно, — говорит тётя, — но не для нашей местности. Ещё что есть?

— «Сохранить урожай без потерь — вот главная задача сегодняшней деревни».

— Это для нас. Трубим полный сбор.

И вот за обедом при общем сборе тётя говорит:

— С сегодняшнего дня мы все как один будем картошку охранять.

— А у нас никто картошку не ворует, — возражает дядя Фёдор.

— Это сейчас не воруют, — настаивает тётя. — А раз в газете пишут, значит, скоро начнут.

— Я согласна охранять картошку, — говорит мама. — Только пусть и меня саму охраняют. Очень я темноты боюсь.

— А меня надо от комаров охранять, — добавляет папа.

— Выход на поле с первыми лучами темноты, — говорит тётя.

Все стали готовиться. Папа с мамой стали чемодан укладывать.

— Ты и бритву уложи, — говорит папа, — и галстуки.

В стороне Матроскин с дядей Фёдором рюкзаки готовят.

— А что, — спрашивает Шарик, — мы и Мурку с собой берём?

— А как же! — отвечает кот. — Мы ей на рога присоски приставим. Нагнется жулик картошку копать — она к нему и приклеится.

Поздний вечер. Первые лучи темноты. Тётя выстроила команду перед крыльцом, как на линейке. Только команда получилась очень странная. Кто в вечернем платье, кто с коровой на поводке, кто с чемоданом.

— На охрану колхозного поля — главную нашу задачу — выходи!

— Есть «выходи»!

Тётя идёт впереди. Глядит вдаль. В мегафон строевые песни поёт. К полю подошла, а за ней никого нет.

— Ой, караул! Всех похитили!

Станция железной дороги. Подходят папа и мама. Мама говорит:

— Я думаю, наш мальчик не пропадёт. Ему трудно будет, но он в хорошие руки попал.

— Точно, не пропадёт! — соглашается папа.

— А почему ты так думаешь?

— Потому что он тоже к станции приближается. Тоже сбежал.

— Какое счастье!

— Счастье, да не полное, — спорит папа. — Потому что с ним вместе к нам в город и Мурка едет.

— Ничего, — говорит мама. — Пусть на газоне пасётся.

И снова все в сборе. Кроме тёти. Все обнимаются. А проводник против.

— Это вы куда с коровой? С коровами нельзя.

— А это не простая корова, — говорит дядя Фёдор. — Она учёная.

— И что же она умеет делать?

Мурка смотрит на него, выпучив глаза, потом как замычит полонез Огинского: «Му-му-му-му...»

Проводник сразу дверь открыл:

— Пожалуйста, грузитесь. Я этот марш пожарников с детских лет люблю.

И вот уже поезд едет в сторону города. А по рельсам бежит тётя Тамара Алексеевна и кричит:

— Вернитесь, мои хорошие, я больше не буду!

ГАРАНТИЙНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Художник Михаил Беломлинский

*Глава
первая*

ПРИЕЗД ХОЛОДИЛИНА

В ясный солнечный день в квартиру привезли холодильник. Деловые и сердитые грузчики внесли его на кухню и сразу же ушли вместе с хозяйкой. И тихо-тихо стало кругом. Вдруг сквозь щель облицовочной решётки из холодильника выбрался на пол маленький человечек несколько странного вида. За спиной у него висел газовый баллончик, как у аквалангистов, а на руках и ногах были надеты большие резиновые присоски. Человечек отошёл в сторону, осмотрел холодильник и вдруг мухой полез наверх — туда, где виднелась рваная свежая царапина. Он подобрался к ней, включил пульверизатор, и через секунду чёрная полоска растаяла на белоснежном фоне нового холодильника. Растаяла под облаком белой краски.

А на стене кухни висели огромные старинные часы. С башенками, с толстыми литыми стёклами и большущим жёлтым маятником. Над циферблатом было окошко для кукушки.

В этих часах сбоку открылась дверца, и вниз скатилась верёвочная лестница. Она доставала как раз до самого пола. Человечек

вечек из холодильника обернулся и посмотрел вверх. Он увидел другого маленького человечка — очевидно, хозяина часов.

Это был старый мастер, весь седой, в чёрном сюртуке и золотых очках.

— Здравствуйте, — сказал старичок. — Когда вы закончите, будьте добры, поднимитесь ко мне. У меня как раз чай вскипел. Вам с дороги.

— Большое спасибо, — отвечал новичок. — Через пять минут я буду у вас.

Он спустился вниз. Занёс под холодильник инструменты и отправился по верёвочной лестнице в гости. Хозяин часов встретил его у входа.

— Иван Иванович Буре, — представился он и поклонился.

— Холодилин, — отвечал гость.

— Прошу вас.

Они направились вверх по крутой винтовой лесенке. Холодилин с любопытством озирался по сторонам. Видно было, как за перилами работает часовой механизм.

Крутились и покачивались колёса, жужжали блестящие шестерёнки, и переваливалась с места на место качалка маятника.

Лесенка привела их к большой площадке-комнате. Там посередине стоял стол с самоваром. У одной стены была кровать с горой подушек, а у другой — верстак с блестящими белыми инструментами и всякими латунными приспособлениями. В комнате было очень чисто и всё как-то очень продумано.

И вообще она скорее напоминала не жильё, а старинный дом-музей какого-то известного учёного.

Рядом со столом в стене было прорезано окно. И на широком подоконнике дремала большущая кукушка с выпученными глазами и разинутым ртом. Она была красная, с жёлтыми крыльями.

Вот и всё.

А внизу под полом тикал и вздыхал часовой механизм.

— Надолго к нам? — спросил часовой мастер, разливая чай по стаканам.

— На два месяца.

— Это почему? — удивился Иван Иванович. — Такой короткий срок гарантии?

— Нет. Гарантия обычная — два года. Просто мой холодильник взят напрокат. На дачу. А вы надолго сюда?

— Боюсь, на всю жизнь.

— На всю жизнь?! У этих часов такая гарантия? — поразился гость.

— Гарантия обычная. Просто того завода, на котором эти часы делали, давно нет. И ехать мне некуда. Вот и живу здесь почти шестьдесят лет. И часики, смею заметить, как новые. Секунда в секунду идут.

Тут он вынул из кармана маленькие часы, посмотрел на них.

Высунувшись в окошко, он сверил свои часы со стрелками большого циферблата. И те и другие показывали ровно одиннадцать.

— Машка, — сказал Иван Иванович кукушке, — пора!

— Не пора, — вдруг ответила та.

— А я говорю: пора!

— А я говорю: не пора!

— В чём дело? — сурово спросил Иван Иванович. — Ты почему не кукуешь?

— А для кого куковать? Никого в доме нет.

— Ну и что? Ты кукуешь не для кого-нибудь, а потому что так надо. Кукуй, кому говорят!

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку, — быстро и сердито затараторила кукушка, будто кого-то дразнила.

Так прокуковала она одиннадцать раз, чуть-чуть высунув нос в окно, — лишь бы от неё отвязались.

Потом она снова поудобнее устроилась на подоконнике и задумалась.

— И днём ку-ку и ночью ку-ку! И через час ку-ку и через полчаса ку-ку! А спать-то ку-ку? — сквозь сон ворчливо сказала она.

— А ещё кто у вас живёт? — спросил Холодилин после кукувального бунта. — Есть наши?

— Есть, есть, — отвечал Буре. — Вот я вам покажу.

Они поднялись ещё выше по той же внутренней лестнице и оказались наверху на балконе.

— В кухне я один живу, — сказал часовой мастер. — Был ещё швейный человечек в машине. Но он уже уехал. Гарантийный срок у него кончился. А в той комнате есть ещё двое наших. Один в пылесосе, другой в приёмнике. Я вас с ними познакомлю. Только знаете что, — он посмотрел на часы, —

сейчас хозяйская дочка придёт, минуты через две. Решайте, как быть: к себе пойдёте или у меня останетесь? Лучше побудьте у меня.

— К себе, к себе! — поспешно отвечал Холодилин. — У меня и дел полно, да и вещи не убраны.

— Тогда спешите, сударь. Ребёночек этот шустрый: может и раньше времени прийти.

Холодильный человечек быстро спустился вниз и перебежал к себе. А Иван Иванович затащил верёвочную лесенку наверх. И как раз вовремя: кто-то уже вовсю гремел ключами у входной двери.

Глава
вторая

ГОЛОС
ИЗ ПЫЛЕСОСА

Была ночь, и все люди в квартире спали. Спали и папа, и мама, и их девочка Таня.

Вот распахнулось окно в часах, и кукушка Машка старательно прокуковала полночь.

И тотчас в холодильнике, в часах и в радиоприёмнике раскрылись двери, и вниз стали спускаться гарантийные человечки. В руках они держали фонарики.

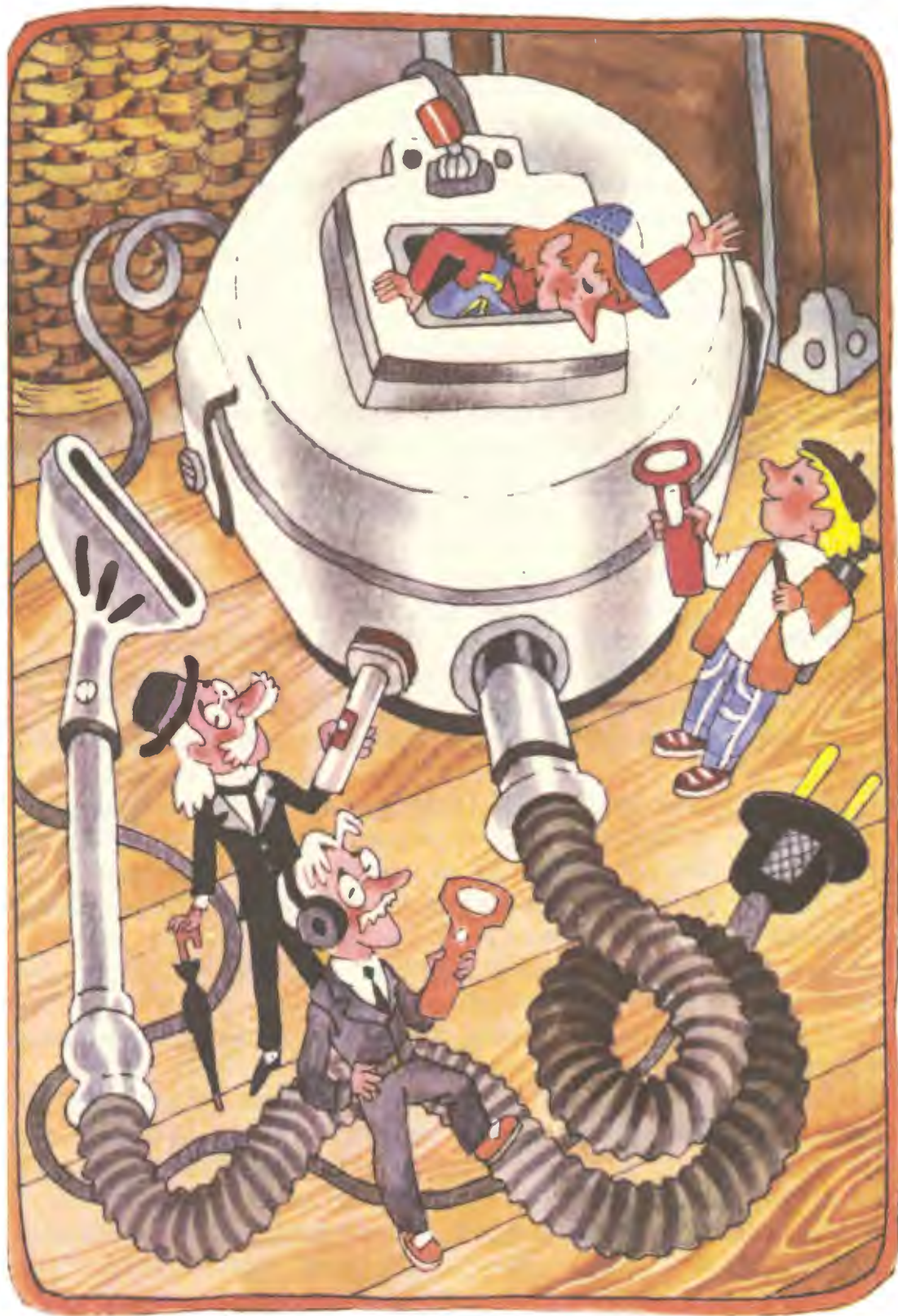
А вокруг был полный беспорядок! Стояли чемоданы, корзины, лежали увязанные гроздьями кастрюли и чайники. Хозяйева готовились к переезду на дачу. Человечки сошлись посередине кухни и поздоровались.

— Это наш новый жилец, — сказал Иван Иванович. — Его зовут Холодилин.

— Новости Дня, — представился человечек из приёмника, — надолго к нам?

— На два месяца! — отвечал Холодилин. — Мой холодильник взят напрокат. На дачу.

— А где Пылесосин? — спросил Иван Иванович.

— Спит, как всегда, — сказал Новости Дня. — Пойдёмте его будить.

И человечки пошли в большую комнату, где в углу рядом со шкафом стоял пылесос «Уралец».

Новости Дня тихонько постучал по пылесосу.

— Пылесосин, вставай! — зашептал он, чтобы не разбудить людей, спавших в комнате.

— Не, не могу, — отвечал голос из пылесоса. — Я сплю.

— Как жалко, что ты спишь, а то бы мы сообщили тебе интересные новости.

— А вы сообщите, — сказал Пылесосин. — Я новости во сне понимаю.

— Но мы боимся тебя разбудить, — объяснил Новости Дня. — Вот если бы ты не спал, тогда другое дело.

И тут на пылесосе сверху открылся люк, как у танка, и высунулась заспанная, но любопытная рожица гарантийного мальчишки.

— Ну чего у вас?

— Вот познакомься. Новый мастер.

Холодилилин и мальчишка пожали друг другу руки.

— Я хочу устроить маленький праздник, — сказал Холодилилин.

И все заулыбались.

— Только давайте не у меня соберёмся. А то мне у меня надоело.

— А нам у нас надоело, — огорчились другие человечки.

— Давайте пойдём в швейную машинку, — предложил Буре. — Там и комната большая, и ковров сколько хочешь.

— Нет, — возразил Холодилилин, — лучше пойти на природу. Сначала его не поняли.

— Это как на природу? — спросил радиомастер.

— А так. Есть у вас цветы?

— Ура! — завопил Пылесосин. — Я всё понял. Пошли на природу — на кухню!

Человечки прошли на кухню, пробираясь среди кастрюль и чайников. Холодилилин вынес корзину с едой, и по плетям традесканции все забрались на подоконник. Новый мастер разлил чай из термоса по кружкам и сказал:

— Я очень рад, что оказался в такой хорошей компании. И рад тому, что вас живёт здесь целых трое.

— А я скоро уеду, — сказал Новости Дня. — Через три месяца. Прилетит вертолётник и отвезёт меня на завод. А там в новый приёмник или телевизор...

— И я скоро уеду, — сказал Пылесосин. — У меня будут экзамены. Ведь я ученик. Я не с завода. Я из ремонтной мастерской. У нас гарантийный срок короткий — полгода всего.

— Так что я один останусь... — грустно промолвил Буре. — Опять один. За мной вертолётник не прилетит.

— Это меня и тревожит, — сказал Холодилин. — Тяжело оставаться одному. И может, на всю жизнь.

— У него Машка есть, — сказал Новости Дня.

— Машка — не то, — возразил Холодилин. — Товарищи нужны. А Иван Иванович, когда заговорили про Машку, посмотрел на часы. Было ровно час.

— Вот видите, не кукует. Совсем от рук отбилась!.. Машка! — закричал он. — Ты что, заснула?

Машка высунулась из часов и долго соображала, чего же от неё хотят. Потом сердито кукнула один раз и быстро засунулась обратно. А Холодилин продолжал:

— И я предлагаю Ивану Ивановичу поехать со мной на дачу. Пусть он хоть отдохнёт и наберётся сил перед одиночеством.

— Нельзя! — сказал Новости Дня. — Гарантийный человек не может покидать своё место до окончания гарантийного срока.

— А если срок давно кончился?

— Ну и что! А как же часы? Вдруг они станут неправильно ходить?

— Они могут и вообще не ходить. В городе же никого не будет. В крайнем случае за ними Машка присмотрит.

— И пылесос в городе не нужен! — закричал мальчишка Пылесосин. — Я тоже хочу на дачу!

— А ты почему? — спросил радиомастер. — У тебя-то гарантийный срок не кончился. Тебе ещё сидеть и сидеть.

— А я ученик, — возразил мальчишка. — И мне каникулы положены раз в году. Можно мне с вами, дядя Холодилин?

— Ага! — сказал Холодилин. — Решающий голос из пылесоса за нас. А что, поезжай, конечно, и ты.

— А мне всё это не нравится, — сказал Новости Дня. — Я обязательно сообщу в Управление гарантийных человечков. Что они об этом скажут...

— Да ничего не скажут. Там неглупые люди сидят. Ну что, Иван Иванович, едем?

— Я бы поехал, — сказал Буре, — только Машку надо с собой взять. Она без меня пропадёт.

— И Машку возьмём. Веселее будет. Только бы она у нас куковать не начала. Получится холодильник с кукушкой.

— Не начнёт, — успокоил Буре. — Она свои «ку-ку» как рубли бережёт. Клещами не вытянешь.

— Значит, договорились, — сказал новый мастер. — Соберите вещи и перебирайтесь ко мне в холодильник. Завтра его повезут на дачу.

Они ещё попили чаю и поели пирожных. И Холодилин рассказал им последние новости. Он сказал, что на полях больших газет скоро будет печататься газета для гарантийных человечков. Она будет набираться особым, незаметным людскому глазу шрифтом и будет называться «За гарантийную гарантию». И что там будут не только объявления и новости, но и рассказы и стихи. И что всем гарантийным мастерам управление скоро разошлёт специальные фонарики для чтения незаметного шрифта.

А потом человечки разошлись по домам собирать дорожные вещи. И сразу же луна скрылась за облаками.

Глава
третья

 ПЕРЕЕЗД

Утром холодильник вместе с другими вещами погрузили в машину. И вот уже целый час весело бежит грузовик по дороге.

Иван Иванович с Машкой на руках и Пылесосин сидели в комнате холодильного мастера. А сам Холодилин лазил где-то в кишках агрегата. Что-то подкручивал, подвинчивал и отмечал крестиками места, которые немного повредились при перевозке.

Вот машина остановилась и, кажется, надолго, потому что

водитель выключил мотор. И сразу в дверцу комнаты кто-то постучал. Это был не Холодилин, а совсем другой мастер. В чёрном комбинезоне, весь замасленный. На боку у него висела сумка с инструментами.

— Привет, — сказал он. — Не растрясло вас?

— Трясёт! Ещё как! — отвечал Пылесосин. — До потолка прыгаем.

— Это у меня рессоры слабоваты. Приеду в гараж, буду отлаживать. Давайте знакомиться. Я — Карданыч.

— А как вас по имени величать? — спросил Буре.

— Да никак. У нас в автогарантии всех по отчеству зовут: Карданыч, Рессорыч, Светофорыч.

Пылесосин и часовой мастер представились человечку.

— Мы уже приехали? — спросил мальчишка.

— Нет. Просто у переезда стоим, — ответил автомастер. — А вы в Дорохово едете?

— В Дорохово.

— Значит, через час будем. Там красиво. Я бывал в Дорохове. Мотор снова загудел.

— Пойду работать, — сказал Карданыч. — Сейчас жарко. Вода может перегреться. Привет.

Машина побежала дальше. И ровно через час, как и обещал Карданыч, они оказались на месте.

*Глава
четвёртая*

ПАРАМЕНТЕРЫ

Ночью, ровно в двенадцать, гарантийные человечки вышли на пол, достали фонарики и начали обход.

Дача была небольшая — две комнаты и терраса, она же кухня. На кухне стояла газовая плитка с баллонами, но в ней никто из гарантийных не жил — наверное, кончилась гарантия. В

одной комнате спали папа с мамой, в другой — хозяйская девочка.

И вдруг Холодилин увидел радиоприёмник на столе.

— Ого-го! — сказал он. — Кажется, и наш начальник приехал. Значит, будет веселей!

И в самом деле, из приёмника выбрался сердитый и расстроенный Новости Дня. После перевозки его приёмник барахлил. Хозяева неправильно развесили антенну и совсем забыли как следует настроить звук. Из-за этого приёмник подхрюкивал и говорил так: «Передаём, хрю-фью, старинные вальсы».

И огромный хор пел:

Плавно, хрю-фью, свои волны несёт.
Ветер, хрю-фью, быр-быр, песни поёт:
Хрю-хрю-хрю-хрю-хрю-хрю...

Радиомастеру пришлось всё это исправлять, везде лазить, и его даже два раза трахнуло током. В конце концов приёмник стал говорить нормально, а радиомастер, наоборот, стал хрюкать и присвистывать.

— Ну как дела? Какие новости? — спросил Холодилин.

— Новости? Обычные. На полях хрю-фью-сины начались хрю-сенние работы. Быр-быр. На южном хрю-бережье Крыма в полном разгаре хрю-рортный сезон. Хрю-зидент хрю-ландии посетил быр-быро-строительный завод.

— Да я не об этом, — сказал Холодилин. — Доехал ты хорошо?

— Нормально доехал.

— А у меня щётка испортилась в электромоторе.

— Как же так? А ты куда смотрел?

— Я тут ни при чём. Электромотор при перевозке полагается привинчивать к полу. Чтобы он не болтался. А хозяева этого не сделали.

— А что же ты не сделал?

— Да там каждая гайка больше меня. Я не то что завинтить — сдвинуть её не могу. Вот щётка и разбилась, потому что автомобиль трясло. Нет у тебя запасной?

— Нет. Если только из проигрывателя взять.

— Слушай, возьми, пожалуйста. А то завтра холодильник включат, а он не работает. И мне конец.

— А послезавтра радиолу включат, и тогда мне конец?

— Понимаешь, — сказал Холодилин, — холодильник за городом важнее, чем танцы. И потом, мне не хочется, чтобы контору мою ругали, прокатную. Она-то здесь не виновата.

— А когда отдашь? — спросил Новости Дня.

— Быстро. Только с управлением свяжусь. Они через два дня доставят.

— Ладно, по рукам, хоть и не нравится мне всё это. Пойдём сначала дачу посмотреть. Потом щётку переставим.

Всё было бы хорошо, да вот беда — девочка Таня не совсем спала. И всё из-за такого интересного переезда. Одна половинка её уже почти заснула и шептала: «Спи, спи, Танюша. Уже поздно». А вторая никак не хотела засыпать и говорила: «Не спи! Не спи, Татьяна! Здесь какие-то человечки с фонариками. Их надо поймать».

Эти две половинки всегда враждовали между собой. Одна уговаривала Таню быть послушной девочкой, не капризничать, убирать игрушки, вовремя ложиться спать. А вторая — наоборот: залезть на шкаф, стукнуть кого-нибудь лопаткой, отрезать себе косички ножницами.

Когда верх брала первая половинка, девочку называли Танечкой, Танюшкой, Танюшечкой. А когда вторая — только Татьяной. А мы будем называть эти половинки — Юшечкой или Яной. Как будто в Тане живут две девочки.

Так вот, Юшечка наконец заснула. А Яна ещё долго таращила глаза. Вернее, один глаз. Ох, какие интересные были эти человечки! Жаль, что они вскорости покинули комнату и ушли на кухню-террасу.

— Слышите? — сказал Холодилин.

За окнами раздавались свист и щёлканье.

— Что это? — спросил Пылесосин. — Милиция?

Холодилин рассмеялся:

— Это соловьи. Они всегда поют за городом.

— Хорошо поют. Заслушаешься! — сказал Буре. — Вот бы мне их в часы вместо Машки.

— Ничего, — успокоил его Холодилин. — Она здесь настоящую кукушку послушает, тоже неплохо куковать начнёт.

— А это кто поёт? — спросил Новости Дня.

— Вот это «пили-пили»? — переспросил Холодилин. — Это сверчок.

— Да нет, не «пили-пили», а «дыр-дыр-дыр».

— Кажется, это мыши скребут.

И точно: в углу послышался писк, какая-то возня, и из норки на пол выбрались два серых мышонка. Они деловито отряхнулись, вытащили из норки белый флажок и барабан, построились в шеренгу и пошли. Под барабанный бой они подошли к человечкам и остановились.

— Привет! — сказал тот, который был повыше и держал флаг. — Вы гарантийные?

— Гарантийные, — ответил Холодилин.

— Мы пришли объявить вам войну! — Тут мышонок поменьше и потолще важно забарабанил дробь.

— Почему? — спросил Холодилин.

— Мы всегда воюем с гарантийными! Это наш дом, — ответил высокий мышонок. — Мы здесь главные!

— Ну и пожалуйста. А воевать-то зачем?

— Понятия не имеем. Такие обычаи сложились здесь за века. А наш солдат не думает: у нас, мышей, солдат выполняет обычаи веков. Таков наш серый герой.

А маленький всё барабанил.

— Слушай, — вдруг сказал Холодилин тому, что повыше, — сыру хочешь?

Тот вытянулся в струнку:

— Да здравствует его величество король ещё как!

И непонятно было, что «ещё как»: то ли король, то ли сыр.

— Пошли, — сказал Холодилин и повёл «серого героя» к себе.

Остальные человечки окружили маленького мышонка. Около него лежал белый переговорный флаг.

— А где вы живёте?

— А много вас?

— Три, четыре, пять, семнадцать, двадцать, одиннадцать!
Во! — сказал он.

— А ты умеешь считать-то? — спросил Новости Дня.

— А как же! Раз, два, три, четыре, двадцать один, пятнадцать, триста! И ещё.

— Блистательно! — рассмеялся радиомастер.

— А вы злые? — спросил Пылесосин.

— Мы? — переспросил мышонки и стал оглядываться. Видно было, что ему здесь неуютно и хочется домой. — Мы такие... какие... как один... все. Во! За всех!.. Вперёд!

Вернулся Холодилин с высоким мышонком. Кажется, они основательно подружились. Под мышкой «серый герой» держал кусок сыра, а в свободной лапе — кружок колбасы. Поэтому он никак не мог ухватить белое переговорное знамя.

Тогда он сунул колбасу в рот своему помощнику и строго приказал:

— Не кусать ни в коем случае! Доставить живьём!

Теперь лапа у него освободилась, и он поднял флаг.

— А много вас, начальник? — спросил Холодилин.

— Нас ровно двадцать девять. И имя нам легион!

— А как вас зовут? — спросил Буре. — Вот вас и вас.

— Мышкин и Подмышкин. Лейтенанты кавалерии!

И под барабанный бой мышата удалились. Причём маленький всё время сворачивал налево, куда тянул его кусок колбасы.

Ему, наверное, было очень трудно держать колбасу, но не откусывать.

— У них даже кавалерия имеется, — грустно сказал Буре.

— Ерунда! — возразил Холодилин. — Ну как, Иван Иванович, нравится тебе на даче?

— Не знаю, — ответил Буре. — Непривычно, как за границей.

— А вы бывали за границей? — спросил Новости Дня.

— Нет, не бывал, — сказал Буре. — Потому и непривычно.

— Ну ладно, погуляли — и хватит, — сказал Холодилин. — Пошли щётку переставлять.

Утром как только девочка Таня проснулась, она побежала к маме.

— Мама, у нас в доме кто-то живёт. Я вчера ночью видела.

— И кто же это? — спросила мама.

— Человечки маленькие. Они вчера ходили с фонариками.

— Это тебе приснилось.

— Нет, не приснилось, — сказала упрямая половинка Яна. — Потому что один глаз у меня уже спал, а другой — нет. И всё видел. Самые настоящие человечки.

— У тебя скоро день рождения, — сказала мама. — Через три дня. Вот я тебе солдатиков подарю. Будут у тебя человечки.

— Человечки — живые, а солдатики — неживые. Я хочу человечков найти.

— Ну хорошо, — согласилась мама. — Ты положи им вечером конфету. Если они её съедят — значит, они есть. А если нет — значит, это был сон.

«Наверное, это был сон», — подумала послушная половинка Юшечка.

«Для тебя сон, а для меня — ни капельки!» — возразила вредная половинка Яна.

...Когда хозяева ушли купаться, Холодилин, Буре и мальчик выбрались из холодильника и залезли на подоконник природу смотреть.

— Какие просторы! — сказал Пылесосин. — Поля. Фонари. Вот бы туда пойти!

И тут из леса послышалось громкое и отчётливое «ку-ку, ку-ку, ку-ку!».

Иван Иванович схватился за часы.

— Батюшки! Уже три. Что это с моими часами?! Отстают?

Кукушка куковала всё дальше и дальше. А Иван Иванович считал:

— ...Пятнадцать, шестнадцать... двадцать восемь! Ничего не понимаю. Разве может быть тридцать часов?.. У неё, наверное, ограничитель сломался.

Остальные человечки хохотали. Пылесосин так и покатился по подоконнику.

— Ой, ой! Держите меня! Отстают! Да это живая кукушка!

— Живая? — переспросил Буре. — Я совсем про них забыл. Думаю, раз «ку-ку», значит, время отбивают. Надо за Машкой сбегать. Пусть поучится.

Машка слушала, слушала сонно, потом как вытаращит глаза и давай тоже кричать: «Ку-ку!» Да так здорово и громко, что лесная кукушка удивилась и замолчала.

— Что, съела? — сказала Машка, снова склонила голову набок и задремала.

Тут на подоконник взобрался радиомастер:

— Слышали новость?

— Какую?

— Про хозяйкину дочку. Она нас заметила. Я был у себя и слышал, как она с матерью разговаривала.

— Ну и что? — спросил Пылесосин.

— Ничего. Будто ты не знаешь. Если дети узнают про гарантийных человечков, беда начнётся. Они будут все приёмники и часы разбирать, чтобы нас достать.

— Верно, — поддержал его Буре. — Эта девочка ещё в городе два раза пыталась Машку из часов вытащить. Ей пришлось куковать во всю ивановскую, а мне трезвон устраивать, чтобы родители прибежали.

— А однажды она полприёмника развинтила: посмотреть, кто там разговаривает. Пришлось к ней провода с током поднести и дёрнуть как следует. Чтобы больше не лазила. Крику было — я чуть не оглох!

— Теперь она хочет конфету на пол положить, — продолжал радиомастер. — Если конфета пропадёт — значит, мы её съели. Тогда она будет нас искать.

— Мы-то конфеты не возьмём, — насторожился Холодилин. — А вот мыши...

— Надо будет часового на ночь поставить. Например, меня, — предложил мальчишка. — Чтобы мыши конфету не съели.

— Часового нельзя, — возразил Холодилин. — Мыши его вместе с конфетой утащат.

— Значит, провода с током проведём, — предложил Новости Дня. — Их как трахнет!

— А можно конфету затащить на ночь к нам, — сказал Буре. — А утром на место положить.

— Толково, — согласился Холодилин. — Так и сделаем.

— Но это ещё не всё, — сказал радиомастер. — Есть ещё одна новость. У хозяйской девочки день рождения через три дня.

— А нам-то какое дело? — сказал Холодилин.

— А такое, что гости придут, радиолу включат. А она не работает. И мне сразу выговор по гарантийной линии.

— Верно, — согласился Холодилин. — Но ты не отчаивайся. Мы сегодня же пойдём звонить в управление. Будет щётка.

В этот день хозяйская девочка Таня очень устала. Потому что её хорошая половинка Юшечка всё время помогала маме: стирала платице, испекла блинчик, вынесла на помойку разбитую чашку и протёрла пол на кухне. Плохая половинка Яна тоже очень устала. Она весь день лазила куда не надо. Разбила чашку, испачкала платице, пролила воду на кухне и кидалась блинчиком в соседскую девочку.

— А сейчас положим конфету для человечков, — сказала Яна перед сном.

— Не надо их ловить! — заспорила Юшечка.

— Обязательно поймает. Ни у кого человечков нет, а у нас будут, — упёрлась Яна.

Она достала конфету из сахарницы, положила на пол и прыгнула в кровать.

Через пять минут девочка спала.

— Молодец у нас Танюша, — сказала мама и поправила на ней одеяло. — Надо ей на день рождения котёнка подарить.

Как только взрослые улеглись, Холодилин и Новости Дня выбрались из холодильника и утащили конфету к себе. Затем они стали готовиться в дорогу. Надо было дойти до ближайшей телефонной будки и позвонить в управление насчёт запасной щётки.

— Оружие возьми, — сказал радиомастер. — Мало ли что.

— Не беспокойся, — ответил Холодилин. — Не впервой.

Они оделись потеплее и вышли в серебристую темноту ночи. А Иван Иванович и мальчик остались дома пить чай.

— Иван Иванович, — сказал Пылесосин, — а почему бы вам не переучиться на электрика? И в современные часы не перейти, электрические?

— Стар я переучиваться, — ответил Буре. — И мастерство своё мне жаль. Мы, старики, народ упрямый. Вот, к примеру, у меня приятель есть, Вальс Иван. Он в рояле живёт. Уж сколько раз его переманивали на пианинную работу. Сейчас ведь квартиры не те, рояль ставить негде, а на пианино спрос огромный. Так не хочет он идти в пианино. Умение своё жалеет. Хотя работа там и полегче будет. И все мы так. Не хотим своих вещей покидать. Потому старинные вещи так хорошо и работают. И ружья, и скрипки, и люстры, и самовары. Да мало ли что! Мне бы самому ученика заиметь и все секреты ему передать.

— Что же — управление не может ученика прислать? — спросил Пылесосин.

— Легко сказать, — ответил Буре. — Часов таких мало осталось. Спрос на них невелик. Ученики в других местах нужны. А потом хватятся, да поздно будет.

Тут маленькая лампочка над столом замигала и погасла.

«Что такое? — задумался Пылесосин. — Электричество выключили?»

Он достал фонарик.

— Вы посидите, Иван Иванович, а я пойду посмотрю — может, проводка барахлит.

— Нет уж, лучше вы посидите, молодой человек, — возразил Буре. — Я сам схожу. Время тревожное. Не забудьте — нам война объявлена.

И он вышел. Прошло пять минут, однако Буре не возвращался. Не вернулся он и через десять, и через двадцать минут. Пылесосин по-настоящему заволновался. Взяв гаечный ключ побольше, он вылез из холодильника и пошёл вдоль провода к электрической розетке.

— Стой! — вдруг сказал он. — Провод перекушен. Это мыши. Пропал Иван Иванович. — И он бегом бросился к холодильнику.

Холодили и Новости Дня побывали уже в трёх телефонных будках. В двух автоматы были сломаны. В третьей автомат работал, но там не было гарантийного человечка. Стал накрапывать дождик.

Только в четвёртой будке им повезло. На условный сигнал — четыре сдвоенных удара по стенке — к ним упала изящная капроновая лестница с металлическими перекладинами.

Как следует вытряхнув одежду, мастера поспешили наверх. Гарантийная комната была новенькая, как с выставки современного оборудования. Кругом пластмасса, дерево и металл. А может, дерево под пластмассу или пластмасса под дерево и металл. Сверкающие ручки, выдвижные кровати и уезжающие в стенку письменные столы.

Точно таким же выставочным был и сам хозяин — аккуратно причёсанный юноша в белом нейлоновом халате. Он отлаживал наполовину вытасченный из стенки прибор с надписью: «Счётчик вырученных душек».

— Садитесь, — махнул он паяльником вошедшим мастерам. — Я сейчас.

Около него лежал на столе наушник, и оттуда доносились обрывки телефонных разговоров.

— Разве хорошо слушать чужие разговоры?

— А что? — ответил телефонист. — Телевизора у меня нет. Радио нет. Что мне прикажете делать по вечерам? И потом, никто не запрещает.

— Что делать? — переспросил Холодили. — Придумали бы

средство против тех, кто автоматы ломает. Мы пока к вам добрались, два сломанных встретили.

— А почему я должен думать? — сказал юноша. — Пусть в управлении думают. Их там много, и даже лысые есть.

— Я вижу, вы все на это управление как на Бога надеетесь. А у самих голова на плечах зачем? Шапочки нейлоновые носить?

— Как вас зовут? — вмешался Новости Дня.

— Слава меня зовут. Кабытов. А по-служебному Ноль Один.

— Так вот, уважаемый Ноль Один, нам надо немедленно переговорить с управлением, — сказал Холодилин.

— На которое не следует надеяться как на Бога, — подхватил молодой человек.

— Один : ноль, — рассмеялся радиомастер.

— Ноль Один, — поправил Кабытов. — Между прочим, я подавал предложение против тех, кто автоматы ломает. Чтобы специальную чернильную стрелятельную ставить. Или колотушку пружинную. Ты по автомату стукнул, а она — по тебе. С такой же силой.

— Ну и что? — спросил Новости Дня.

— Ничего. Отказали. Не воспитательно это и не человечно, мол, хулиганов чернилами пачкать. Они, наверное, хотят, чтобы хулиган телефон ломал, а ему пластинка включалась воспитательная с музыкой: «Дорогой хулиганчик, не ломай, пожалуйста, наш автоматик. Будь умненьким».

— Ладно, — остановил его Холодилин. — Давайте мне управление. В другой раз на эту тему побеседуем.

Через некоторое время он уже кричал в маленькую телефонную трубку:

— Что значит не можете выслать? Не хватит бензина у вертолётника! А ему не надо лететь до самого Дорохова. Пусть сядет на крышу электрички и приедет. А здесь от станции совсем рядом. А мы на телефонной будке крест нарисуем. Там и оставите щётку... Кто принял заказ? Петров? Ну смотрите, Петров, чтобы завтра щётка была! Звонил Холодилин. Не Молотилин, а Холодилин. Всё. Привет Великому Трансформатору!

Он положил трубку.

— Как тут у вас, Слава, можно на крышу забраться? Лестница есть?

— Никак вам не надо забираться, — ответил юноша. — Идите себе. Я сам этот крест нарисую.

Когда Холодилин и радиомастер вернулись в дом, их встретил встревоженный Пылесосин:

— Иван Иванович пропал... Его мыши украли. Что делать теперь?

— Час от часу не легче, — сказал радиомастер. — Я так и знал, что добром это не кончится.

Холодилин задумался. Потом осмотрел проводку.

— Я думаю, ничего страшного с Иваном Ивановичем не случится, — сказал он. — Если они сообразили перегрызть провод, они сообразят, что пленного выгоднее всего обменять на сыр или там колбасу. Зачем он им?

— Сообразят или не сообразят, я не знаю, — сказал Новости Дня. — А я вас предупреждал. Не надо было Ивану Ивановичу ехать за город. Чуюло моё сердце. Ох, как чуюло!

— Не будем спорить, — остановил его Холодилин. — Мы вот как сделаем. Во-первых, вынем конфету из фантика. Во-вторых, фантик положим около норки. А в-третьих, приготовимся к тому, что хозяйская девочка станет нас усиленно разыскивать.

— И что будет? — спросил радиомастер.

— А вот увидите.

Глава
седьмая

ГАРАНТИЙНАЯ
ПЕРЕДАЧА

Утром хозяйская девочка Таня первым делом закричала:

— Мама! Мама! Смотри — нет конфетки. Что я говорила! Значит, есть человечки!

Мама посмотрела и увидела фантик на полу, около мышиной норки.

— Есть, есть, — сказала она. — На четырёх лапках с хвостиком. Мышки называются.

— Нет, не мышки, — возразила Таня.

— Нет, мышки.

— А я говорю — не мышки!

— Ну хорошо, — не стала спорить мама. — Вот мы поставим мышеловку на ночь и всё узнаем.

— Теперь ты понял, зачем мы фантик оставили? — спросил Холодидлин у мальчика.

— Понял. Чтобы мама мышеловку поставила. А что дальше будет, дядя Холодидлин?

— А вот увидишь. Дальше будет интереснее.

Когда хозяева ушли на реку загорать, к холодильнику подбежал Новости Дня.

— Эй, вы! Пошли ко мне радио слушать. Гарантийная передача идёт!

Человечки поспешили в дом к радиомастеру. Гарантийная передача — вещь нужная и интересная.

Комната радиомастера была не такой уютной, как у Буре, и не такой обыкновенной, как у Холодилина. Она больше была похожа на трансформаторную будку или машинное отделение лифта. Кругом резиновые коврики, рубильники и пульта с лампочками. Повсюду висели надписи: «Не трогать — смертельно!» А рядом рисунки с черепом и костями. Даже на шкафу с посудой. На столе стоял электрический самовар с таким же рисунком и фарфоровые чашки с теми же надписями. И только на огромной красной тахте в углу ничего не было написано.

Человечки сразу забрались на тахту и с уважением стали осматривать смертельную комнату.

— Чаю хотите? — спросил хозяин.

Но никто не хотел пить чай из смертельного самовара.

— Мне кажется, только я возьмусь за чашку, меня как током трахнет! — сказал мальчик.

— Чай с вареньем — пожалуйста, — сказал Холодидлин. — А чай с электричеством — это на любителя.

— Ну как хотите, — сказал хозяин. — Давайте слушать.

Он подошёл к рабочему столу и включил приёмник. Как у всех радиомастеров или любителей, приёмник у него был до ниточки разобран. Все лампы торчали наружу, динамик лежал

отдельно, крышка стояла в углу. Но работал приёмник на славу. И радиопередача началась. Сначала передавали последние известия.

«Внимание, внимание! Рижский завод радиоаппаратуры увеличивает срок гарантии всех изделий на один год. Мастеров просят иметь это в виду...

Управление гарантийных человечков сообщает, что завод, производящий пылесосы „Уралец“, закрывается на ремонт. Мастеров просят не покидать пока свои изделия и предупреждают, что микровертолёты за ними временно присылаться не будут...

К радиоприёмникам „Воронеж“ выпущена магнитофонная приставка. В ней имеется мастерская. В рабочем столе добавочные инструменты и инструкция. Вход в приставку со стороны задней крышки рядом с пломбой. Просьба: гарантийным человечкам немедленно налаживать приставку...

О погоде. К сведению холодильных мастеров! По сведениям Института Прогнозов надвигается сильная жара. Не забудьте понизить температуру в морозильнике. Человечкам из автогарантии рекомендуется усилить охлаждение двигателей. Жалюзи следует держать открытыми, а радиаторы очистить от мошкар. Гарантийным человечкам из лодочных моторов советуем следить за уровнем воды в реках и озёрах. Он может понизиться, и винт начнёт задевать о дно».

Потом радио стало передавать приветы от одних человечков другим. Рассказывать разные гарантийные случаи. В каком городе какой мальчик или девочка пытались разобрать какое изделие и что из этого вышло. И наконец диктор сказал:

«А сейчас мы начнём концерт по заявкам старых мастеров. Гарантийный мастер из рояля „Беккер“ Иван Сергеевич Вальс просит исполнить по радио песню „Вот мчится тройка почтовая“. Эту песню он посвящает своему другу — часовому мастеру Ивану Ивановичу Буре. И просит вместе с песней передать поклон до земли и пожелания доброго здоровья. С удовольствием выполняем просьбу Ивана Сергеевича. Слушайте эту старую гарантийную песню».

При этих словах человечки так и подпрыгнули. Вот тебе раз: песня есть, а Ивана Ивановича нет! А приёмник запел:

Вот мчится тройка почтовая,
По Волге-матушке зимой.
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой.
«О чём задумался, детина, —
Ездок приветливо спросил, —
Какая на сердце кручина,
Скажи, тебя кто огорчил?»

— Ты знаешь, это очень старая песня, — сказал Холодилин мальчику. — Ведь в старину никаких вертолётчиков для гарантийных человечков не было. Кончился твой срок, вылезай — и в дорогу. Где на тройке, где пешком. Иногда идти через полстраны приходилось. Или вообще за границу. Заводов мало было. Бывало и так, что устал мастер и упал. Хорошо, если люди помогут, а то и беда случалась.

— Жалко, что Иван Иванович не слышал, — вздохнул Пылесосин. — Ведь песню-то для него пели.

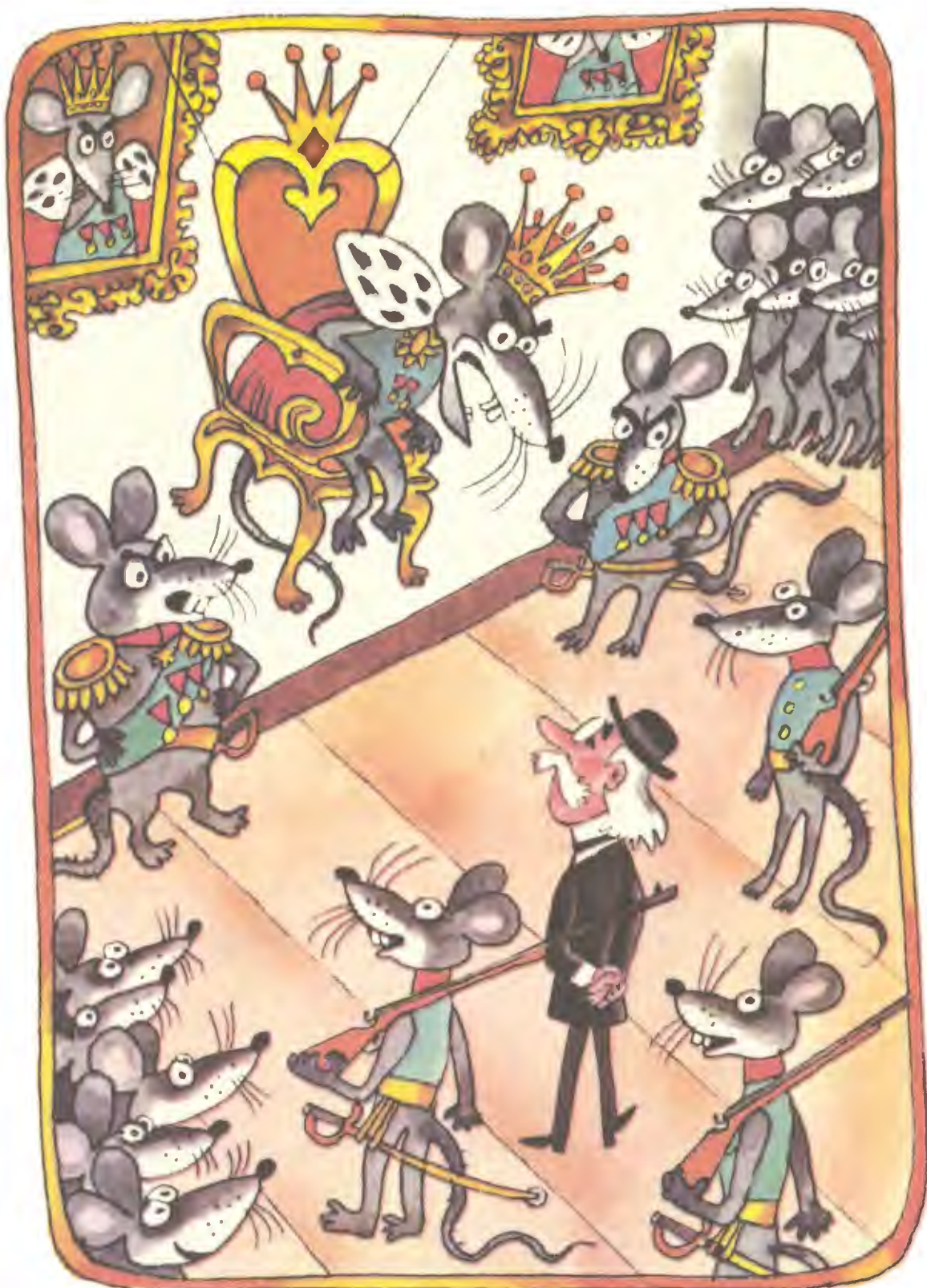
— Ещё бы не жалко, — сказал Новости Дня. — А всё из-за некоторых! Не надо было Ивану Ивановичу за город ехать! Вот к чему приводит нарушение инструкции.

— Ладно, не причитай, — остановил его Холодилин. — Ещё не всё потеряно.

А у Буре дела были такие. В это утро его привезли на допрос в королевский дворец. Дворец был сделан из перевёрнутого ящика для посылок. На стене дворца красовалась надпись:

МОСКОВСКАЯ ОБЛ., деревня ДОРОХОВО
Смирновым.

Все буквы «О» были прогрызены насквозь, и получалось очень много круглых окошек. Внутри было светло, потому что под потолком висела светящаяся гнилушка — люстра.

Королевским тронном служило игрушечное кукольное кресло. Оно висело на четырёх верёвках, привязанных к потолку. Получался сразу и трон и качели.

По стенам стояли игрушечные табуретки, шкафчики и диваны. Всё это мыши, наверное, потаскали у детей-растяп, которые отдыхали на даче прежде.

Вокруг трона стояли важные мышинные генералы, перепоясанные ремнями из колбасной кожеры. Они и начали допрос Ивана Ивановича:

— Сколько человечков приехало на дачу?

— Сogласны ли они сдаться в плен и служить великому мышинному королю?

— Какие продукты хранятся в холодильнике и нельзя ли их быстро переправить в подвал?

— Привезли новые дачники с собой кошку или нет?

Иван Иванович спокойно и толково отвечал.

Человечков приехало много и в плен они сдаваться не собираются.

Продукты в холодильнике есть — и самые разные. Все их переправить в подвал нельзя — хозяева заметят. Но немного колбасы или сыра взять можно. Конечно, в обмен на него — Ивана Ивановича.

Кошку хозяева с собой не привезли. Но это сейчас не проблема. Если они узнают про мышей и про то, что мыши перегрызают провода, они возьмут кошку напрокат. В специальном кошкопрокатном ателье.

После этого генералы стали шушукаться с королём, хрустя колбасными ремнями.

А Буре снова отвели на главную площадь и посадили в игрушечный детский автобус. Там из него был сделан гарантийный зоопарк.

Хочешь посмотреть — тащи кусочек сыра в королевскую продовольственную казну.

Вечером мама и Таня установили на кухне мышеловку. Таня сама несколько раз её опробовала. Она дёргала за крючок, и дверца захлопывалась.

Два раза девочке сильно прищемило палец, но это не расстроило её, а скорее даже обрадовало. Обрадовало вредную половинку — Яну. Потому что Юшечка вообще была против этой затеи.

Когда в квартиру пришёл сон, Яна заснула первой. Ей не терпелось дожидаться утра и увидеть человечков в мышеловке.

А Юшечка никак не могла заснуть. Она всё время думала: правильно ли это — ловить человечков? И о том, как им плохо будет в этой клетке-мышеловке, пока их не достанут утром.

Так или иначе, девочка долго ворочалась в постели, и вечерняя жизнь в доме началась на полчаса позже, чем обычно.

Мастера сидели у Холодилина и пили простой, неэлектрический чай. И прислушивались.

Вдруг послышался шорох, потом радостный писк, беготня по полу.

Мышеловка захлопнулась.

— Попались, птички, — сказал Холодилин. — Пошли доставать. Это наверняка лейтенанты кавалерии.

Но это были не лейтенанты кавалерии, а два других мышонка. Человечки выпустили их из мышеловки и повели к холодильнику. Новости Дня быстро сделал для них ошейники, привязал мышат к пружине под мотором и приступил к допросу:

— Фамилия? Имя? Отчество?

— Смирнов Андрей Андреевич! Смирнов Андрей Андреевич! — ответили оба мышонка.

— Вы что — братья?

— Нет. Просто у нас все мыши носят фамилию хозяев дома.

— А как же Мышкин и Подмышкин?

— Они из других домов. Они к нам приблудились.

— С каким заданием шли? — продолжал допрос радиомастер.

— Разведка и диверсия!
— Диверсия и разведка!
— Какая диверсия?
— Добыть у хозяев тубик клея и намазать пол у холодильника. Смотреть, не приклеиться самим и ждать гарантийных.
— Ловко, — сказал Холодилин. — Надо это нам самим использовать.
— А как там наш Буре? — спросил мальчик.
— Пожилой гарантийный? Нормально, — ответили Андреи Андреевичи. — Из него зоопарк сделали.
— Как зоопарк?
— Очень просто. Его в автобус посадили около главной площади. Хочешь посмотреть — тащи кусочек сыра.
— А если мы захотим обменять его на вас, как ваше начальство посмотрит?
— Плохо посмотрит. Ведь он доход приносит. А мы — нет.
— Кому доход?
— Его величеству королю!
— Ну ладно, — сказал Холодилин. — Есть хотите?
— Смешно, — отвечали мышата. — Ещё как!
— Что вам дать — сосиску или сыр?
— Сыр и сосиску! Сосиску и сыр! — отвечали brave Андреи Андреевичи.
— Ничего себе! — удивился радиомастер. — Они наши враги, а мы их будем сосисками кормить, как в санатории.
— Так надо, — сказал Холодилин. — У меня есть соображения. И потом, уж больно ребята они симпатичные.
— И весёлые, — добавил Пылесосин.
— Так точно, — сказали мышата. — Мы симпатичные. И весёлые.
Холодилин вытащил небольшую сосиску и положил перед пленниками. Они быстро стали уплетать её, каждый со своей стороны. Не прошло и пяти минут, как они упёрлись носиками друг в друга. А от сосиски ничего не осталось.
— Ну, всё, — сказал Холодилин. — А теперь в путь, за щёткой.
Он поднялся в комнату и принёс вниз два небольших баллона с пульверизаторами.

— Это тебе, — сказал он Пылесосину. — На всякий случай. Баллончик с гелием. Хорошая штука. В случае нападения применишь. Кран откроешь — из него газ, как из огнетушителя. Только холодный. Сразу зима вокруг на целый метр. Хоть шубу надевай. Хорошо охлаждает горячие головы. А это нам с тобой, — сказал он радиомастеру. — Здесь краска под давлением. Не завидую я тому, кто на нас нападёт. Хоть в химчистку его отдавай по квитанции.

После этого старшие мастера отправились в путь, а мальчишка забрался в комнату Холодилина и улёгся спать.

Мышата остались внизу, под холодильником.

Глава
десятая

АНТИХУЛИГАННЫЙ
МЕХАНИЗМ
ИМЕНИ КАБЫТОВА

Как только в комнате всё затихло, к холодильнику подобрался два новых разведчика. Это были Мышкин с Подмышкиным.

— Эй, вы, попались? — спросили они.

— Попались, — отвечали пленные через щель.

— Держитесь?

— Держимся.

— Хорошо. Мы вас скоро выручим.

— Не-а, не надо, — ответили пленные. — Пусть так будет.

— Почему?

— Нам сосиску дали.

— Чего? — поразились новые разведчики. — Отравленную?

— Нормальную.

— А я ни разу в жизни сосиски не ел! — грустно сказал мышонок поменьше.

— «Не ел»! Я даже не видел! — плохим смехом засмеялся второй. — Она какая? Квадратная? С дырочками?

— Нет. Длинная и круглая, — ответили пленные. — А в середине вкусная.

Оба новых разведчика были поражены невероятно и побежали назад в норку докладывать обстановку.

Именно этого и добивался Холодилин. Он очень хотел, чтобы слухи о сосиске как можно скорее проникли в ряды вражеской армии.

В этот раз дождя не было, и поход мастеров к телефонной будке был более приятным.

Холодилин даже запел:

Я попрошу хиромантию
Дать поскорее ответ:
Как увеличить гарантию
Хоть бы на несколько лет.

— При чём тут хиромантия? — спросил Новости Дня. — Это же такая наука, которая по руке узнаёт всё о человеке.

— Правильно. По нашим рукам сразу же можно сказать, что мы мастера. И кажется, неплохие. Плохо только, что в некоторых из нас мастер стоит на первом месте, а человек — уже на втором.

— Ладно, ладно, — сказал Новости Дня. — Прошу без намёков. Из-за твоей человечности уже сколько раз мы правила нарушали. Да и сейчас у нас положение не из лучших. Снизу мыши донимают, сверху — девочка. Неизвестно ещё, чем всё это кончится.

Слава Кабытов, а по-служебному Ноль Один, ждал их.

— Что это вы не появляетесь? Я уж было сам хотел вам щётку нести.

— Ни в коем случае. У нас там такие события! Наверное, нам придётся уходить.

Они рассказали ему свою историю.

— Позавидуешь вам, — сказал Кабытов. — У вас хоть интересно. А я здесь как в консервной банке сижу. Но ничего, я опять придумал, как с хулиганами бороться.

— Ну и как?

— Очень просто. Делается такое устройство в замке. Если кто-то автомат ломает, замок срабатывает и запирается. А утром милиция ходит и нарушителей, как грибы, собирает. Здорово?

— Неплохо, — сказал Холодилин. — Только если нарушитель поздоровее окажется, он к утру не только автомат, но и всю будку разнесёт. И собирать будет нечего.

— Тыфу ты! — расстроился Кабытов. — Куда ни кинь, всюду клин! Да только я всё равно придумаю. Будет он, обязательно будет «Антихулиганский механизм имени Кабытова»!

Домой мастера добрались без приключений уже к самому рассвету.

Первым делом они затащили щётку в холодильник.

— Ты где ночевать будешь? — спросил Холодилин радиомастера. — У себя или у нас?

— У себя, конечно. Сейчас время летнее, какой-нибудь мотылёк в приёмник залетит или жук залезет — они там дел наделают! Глаз да глаз нужен.

— Только осторожнее иди. По сторонам посматривай. — И Холодилин передал радиомастеру баллончик с краской. — Смотри, чтобы ты у нас не пропал. Нам только этого не хватало.

*Глава
одиннадцатая*

**МЫШКИН
ПОДМЫШКИНА ВЕЗЁТ**

Утром мышеловка была пуста. Приманка на месте, и мама успокоилась:

— Слава богу! Мышей нет.

Но девочка Таня и не думала успокаиваться:

— Ну и что, что мышей нет. Я про мышей и не говорю. Я про человечков говорю. А они в мышеловку не пойдут. Я знаю, что делать. Я, мама, зубной порошок в кухне насыплю. Если человечки есть, они следы оставят.

— Так я тебе и разрешила! — сказала мама. — Я каждый день полы мою, а ты будешь мусорить.

— Мамочка, ну только один раз. А потом уберу!

— Ну, если уберёшь, попробуй. Только весь пол пачкать не надо. Сделай дорожку из угла в угол. И подметать легко, и если человечки есть, они обязательно следы оставят.

— Ура! — закричала девочка.

— Но ты весь день будешь вести себя хорошо. Иначе никаких дорожек.

— Конечно, конечно, мамочка! Давай мне скорее кашу!

— Ничего себе! — ахнул Новости Дня. Он сидел в комнатке внутри приёмника и поэтому слышал весь разговор. — Дело пахнет керосином. Эта девочка нас в покое не оставит. Я думаю, нам пора уносить ноги.

Дело действительно принимало плохой оборот. Гарантийным человечкам категорически запрещалось показываться на глаза детям. Не каждый взрослый знал про них. Только главные специалисты заводов и фабрик. А чтобы про них узнали дети, нельзя было допускать ни в коем случае. Поэтому как только хозяйева ушли из дома, радиомастер сломя голову помчался к Холодилину:

— Караул! Знаете, что девочка придумала?

— Что?

— Она дорожку из порошка на кухне насыпать хочет. Чтобы мы на ней следы оставили.

— Плохо! — сказал Холодилин.

— Ещё как! — закричал Новости Дня. — Если девочка нас найдёт, представляете, что будет? Она станет нас укладывать спать, возить в коляске, кормить пирожными из песка! Забинтовывать, мазать зелёнкой, мерить температуру с утра до вечера!

Пылесосин согласно кивал головой, а Холодилин помалкивал.

— А если она подарит нас какому-нибудь мальчику? Он станет таскать нас в карманах! Менять на перочинные ножи! Заставит плавать на самодельных кораблях! Превратит в игрушечных солдатиков! А я не хочу, не желаю!

— Да и я, — согласился Холодилин, — не очень желаю.

— Значит, мы должны немедленно уходить на свои заводы!

— А как же Буре? — спросил Холодилин.

— Не знаю как, — ответил радиомастер. — Только нельзя, чтобы из-за одного человека пропали все. Все важнее одного — таков закон.

— Это неправильно! — сказал Холодилин.

— Почему? — удивился Новости Дня.

— Действительно, почему, дядя Холодилин? — вмешался и мальчик.

— Очень просто, — стал объяснять мастер. — Сначала вы считаете, что все важнее одного. Потом считаете, что большинство важнее меньшинства. А дальше у вас получится, что половина всех важнее половины всех.

— Так уже не получится, — сказал Новости Дня. — Половина всех равна половине всех.

— Это только на словах, — объяснил Холодилин. — А если одни привыкли считать себя главнее других, они так и будут считать себя главнее, даже если их станет меньше. И в конце концов у вас выйдет, что не все важнее одного, а один, самый важный, важнее всех остальных.

— Это всё разговоры, — сказал радиомастер.

— Никакие это не разговоры, — возразил Холодилин. — Вспомни Великого Трансформатора и войну 127 на 220.

Но тут разговор мастеров был прерван, потому что в кухне послышался какой-то шум. Человечки высунулись в щели, и Холодилин закричал:

— Ого-го! Что я вижу... Мышкин Подмышкина везёт!

— Всё правильно, — послышался голос в ответ. — Только всё наоборот. Я-то наверху!

К ним приблизились старые знакомые с белым флагом. Причём один сидел верхом на другом.

— А почему так? — спросил Холодилин.

— Разжаловали его, — объяснил высокий лейтенант, который сидел в седле. — Перевели из лейтенантов в кавалерию. Судьба играет офицером. Кому не везёт, тот возит сам.

— За что же тебя так понизили? — спросил мальчик у мышонка.

Мышонок-лошадь грустно пожевал колбасные ремни, потупил глаза.

Он со вздохом произнёс:

— Откусил. Вот за что.

— Что откусил?

— Колбасу, которую мы у вас захватили. Велено было не кусать — доставить живьём. А я не доставил.

— Я вижу, у вас суровые порядки, — сказал Холодилин.

— А как же! — согласился верховой лейтенант. — Армия у нас, у мышей, — это сложное дело. У нас это дом отдыха, где всё делается по команде «бегом».

— Ну, а с чем вы пожаловали? — спросил радиомастер. — И почему среди бела дня?

— А вот с чем, — ответил лейтенант. — Мы пришли заявить страшный протест. Почему вы поступаете не по-военному? Почему вы кормите пленных сосиской?

— А что? Что в этом плохого?

— А то. Слухи об этом проникли в наши ряды, и теперь вся армия собирается сдаваться в плен. Какой смысл переносить лишения, идти в атаки и питаться старым сапогом, когда у противника запросто выдают сосиски? Видите ли в этом какую-нибудь толковость?

— Не видим.

— И я не вижу. И все не видят. И поэтому мы категорически требуем пленных не кормить! Корочка хлеба, немного воды. И то через день! Хватит с них, а то полопаются!

— А если мы не выполним ваши условия? — спросил Холодилин. — Если мы им, например, сала дадим? Тогда что?

— А у вас есть?

— Есть, конечно.

— Тогда не знаю что. Это нарушение всяких правил! Это военное преступление! Вся наша армия разбежится. И будет права. Желудок солдата важнее головы полководца.

— Ну вот что! — пресёк его Холодилин. — Если нам вернут мастера, мы дадим за него выкуп — колбасу, сахар. А если не вернут, вам будет плохо. Мы пустим в ход мышеловки, электричество и даже всемирные потопы.

— Это как? — спросил лейтенант.

— А так, — объяснил Новости Дня. — Опустим один конец трубки в ведро с водой, а другой к вам в нору. И будем ждать, пока вы, мокренькие, к нам в руки попрыгаете.

— Ясно, — сказал Мышкин. — Придётся нам морской флот организовывать. Лодки из картошек выгрызать.

— Что хотите выгрызайте, хоть авиацию! — сурово ответил Холодилин. — Только чтобы Буре был у нас завтра к вечеру!

После этого мышата в задумчивости удалились.

— Ну так что, — спросил Холодилин у радиомастера, — будешь ты немедленно уходить?

— Буду.

— Счастливого пути! Только никуда-то ты не уйдёшь, как мне кажется.

— Это почему ещё? — удивился радиомастер.

— Да потому, что у тебя радиола не работает.

Радиомастер схватился за голову:

— А ведь верно! А ведь верно! И как это я забыл?!

И он в волнении стал рассказывать из угла в угол холодилинской комнаты.

— Дядя Холодилин, — вдруг спросил мальчик, — а что это за война такая — 127 на 220? Я про неё ничего не слышал.

— Сейчас расскажу, — ответил Холодилин. — Одну минуточку... Слушай, — обратился он к радиомастеру, — будь добр, возьми дрель и проверни несколько дырочек в полу. Надо узнать, что там у них делается.

Новости Дня взял дрель и вышел из комнаты. А Холодилин начал рассказ:

— Раньше, лет двадцать назад, все телевизоры, холодильники и другие приборы выпускали на напряжение 127 вольт. А потом начали выпускать и на 220. Понятно тебе?

— Чего ж тут непонятного? — ответил мальчик.

— Сначала гарантийных человечков на 127 было много. Они считали себя главней. И радиопередачи делали для себя, и паяльники, и утюги. Только мастеров на 220 становилось всё больше. Всё больше. И те, которые на 127, в конце концов остались в меньшинстве. Но они уже привыкли считать себя важнее и ни в чём не уступали. Тогда и началась война. В каждом доме, на каждом заводе! Сколько пленных было захвачено, сколько разных полумок организовано — целую книжку можно написать.

— А кто такой Великий Трансформатор? — спросил мальчик.

— Был такой предводитель у 220-ти. Очень умный человек. Это он предложил создать Управление гарантийных человечков, а в нём два отдела — 127 и 220. И в каждом городе или посёлке есть свои управления. Даже на больших кораблях и самолётах. Кого в данном управлении больше, те и командуют.

— А что стало с Великим Трансформатором?

— А ничего. Работает где-то. Может, в стиральной машине. Может, в полотёре. Он человек скромный. Прекратил войну и работать ушёл. Только памятники ему всё равно стоят почти в каждом доме.

— Это как? — удивился Пылесосин.

— Да очень просто. Есть такие приборы — трансформаторы. Они могут преобразовывать напряжение, 127 переделывать на 220, а 220 — на 127. Знаешь про них?

— Конечно, знаю. Мы в мастерской проходили.

— Так вот эти трансформаторы и считаются памятниками тому мастеру.

— Красивая история, — сказал мальчишка. — Её просто можно друзьям дарить на день рождения.

В это время в комнату вошёл Новости Дня.

— Готовы дырочки, — сказал он. — Можно идти смотреть. Мастера отправились вниз.

Глава
тринадцатая

**МОТОР
КОРОЛЕВСКОГО
АВТОМОБИЛЯ**

Над главной площадью королевства взошло полосатое солнце. Осветило пол, норки и королевский дворец.

Буре выглянул в окно своего автобуса-зоопарка и увидел, что в королевстве не всё в порядке.

По площади туда-сюда разгуливали толпами мышата. У каж-

дой группы был свой лозунг на палочках. Мастер с удивлением читал:

НЕ ХОТИМ СРАЖАТЬСЯ, А ХОТИМ СДАВАТЬСЯ,
ПОТОМУ ЧТО СОСИСКИ ВКУСНЕЕ СНАРЯДОВ!

ДОЛОЙ ПОРОХ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТВОРОГ!
КАКОЙ ЖЕ ОН АГРЕССОР, ЕСЛИ ОН ПРОФЕССОР!

ЗА КАЖДОГО ГЕНЕРАЛА НАМ ДАДУТ КУСОЧЕК
КОЛБАСЫ ИЛИ КУСОЧЕК САЛА!

Были лозунги и попроще, без выкрутасов. Такие, как, например:

МЫ ХОТИМ ДРУЖИТЬ С ГАРАНТИЙНЫМИ,
ПОТОМУ ЧТО ОНИ МОЛОДЦЫ И ВСЁ УМЕЮТ.

ЕСЛИ ОН ГАРАНТИЙНЫЙ, ЭТО ЕЩЁ НЕ ЗНАЧИТ,
ЧТО ОН ВРЕДНЫЙ И ПРОТИВНЫЙ!

Тут на игрушечном автомобильчике подъехал король. Его окружили конные, а вернее, мышинные генералы кавалерии, перетянутые ремнями из колбасной кожуры. Король выбрался из автомобиля и сказал ему:

— Поезжай на стоянку и жди меня там.

Как ни странно, автомобильчик развернулся сам и поехал к автобусу, где сидел Буре.

А на площади поднялся невероятный шум.

Король стал говорить:

— Дорогие мыши и сограждане! В наших рядах появились отдельные отступники и изменники! И их большинство! Они узнали, что противник живёт хорошо, и решили, что они должны жить не хуже! Иначе как предательством это не назовёшь. В первую очередь мы должны завоевать гарантийных!

Из толпы закричали:

— А зачем? Для чего?

— Если мы завоюем их, это будет наша победа! Понятно вам? Ура!

НЕ ХОТИМ
СРАЖАТЬСЯ,
А ХОТИМ
СДАВАТЬСЯ,
ПОТОМУ ЧТО,
СОСИСКИ
ВКУСНЕЕ
СНАРЯДОВ!

**ДОЛОЙ
ПОРОХ,**
ДА ЗАРАВСТВУЕТ
ТВОРОГ!

КАКОЙ ЖЕ ОН
АГРЕССОР,
ЕСЛИ ОН
ПРОФЕССОР!

ЗА КАЖДОГО
ГЕНЕРАЛА
НАМ ДАДУТ
КУСОЧЕК КОЛБАСЫ
ЛИИ
КУСОЧЕК-
САМИ!

НЕ

ЕСЛИ ОН ГАРАНТИЙНЫЙ,
ЭТО ЕЩЁ НЕ ЗНАЧИТ,
ЧТО ОН ВРЕДНЫЙ,
ПРОТИВНЫЙ!

**МЫ ХОТИМ
ДРУЖИТЬ**
С ГАРАНТИЙНЫМИ,
ПОТОМУ ЧТО ОНИ
МОЛОДЦЫ И
ВОО УМЕЮТ.

Но население молчало. Никто не закричал «ура». Если не считать нескольких генералов.

— Ну ладно, — сказал король. — Я вижу, мнения разделились. И теперь перед нами стоит один вопрос: королевство или колбаса? Колбаса или королевство? Это мы должны сейчас решить. Кому важнее королевство, пусть идёт направо. Кому колбаса — налево!

Площадь зашумела и стала думать. А Буре вдруг услышал чей-то голос:

— Эй, гарантийный! Ты меня слышишь?

— Кто это?

— Это я. — Из-под машины вылез маленький белый мышонок. — Я — Вася.

— Что ты там делаешь?

— Я — мотор. Одна лошадиная сила. Я машину завожу.

— Разве нельзя заводить её ключом? — спросил Иван Иванович.

— Можно. Но тогда у меня работы не будет. Я нарочно не говорю королю про ключ. А сам он в технике ни бум-бум!

— А ты бум-бум?

— Конечно. Я ведь во Дворце пионеров жил. В живом уголке. Потом сбежал и по разным кружкам бегал, где технику учат.

— А как ты сюда попал?

— Случайно. Я в самолёт залез с моторчиком. Спать. А его утром запустили. Вот меня сюда ветром и принесло. Теперь я здесь живу.

— А хочешь к нам?

— Ещё бы! Возьмёте меня?

— Только ты мне помоги выбраться.

— И помогать нечего. Я думаю, вас и так отдадут. Видите, сколько здесь из-за вас беспорядков получилось.

В это время на площади закончилось деление мышат на тех, кому дороже колбаса, и на тех, кому — королевство. Колбасных оказалось десять. Сторонников короля — двенадцать. Среди них четыре верховных генерала.

— А лошади? — спросил Иван Иванович. — Что, они не считаются?

— Считаются, — ответил мышонок. — Только как им быть? На них же генералы сидят.

И тут белого мышонка осенило. Он открыл багажник автомобиля и вынул стеклянный наконечник от пипетки. Для кого-то это был наконечник, а для мышонка — горн-труба. Он поднял голову и затрубил: та-та-та-та! Та-та-та-та!

Это был мышиный королевский гимн. И все мышата стали вставать на задние лапы и вытягиваться во весь рост. Генералы попрыгали с коней и вытянулись в струнку. То же сделали и кони. И все запели:

В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зелёная была.

— Станный у вас гимн, — сказал Буре.

— Это я предложил. Лучшая песня. В Новый год её дети поют. Много шума, веселья. Много конфет на полу остаётся.

Но, наверное, не все мышата хорошо знали слова своего гимна. Потому что некоторые пели так:

В трусишках зайка серенький
Под ёлочкой скакал.
Порою волк, сердитый волк
С овцою пробегал.

А вместо «Мороз снежком укутывал: „Смотри не замерзай!..“» доносилось: «Матрос с мешком запутывал: „Смотри не вылезай!..“»

А пока ёлочка жила в лесу, пока скрипел снег по лесу «частному» и бежали всякие «лошадки мокроногие», мышинные лошади незаметно, шаг за шагом переходили на колбасную сторону.

В результате счёт окончательно и бесповоротно изменился в сторону колбасы.

— Поздравляю! — сказал белый мышонок Ивану Ивановичу.

— Ура! — закричал тот.

И мастера тоже немного успокоились. Они ушли в комнату.

— А всё-таки эти мыши не такие уж вредные, — сказал Пылесосин.

— С ними бы не воевать, а к делу их приучать, — согласился Холодидлин. — Ну хотя бы как Машку.

— Часы с Машкой — хорошо, — сказал Новости Дня. — А часы с мышкой — чушь какая-то!

Машка услышала, что про неё говорят, высунулась из буфета, в котором жила, и давай куковать! Все так на неё и набросились:

— Ты что, с ума сошла?

— Кыш!

— Раскуковалась тут!

— То кукуй, то не кукуй! — рассердилась Машка. — Толку от вас!

За последнее время Машка отоспалась, отдохнула, помолодела и стала просто очень хорошенькой кукушечкой. Она даже пробовала летать. И всё время к чему-то прислушивалась. С другого конца деревни иногда прилетало сюда кукование. Одно «ку-ку», или два «ку-ку», или целых двенадцать. И непонятно было, то ли это живая кукушка научилась куковать по часам, то ли это часовая кукушка научилась куковать не хуже живой. Размышления на эту тему занимали всё Машкино время и весь не такой уж большой Машкин разум.

Глава
четырнадцатая

КОННАЯ ГАРАНТИЯ

А девочка Таня решила в этот день перевернуть весь дом в поисках человечков. И начала она сверху, с чердака.

На чердаке темно и пыльно. Стоят разные интересные и неинтересные вещи. А на них отпечатались жёлтые солнечные квадраты от окна и двери.

Девочка открывала дверцы старых шкафов, поднимала крышки чемоданов. Нет ли где маленького домика? А в домике малень-

кого столика? А за столиком маленьких человечков? И пыль стояла столбом!

— Ну где же вы? — спрашивала девочка. — Апчхи!..

Но человечков не было.

— Человечки, пчхи-ловечки! Я вам ничего плохого не сделаю, я только поиграю с вами и пчхи-подружкам покажу... Не прячьтесь! Хорошенькие человечки!

Но человечков по-прежнему не было видно.

Зато карманы девочки с каждой минутой наполнялись интересными вещами. Она нашла старинный замок, керосиновую лампу, потом колокольчик. Потом ручку от патефона. Потом какую-то металлическую штуку в промасленной бумаге. И многое, многое другое.

До чего же она упрямой была, эта девочка! С таким упорством можно в пятнадцать лет академиком стать, если так же уроки учить.

Вечером она расчертила всю кухню на квадраты. Дорожки из зубного порошка превратили веранду в страницу из тетради по арифметике.

— Да брось ты... — говорила мама. — Лучше бы почитала букварь. Нет никаких человечков!

— Есть, — ответила Яна. — Ещё как есть. Вот мы утром увидим.

Мама, конечно, могла запретить девочке. Но из-за этих человечков Таня вела себя хорошо: и спала, и ела, так что мама не стала спорить. Тем более девочка обещала, что сама уберёт дорожки и даже вымоет пол.

Когда в квартире все заснули, Холодилин сказал радиомастеру:

— Ну что, пойдём к тебе щётку ставить?

— Пойдём, и немедленно, — отвечал Новости Дня. — Счастье наше, что радиолу до сих пор не включали.

Мастера взяли инструменты, щётку и пошли к выходу.

— А ты сиди и никуда ни шагу! — сказал Холодилин мальчику. — Может, сегодня Буре приведут.

Освещая путь фонариком, оба мастера двинулись от холодильника к приёмнику. Холодилин нёс щётку на спине, держа её обеими руками за проволоку, как крестьяне носят мешки с зерном.

— Стоп! — вдруг сказал радиомастер. — Ты видишь?

Путь преградила дорожка из зубного порошка. Они пошли в обход. Но и с другой стороны путь пересекала такая же дорожка.

— Не пройти, — сказал Новости Дня. — Попались... Вот упрямая девочка!

— Дела! — согласился Холодилин. — Делишки! Может, нам ходули смастерить, чтобы через них перешагивать?

— Придётся, — сказал Новости Дня. — Если ничего другого не придумаем.

Мастера вернулись в холодильник.

— Только пока мы их сделаем, полночи пройдёт! — сокрушался радиомастер. — Успеем ли?

И тут осенило Пылесосина:

— А вы на мышах поезжайте. Чего они зря простаивают? Пусть и у нас будет кавалерия.

— Это мысль! По коням!

Новости Дня быстро смастерил из тонких проволочек уздечки, из клейкой ленты — седла, а из гаечек — стремяна.

— Эксплуататоры! — возмущались Андреи Андреевичи. — Угнетатели! Ну ничего, ничего! Это вам обойдётся в два лишних кружка колбасы. На печенье мы ни за что не согласимся!

— А тебе задание важное есть, — сказал Холодилин мальчику. — Нужно подземный ход проделать. Боюсь, он нам скоро понадобится. Ну и всё. Привет. Будь осторожен.

Пылесосин принялся за работу.

Ж-ж-жжжжж! — жужжала электрическая дрель в руках мальчика. Он сделал дырочку в полу. А потом маленькой пилкой пропиливал дорожку от дырочки к дырочке. Через некоторое время люк был готов. Мальчик отвернул выпиленный круг и лёг на пол, чтобы посмотреть вниз. И тут из дыры показались беленькие усики, и наружу выбрался мотор королевского автомобиля — мышонок Вася.

— Привет, гарантийные! — сказал он. — Я к вам. Плохо дело. На вас нападение готовится!

А мастера в это время работали. Хорошо, что они были вдвоём. Одному такую трудную работу ни за что бы не сделать. Новости Дня изо всех сил оттаскивал ленточную пружинку. А

Холодилилин ставил угольную щётку в гнездо. Наконец она щёлкнула и стала на место.

— А теперь надо твою комнату разобрать на всякий случай, — сказал Холодилилин. — А то вдруг придётся уходить. Надо, чтобы никаких следов не оставалось.

— Я вижу, что некоторые не только нарушать инструкции умеют, но и соблюдать иногда, — съехидничал радиомастер. — Ты комнатой займись. А я всё остальное проверю. Чтобы тут и без меня всё работало. Ведь срок гарантии у меня ещё не кончился.

Они занялись делом. Новости Дня осматривал радиолампы, сопротивления, всевозможные катушки и конденсаторы. Что-то очищал от пыли, что-то заменял. А Холодилилин разбирал панели комнаты. Отвинчивал мебель и подавал радиомастеру. И всё это незаметно распределялось внутри приёмника. Самовар превратился в колпак радиолампы, красная тахта — в изолирующую прокладку под мотор, а стол и стенные панели — в крышки для трансформатора.

Мастера последний раз оглядели комнату и спустились вниз на пол, где ждала их мышинная кавалерия, привязанная к ножке стола. Верхом на мышах они вернулись в холодильник.

— Вы слышали? — встретил их мальчик. — На нас нападение готовится.

— Что за нападение? — спросил Новости Дня.

— А вот послушайте. — Пылесосин познакомил их с мышонком, и Вася начал рассказ.

Глава пятнадцатая

ВПЕРЕД — ЗА КОЛБАСОЙ!

Да, Пылесосин радовался рано. В тот момент, когда сторонники колбасы победили, король снова вскочил на трибуну.

— Так, значит, дорогие сограждане, для вас важнее колбаса?

— Точно!

— Так завоюем гарантийных! — закричал король. — У них сколько хочешь колбасы! И вся она будет наша! Ура!

— Ура! — закричали сограждане.

— Вперёд! — закричал лейтенант кавалерии Мышкин. — К оружию!

— Вперёд! — подхватили все.

Удивительно это получилось. Только что никто не хотел воевать, и вдруг оказалось, что все за войну. Почему, так никто и не понял.

— Так что, гарантийные, готовьтесь, — закончил свой рассказ мышонок. — А я не хочу против вас воевать.

— Слушай, — спросил Холодилин, — кто у вас там такой толковый? Кто про клей придумал? И провода перегрызать?

— Я придумал. Я немного в технике разбираюсь.

— Спасибо, — сказал Новости Дня. — Очень ты нас порадовал.

— А в какой технике? — спросил Холодилин. — В механике или в электричестве?

— И в механике, и в электричестве. Я во Дворце пионеров жил.

— А в часах разбираешься?

— Нет. Совсем нет.

— Выучиться хочешь?

— Ещё как! — сказал мышонок. — Да здравствует его величество король! То есть нет, наоборот: пусть ему кошка приснится!

— Ну что, вперёд? — спросил Новости Дня. — Ивана Ивановича выручать! Мне кажется, мы должны напасть первыми.

— Ни в коем случае, — сказал Холодилин. — Сейчас не пойдём. Мыши в темноте хорошо видят, лучше кошек. И мы пропадём. Дождёмся утра. А сейчас давайте мою комнату разберём и вещи сложим.

Комната была быстро разобрана.

— Отлично! — сказал Холодилин. — Теперь займёмся оружием... У тебя что? — спросил он Новости Дня.

Радиомастер извлёк из рюкзака металлический бочонок.

— Конденсатор заряженный. Если эти проволоочки поднести к кому-нибудь, так трахнет — закачаешься!

— Отлично. А у тебя что? — спросил Холодилин мальчика.

— У меня ничего, — сказал Пылесосин. — Разве вот это. — Он показал что-то завернутое в бумагу.

— Что это?

— Запасная пружина к часам. Скрученная.

— Откуда?

Пылесосин опустил глаза.

— У хозяйской девочки стащил.

— Вот ещё! — ахнул Новости Дня. — Зачем?

— Для Ивана Ивановича. Хотел ему подарок сделать. Может, девочка не заметит.

— Как же, не заметит! — сказал радиомастер.

— Час от часу не легче!.. — сказал Холодилин, и наступила сердитая пауза. — Ладно, делать нечего, — продолжил холодильный мастер. — Но если об этом узнают в управлении, нам здорово нагорит!

— Может, положить на место? — спросил Пылесосин.

— Теперь уже поздно. Только хуже будет, — сказал Новости Дня.

— Ладно, — сказал Холодилин. — Может, обойдётся. А сейчас всем спать. До рассвета у нас есть ещё время.

Его комната была разобрана. Ни диванов, ни кроватей. И все улеглись на полу, положив под голову рюкзаки с инструментами. Рядом тепло посапывали два пленных Андрея Андреевича.

Глава
шестнадцатая

ЛУЧШИЕ ЗУБЫ
КОРОЛЕВСТВА

Мастера были во всеоружии.

— Всё! — сказал Холодилин. — Теперь вперёд! Посмотрите, мы ничего не забыли? — Он стал поднимать крышку люка.

— Боюсь, вас там схватят, — предупредил белый мышонок.

— Могут, — кивнул Холодилин. — А мы вот как сделаем... Эй, парень, давай твою пружину.

И все поняли, что задумал мастер.

Пылесосин вынул из рюкзака тяжеленный свёрток. Что-то промасленное и крепко перевязанное проволокой.

Раз! — и свёрток полетел вниз, в подвал.

— А теперь ждём.

Внизу под люком сначала всё было тихо. Потом послышался торопливый топот ног. И голоса.

— Это я нашёл! Я первый увидел! — кричал мышонок Подмышкин. Ему очень хотелось уйти из кавалерии и снова стать лейтенантом.

— Нет, я! — спорил лейтенант Мышкин, который всей душой рвался в генералы. Для убедительности он даже встал на свёрток, как на пьедестал.

— Нет, это мы нашли! — кричали два каких-то мышиных генерала.

Всё больше и больше мышей собиралось на площади. Суматоха и шум росли.

И вот прибыл король. Все разошлись и уступили ему дорогу к свёртку.

— Ваше величество, — сказал Мышкин, — эта штукovina упала сверху. И она вся промасленная.

— Что с возу упало, то пропало. Так говорит народ, — заявил король. — А у меня пока ещё нет оснований ему не доверять.

— Кому вы поручите торжественно перегрызть проволочку? — спросил Мышкин.

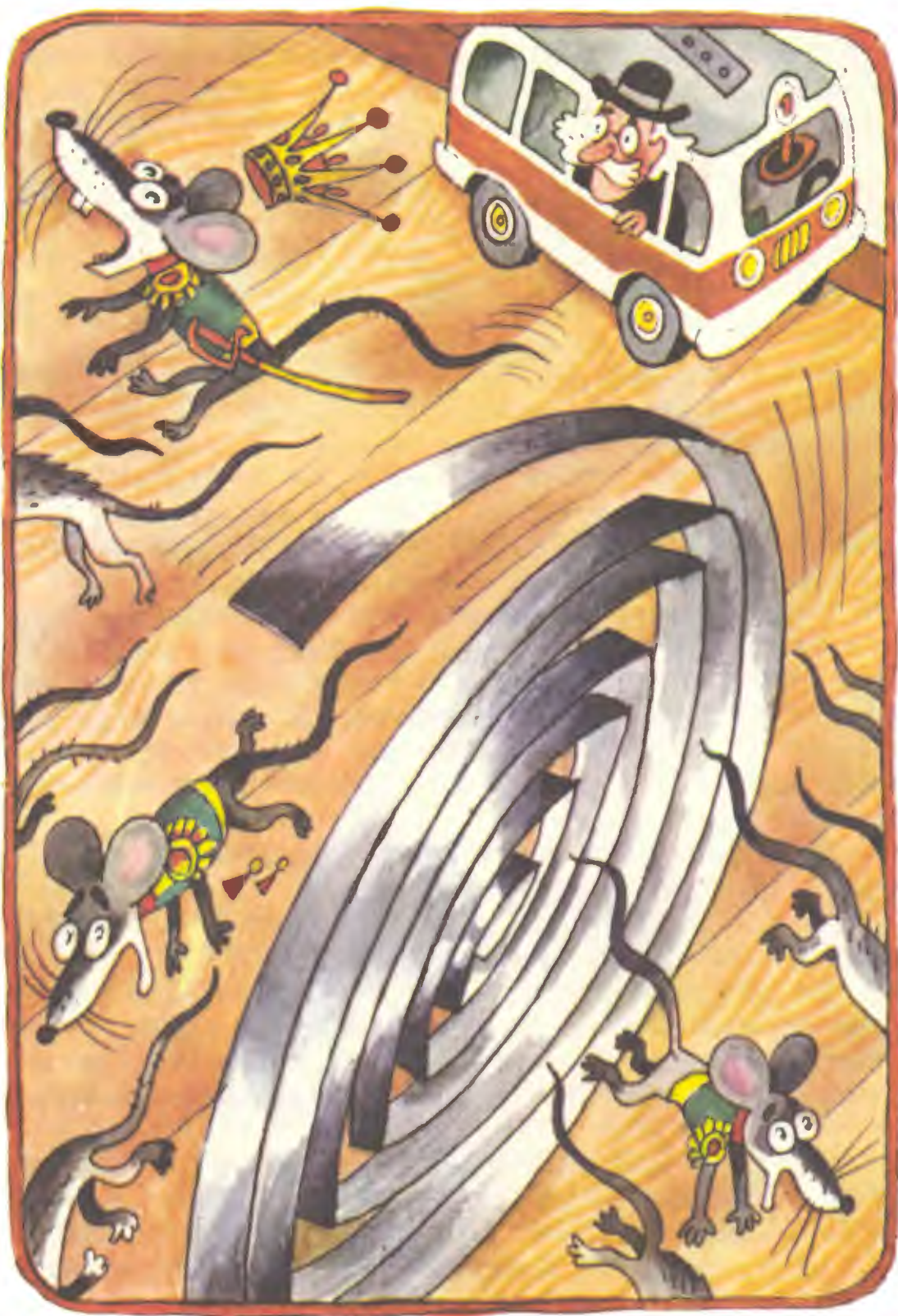
— Я сам её перегрызу, — отвечал король. — Мои зубы, пожалуй, самые лучшие в королевстве.

— Не завидую я его зубам, — грустно сказал Холодилин. — Такие пружины делались из лучшей немецкой стали.

Послышался звук, будто кто-то пилил металлом по металлу. Потом раздался ужасный звон и треск. И пружина плеснула во все стороны.

Она раскручивалась всё больше и больше, и кругами разбегались по площади и разлетались во все стороны рядовые и генералы колбасной армии.

— Вперёд! — сказал Холодилин.

Он сбросил в люк кусок проволоки, и мастера заскользили вниз, как пожарные при пожаре.

Главная площадь мышиноного города была пуста. Никого.

Только Иван Иванович что-то радостно кричал из автобуса. Мастера выпустили его, обнялись и с огромным трудом скрутили немецкую пружину.

— Ну как местная публика? Вредный народ? — осведомился Холодилин.

— Нет. Бестолковые они, а так ничего. Кормили меня, здоровались. Если бы не их король, с ними можно ладить. А вы почему с рюкзаками?

Ему рассказали обо всём, что случилось за это время наверху.

— Значит, уходим? — спросил Буре.

— Да. И как можно скорее, пока местные умы не расчухались.

— А Машка где?

Холодилин хлопнул себя по лбу:

— Забыли! Я сейчас.

Он стал карабкаться вверх по проволоке. Обратно в люк. Остальные ждали его внизу.

— Нет Машки! — через некоторое время высунулся Холодилин. — Я всё обыскал. Пропала!

— Без Машки я не пойду, — упёрся Буре. — Хоть вешайте.

— Иван Иванович, — сказал Пылесосин, — нам надо уходить. Там, наверху, нас девочка разыскивает, а здесь — мыши. Пропадём мы.

— А я без Машки пропаду... — Буре так расстроился, чуть не плакал.

— Эй, — крикнул Холодилин радиомастеру, — что будем делать?

— А ничего, — отвечал Новости Дня. — Надо было раньше думать. А сейчас он прав. Нельзя ему без кукушки в город.

— Тогда подымайтесь сюда. Решать будем.

Один за другим гарантийные человечки поднялись в холодильник.

Мышонок Вася последовал за ними.

— Нам бы где-то спрятаться надо, — сказал Холодилин. — Чтобы девочка нас не нашла. И переждать.

— А где ты от неё спрячешься? — сказал Новости Дня. — Она такая настырная. Хоть на люстру залезай!

— А что? — задумался Холодилин. — Это мысль. Можно и на люстру.

— А как? — спросил Пылесосин.

— А так! — отвечал Холодилин. — Присоски на что?

Он вытряхнул из рюкзака резиновые присоски.

— По очереди и полезем. Один залез и другому сбросил.

— А хозяева? — сказал Буре. — Вдруг они нас заметят! Смотрите, уже совсем светло.

— Не заметят, — возразил Холодилин. — Утренний сон самый крепкий. Первым полезет Пылесосин. Затем Буре. А потом мы с радиомастером. А тебе, Вася, — обратился он к белому мышонку, — поручение будет важное. Ты здесь все ходы и выходы знаешь. Разведай, куда Машка пропала. Машка — это кукушка из часов.

— А что с пленными делать? — спросил Пылесосин про Андреев Андреевичей.

— А ничего. Пусть идут. Не будете спорить? — спросил он у мышат.

— Мы что, больные? — ответили Андреи Андреевичи. — Или шлёпнутые? Мы вам тоже про Машку будем узнавать. Потому что вы нам понравились.

Пылесосин, перебирая присосками, как ящерица геккон, забирался вверх по стене, а потом пополз по потолку.

Вот он добрался до люстры, уселся на краю, отстегнул присоски и сбросил их вниз.

Следом полез Буре, затем Новости Дня.

Последним на люстре оказался холодильный мастер.

— Порядок! — сказал Холодилин.

— Вот теперь, — сказал радиомастер, — мы как раз и попали в ловушку.

— Это почему ещё?!

— А потому. Как же мы слезать отсюда будем?! Вверх же мы присоски не забросим!

Мастера, как по команде, схватились за головы:

— Караул!

Ситуация была более чем неприятная.

Утром Татьяна внимательно исследовала все меловые дорожки.

— Мама, мама! Иди сюда. Есть человечки! Есть человечки! Вот, пожалуйста, они следы оставили!

— Как так следы? — спросил Холодилин радиомастера. — Ты что, слезал с лошади?

— Нет, не слезал. Просто мой мышонок пониже. И я, наверное, ногами задевал.

— Мышиные лапки я вижу, — с тревогой сказала мама. — А насчёт человечкиных следов сомневаюсь.

— А я не сомневаюсь! — кричала девочка.

— Глупость всё это! — сказала мама. — Я тридцать лет на свете живу, а ничего подобного не слышала. Вот котёнка я тебе, пожалуй, подарю.

— И котёнок хорошо! И человечки хорошо! — танцевала девочка. — Я их теперь обязательно найду. Они где-то около холодильника прячутся.

— Ты сначала позавтракай, — сказала мама. — И подумай ещё: стоит ли их ловить, раз они от тебя скрываются?

И девочка сразу погрузнела:

— Ты знаешь, мамочка, наверное, не стоит. Мне просто на них посмотреть хочется, как они там живут. Я даже сама не знаю, откуда во мне такое ловительство. Я посмотрю на них и отпущу.

Всё-таки вредная половинка Яна не всегда брала верх. Юшечка тоже могла говорить своё слово.

Гарантийные сидели на люстре и ломали головы: как же им теперь спуститься вниз, как выбраться из западни.

А в доме вовсю шли приготовления к дню рождения. Покупались продукты, мылся пол, и девочка Таня всё говорила маме:

— Мама, мама, обязательно отодвинь холодильник! Вон за ним как много пыли.

— Придумал, — вдруг сказал Холодилин, сидя на краю люстры. — Есть выход. Мы парашюты сделаем.

— Как же мы их сделаем? — возразил Новости Дня. — У нас и материи нет.

— Нам не нужна материя. Мы их из нитрокраски сделаем. Вот эти лампочки большие видите?

— Видим.

— Мы верхушки нитрокраской покроем из пульверизатора. Краска высохнет — и получится плёнка. Пожалуйста, снимай её — вот тебе и купол парашютный!

— Но она же прилипнет к стеклу, — сказал Новости Дня. — Её никакой силой не отдерёшь.

— И неправда, — возразил Холодилин. — Смотрите, сколько пыли на лампочках. Краска до стекла даже и не достанет... А ну-ка за дело!

Он вытащил баллончик с пульверизатором и, как только хозяйева куда-то ушли, осторожно стал покрывать верхушки лампочек краской. Слой за слоем. Нитрокраска очень быстро высыхала, и прямо на глазах у человечков получались белые парашютные купола. Оставалось только снимать их, как кожицу с гриба маслёнка.

— Ура! — закричал Пылесосин. — Спасены! — Потому что сделать стропы из запасного мотка с проволокой было проще пареной репы.

День рождения у Тани вышел на славу. Гости пели, танцевали и вообще всячески веселились. И чего только не подарили девочке! И куклу, и краски, и грузовой автомобиль, и новую немецкую игрушечную стиральную машину.

— Интересно, а в ней есть гарантийный? — спросил Пылесосин. — Вот бы поговорить.

— Конечно, должен быть, — сказал Буре.

— Не думаю, чтобы там кто-нибудь был, — сказал Новости

Дня. — Дети очень часто игрушки до ниточки разбирают. Там находиться опасно.

— Мама, — спросила Таня, — а ты почему мне ничего не подарила?

— Будет тебе подарок, — сказала мама. — У моей сотрудницы по работе кошка котят родила. Только они пока маленькие. Вот когда приедем в город, они подрастут, и мы одного заберём. А сейчас твой подарок ещё ходить не умеет.

— Ой, мамочка, как хорошо! — запрыгала Таня. — Какая ты у меня замечательная мама! Самая подарочная! Умница!

Наконец-то пришёл вечер. С ним пришла тишина. А потом настала лунная ночь. И все в доме крепко заснуло.

Гарантийные с пристёгнутыми парашютами ждали на краю люстры.

Вот послышался цокот коготков, и на середину комнаты выбрался белый мышонок Вася.

— Эй, гарантийные, спускайтесь, я знаю, где ваша Машка!

Человечки, как по команде, сиганули вниз.

На улице было тепло и непривычно. И во все глаза светила луна.

По обочине дороги человечки пробирались на край деревни.

Там в последнем доме, по сведениям мышонка Васи, проводила всё своё свободное время легкомысленная кукушка Машка. Потому что в доме тоже были старинные часы. В часах тоже жила кукушка. Звали её, а вернее, его — Петька.

Гарантийные пробирались сквозь густую траву, старались не показываться в открытых местах.

— Я первый раз так иду, — сказал Иван Иванович.

— А я сколько раз! — сказал Новости Дня. — Вертолёты ведь далеко летать не могут. Вот и добираться пешком на попутках на свой завод.

Он шагал впереди, прокладывая дорогу и посматривая, нет ли какой опасности — кошки там или филина. Перед собой он держал две проволоочки от конденсатора, а сам конденсатор был в рюкзаке. Шествие замыкал Холодилин с баллончиком в руках.

Ни кошки, ни коршуна не было. И вообще не было особых

приключений. Только один запоздалый ночной и бестолковый индюк попытался их поклевать. Но радиомастер протянул к нему проволочки, и шесть килограммов индюшатины в ужасе унеслись в неизвестном направлении.

Вот и крайний дом. Двери закрыты, а окна заколочены. Но мышонок знал здесь все ходы и выходы. Он приподнял половицу под дверью, и человечки пробрались внутрь.

— Мы здесь раньше жили, — сказал Вася. — Пока хозяева в город не переехали.

В доме было чисто и пусто. В большой комнате висели старинные часы.

Человечки покричали и пошумели, и к ним сверху упала верёвочная лестница.

Хозяин был дома. Это был плечистый седобородый старик. Он встречал гостей на площадке внизу, придерживая огромного цепного паука. В руке он держал горящую свечу.

— Тихо, Бац-Бац! На место. Кому говорят!

Паук с недовольным ворчанием удалился в свою будку — тёмный угол часов, занавешенный паутиной.

— Сергей Сергеевич Мозер, — представился хозяин и поклонился в пояс.

Он быстро вскипятил самовар и стал угощать пришельцев. Но Машку отдать наотрез отказался.

— Это как голуби, — сказал он. — Я подманил. Была ваша Машка, стала наша Глашка. Не зевайте в следующий раз. А у меня теперь пара.

Старик оказался интересным. Он привык к одиночеству и не тяготился им, как не тяготятся пожилые лесники и пасечники. И вообще он вёл скорее крестьянский, чем мастеровой образ жизни. Даже пчёлы у него были. Вернее, осы.

Буре совсем было загрузил, но Пылесосин нашёл выход.

— А сменять можно? — спросил он у старика.

Старик недоверчиво покосился на него:

— А на что?

— Вот на это. — Он вытащил из рюкзака пружину. Глаза у Мозера загорелись. Пчёлы пчёлами, природа природой, а всё-

таки он был мастер. И неплохой, судя по тому, сколько лет служили его часы и как они выглядели.

— Вот черти хитрые! — сказал он. — Ладно, берите вашу бестолковушку!

Он вышел из комнаты и принёс пучеглазую Машку. Кукушка увидела Буре, захлопала крыльями и радостно уселась к нему на плечо.

— Всё, — сказал Холодилин. — Прощаемся.

Мозер проводил их до лестницы. Придержал Бац-Баца и пожелал счастливой дороги.

— Ну, как дальше? — спросил Буре, когда они вышли из дома.

— Очень просто, — ответил Холодилин. — До ближайшего шоссе. Там у километрового столба делаем знак. Ставим наверх цветок и ждём.

— Чего ждём?

— Увидите.

И вот целый час стоят они возле километрового столба. На столбе цветок. А они ждут.

У-у-у-у! — послышался вой мотора издалека. Показался новенький, с иголки, грузовик.

— Приготовиться! — приказал Холодилин.

И точно, вдруг грузовик стал пыхтеть, чихать, дёргаться и резко сбавлять скорость. Около километрового столба машина остановилась.

Из кабины вылез молоденький недоумевающий шофёр, открыл капот и стал копаться в моторе.

— С чего бы это? — говорил он, почёсывая затылок. — Ехал,

Тут из мотора грузовика рядом с передним колесом выпала верёвочная лестница. Человечки подхватили рюкзаки и ринулись внутрь. И вместе с ними, конечно, Вася.

— Быстрее, быстрее! — говорил маленький человечек в чёрном комбинезоне. Он стоял наверху.

Путники оказались в довольно уютной, хотя несколько замасленной комнате-мастерской. И как только они вошли, хозяин немедленно исчез. Через две минуты мотор снова запел песню, и они поехали.

— Ничего не понимаю, — сказал Буре хозяину комнаты, когда тот вернулся. — Вы что, специально за нами ехали?

— А чего понимать-то? — ответил автомастер. — Увидел я знак, и всё. И остановил машину.

— Но как?

— Да просто. Прекратил подачу бензина. А потом снова завёл. Всё путём. В первый раз, что ли?

— А что шофёр?

— Он подумал — песчинка попала. Да мало ли что!

— А я вас знаю, — сказал Пылесосин. — Вы — Карданыч. Вы нас на дачу перевозили.

— И совсем нет. Я — Рессорыч. А Карданыча я знаю. Мы в одном парке работаем. Вы лучше скажите, кому куда.

Человечки назвали адреса.

— Всё путём, — сказал Рессорыч. — Прокат холодильников на нашей улице. Радиозавод рядом. Карданыч туда ездит. Да и мастерская по ремонту пылесосов где-то по дороге будет. А вот вам куда? — обратился он к Буре.

— Поедете со мной? — спросил Буре у мышонка.

— Ещё как!

— Тогда нам на улицу водопроводчика Петрова.

— Ладно, — согласился Рессорыч. — Только вам придётся со мной поездить. Может, неделю. Может, две. Мы в тех краях редко бываем. Там заводов нет.

— А как вы в дом проберётесь? — спросил Холодилин.

— Прoberутся, — сказал Новости Дня. — Через балкон. Или через чердак. Или через вентиляцию. Или по антенне. А лучше всего ты им присоски свои отдай.

— И верно, — согласился Холодилин. — Держи, Иван Иванович.

— Ну что же, — сказал Буре, — давайте на всякий случай

прощаться. Очень я к вам привык. Сдружился за это время. Я теперь как осиротею.

— Ничего, — успокоил его Пылесосин. — Может, кто у вас новый появится. В стиральной, например, машине приедет.

— То ли появится, то ли нет, — возразил Буре. — А потом, пока я к ним привыкну, пока подружусь, как с вами, им уже и уезжать пора.

— Не прав ты, Иван Иванович, — сказал Холодилин. — Почему мы, гарантийные, хорошо на свете живём? Да потому, что мы не привыкаем друг к другу, а сразу ладим. Мы к каждому мастеру подходим так, будто всю жизнь его знали. И не просто знали, а как хорошего человека. Верно, Рессорыч?

— А что? Всё путём.

— А хочешь, Рессорыч, я тебе перочинный нож подарю? Или фонарик новенький?

— Нож-то мне ни к чему, — ответил мастер. — А вот от фонарика я бы не отказался. Дари, коли не жаль.

А мотор всё гудел и гудел. А дорога всё бежала и бежала под колёсами. Холодилин отвёл Буре в сторону и сказал:

— У тебя, Иван Иванович, хорошее дело может выйти. Ведь до сих пор мыши с людьми не ладили. А ведь можно их помирить. Чем мыши, например, собак хуже? Или пчёл?

— Понял, — сказал Иван Иванович. — Постараюсь.

А дорога всё бежала и бежала назад. И становилась всё короче и короче. Всё путём.

Эпилог

Девочка Таня всё излазила на даче. Но не нашла человечков. И грустно-прегрустно ей стало. И немножко совестно.

— Мама, — сказала она, — я больше не буду человечков искать. Ведь если они от меня прячутся, то знают почему. Пусть живут, как им хочется. Даже если их нет. Если они мне приснились.

И вдруг она увидела кончик белого листка, торчащего из-под холодильника. Девочка взяла его и прочитала:

«Никаких человечков нет. Это всё тебе приснилось. Но котёнка у мамы не проси. И. И. Буре».

И опять Иван Иванович жил в часах. Он, да Машка, да мышонок Вася. Замечательно они жили. Просто очень хорошо. Только Машка отличилась. Стала яйца нести. Нет чтобы своё гнездо свить, так, здрасте пожалуйста, начала из дома вылетать и по разным часам их раскладывать. Ничего не поделаешь — она же кукушка, а не курица. И в разных часах в разных квартирах стали птенцы выводиться.

Вот почему в современных домах среди современной мебели так много стало обыкновенных деревенских ходиков с кукушкой. Вы это тоже заметили?

ГОСПОДИН АУ

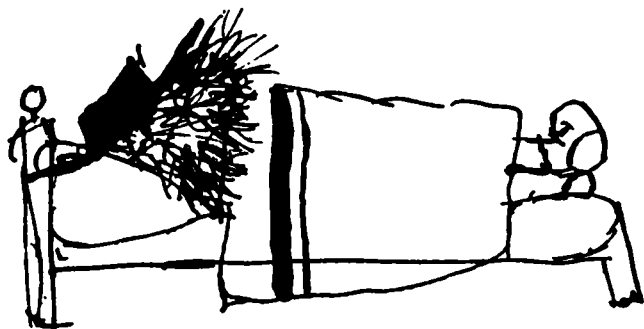
ПОВЕСТЬ—СКАЗКА

Художник Геннадий Калиновский

Книги о нём пишет финский писатель Ханну Мякеля. Они выходят выпусками, потому что приключения Ау нескончаемы, а интерес к ним у детей никогда не пропадает.

Y
-y
-y-y-y-y-y-y-y-y

История первая
ГОСПОДИН АУ
ИДЁТ НА РАБОТУ

Дядюшка Ау, он же господин Ау, открыл глаза. Но тотчас же закрыл их, как только увидел, что вовсю светит солнце. Он поплотнее завернул себя в одеяло и удобнее уложил себя на подушке. Ему не надо было спешить в детский сад, в школу или на завод. Он жил в лесу и вставал когда хотел.

— А-аах! У-уух! — произнёс он и захрапел, затарахтел во сне, как тарактело бы метро в городе Хельсинки, если бы оно там было.

Пока он тарактел, сгустились сумерки.

«Приехали, — решил дядюшка Ау. — Пора вставать».

У него не было горячего желания немедленно вылезти из постели. Но его ждали дела.

Если где-то ни с того ни с сего заскрипит дверь...

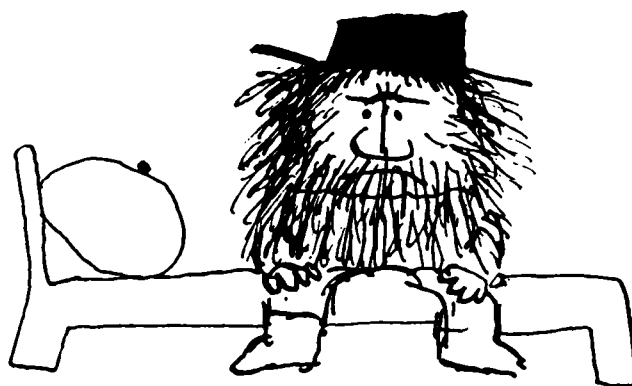
Что-то загрохочет и страшно свалится...

Нож сверкнёт около кладбища...

Ни с того ни с сего вдруг жутко завоет и заушает...

Это работа господина Ау. Вернее, господ Ау, целого семейства, начиная с прапрапрадедушки и кончая просто дедушкой. Такая у них доля и квалификация.

Жалко, что папа куда-то исчез.
Если что-то неведомое в лесу застонет и замечется...
Под кроватью кто-то заворочается, а никого нет...
На кухне зашлёпает босыми ногами и зачавкает...
Всё это господин Ау. Суровый, но справедливый, мрачный, в чёрном плаще. Отчаянный и беспощадный.

Как говорилось выше, отец господина Ау, то есть папа, куда-то пропал. А дедушка не мог толком объяснить, почему дядюшка Ау должен всё это делать.

— Так заведено! — говорил он обычно.

Или:

— Не нашего ума дело.

Или:

— Наш прадед терпел и нам велел. Мы люди тёмные.

Других доводов у дедушки не было. И мотивировок тоже. Скорее всего, дедушка дядюшки Ау не был маяком разума. Да и лучом света в лесном царстве, пожалуй, его никто бы назвать не рискнул.

Слава богу, что он ещё научил господина Ау читать, заниматься волшебством и пользоваться волшебной книгой. Что он передал внуку основные азы пугания, кричания, шастания по лесам и чердакам.

«Конечно, — иногда думал дядюшка Ау, — мой дедушка был тёмный. Но он был умелец. Одних видов скрипа он знал двести! А по части клаяния, чавкания и воя он мог бы просто выступать в художественной самодеятельности!»

И тепло подступало к сердцу несколько мрачноватого и сурововатого дядюшки Ау. И его мрачноватость и сурововатость немного рассеивались.

«Пора! — решительно решил господин Ау. — Рабочий день начинается».

Хотя начиналась рабочая ночь.

Надев огромные, кажется, бабушкины боты и ещё не совсем просохший брезентовый плащ, дядюшка вышел из дома. Причём он ну никак не мог решить, где ему держать бороду — под плащом или над плащом. Так — неудобно, а так — промокает.

— Так — неудобно. А так — промокает! Так — неудобно. А так — промокает! — бормотал он.

Бух! Это он врезался в дерево. Он сразу забыл про бороду и стал думать про шишку. Где её держать — под капюшоном или снаружи? Так — слишком жарко, а так — слишком холодно. Хлоп! Он свалился в лужу. Вот не везёт. Зато он сразу забыл о шишке и стал снова думать о бороде. Где её сушить: под плащом — ему мокро, снаружи — бороде. Хорошо, что вдали показался свет, и это отвлекло дядюшку.

«Хватит фокусов. Начинаются рабочие будни!»

Господин Ау стал присматриваться.

Из-за тёмных осенних деревьев пробивался слабый свет. Там была маленькая избушка. Очень маленькая.

«Может быть, там живут и маленькие люди. Такие же, как я, — подумал господин Ау и даже обрадовался. — Они могут и по-настоящему испугаться меня. Как в старину».

Он тихонечко подобрался к окну и заглянул в домик.

В маленькой комнате, на маленькой постели сидела маленькая девочка. С яркой огромной книжкой.

«Вот подходящий для меня случай!» — решил господин Ау.

Он открыл окно, ибо господа Ау мастера в таких делах, и бесшумно проник в комнату.

Девочка и не заметила ничего. Её звали Римма. Ей только что исполнилось шесть лет. Она жила с бабушкой и кошкой. Кошка ушла ловить мышей, а бабушка ушла на кухню пить кофе. В Финляндии это не редкость.

Римма, вместо того чтобы спать, читала по складам книжку. В Финляндии есть такие девочки, которые незаметно читают книжки, когда им давно положено спать. Книжка называлась «Правдивые рассказы о привидениях». А читала Римма вслух.

— Бы-ло одна-ж-ды од-...-но п...п...при-ви... одно приви... при-ви...-дение, ко-ко-кото-ро-я кричи-чи-ча-ло стра-ш-ным голо-сом: «У-у-у».

— А-а-а! — закричал господин Ау и с поднятыми руками, оскалив зубы, бросился на середину комнаты. И стал там прыгать.

Девочка бросила книгу и смотрела на него с изумлением.

— Ты кто?

Дядюшка Ау остановился.

— Я буйный господин, страшный господин Ау! Нет черней и упрямей меня никого! Я бросаю детей в кастрюли и заставляю их кипеть и бурлить!

— Я люблю читать про привидения и смотреть привидения по телевизору. Но я не думала, что их уже доставляют на дом, — сказала девочка.

— Кого доставляют на дом? — удивился дядюшка Ау.

— Привидения.

— Меня никто не доставлял! Я сам себя доставил! — возмутился жуткий господин Ау.

— Попугай меня ещё, — попросила Римма. — Только пострашней, пожалуйста, будь добр.

Ау взялся за дело. Он рычал, как лев или мотоцикл, пыхтел, бегал по стенке, показывал зубы и возникал в разных местах. Девочка смеялась.

— Мне уже давно не было так весело.

«Куда мы идём? — подумал опасный Ау. — Нормальный

ребёнок давно бы заикой стал. Или кричал бы так, что бабушка поседела. А эта!!! Тьфу!»

От разочарования он плюнул на пол и растёр плевков ногой.

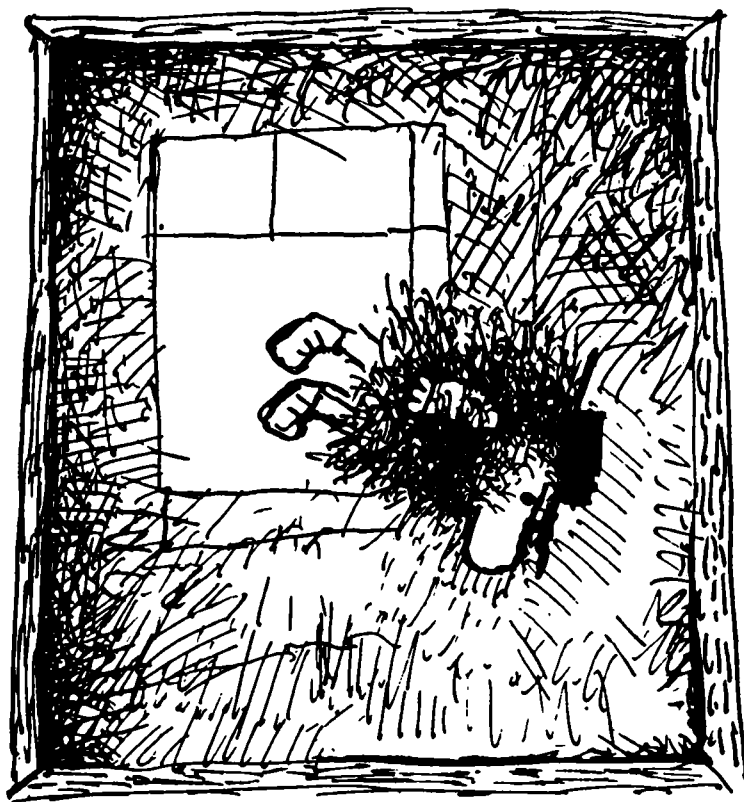
— Пожалуй, я пойду. Мне холодно, — сказал он.

Девочка соскочила с кровати, сбегала на кухню и принесла ему пирожок. Господину Ау он показался огромным.

— Обещай, что ещё придёшь.

— Подумаем! — грозно ответил Ау. И направился к окну.

— Может, тебе открыть дверь? — спросила девочка.

Дядюшка Ау обернулся и гордо постучал носком бота по полу. Больше он ничего не сказал. Но всё было ясно. Для умных. После этого он исчез, бултыхнувшись через окно на траву.

Он бежал по дороге, оберегая пирожок. Было темно и мокро. Вдруг кто-то страшно завыл впереди, в кустах. Господин Ау схватился за сердце. А это, оказывается, была обычная полицейская машина.

— Довели! — сказал господин Ау про кого-то. — Чтобы профессиональный пугатель, специалист по ужасам ужасался сам! Дедушка мой со стыда бы сгорел. Хорошо, что он уже умер.

Конечно, в этом не было ничего хорошего, что дедушка умер. Просто фраза такая получилась.

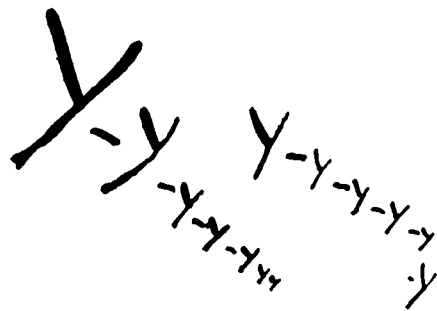
Хорошо, что дедушка её не слышал. Хорошо, что он...

В избушке было темно. На плите кипела вода. Господин Ау заварил чай с мёдом, разогрел смородиновый сок и съел трофейный пирожок.

Он просушил одежду и лёг в постель. Но сон не приходил. Дядюшка Ау поднял с пола волшебную книгу. «Тысяча и один магический и мрачный способ страшать людей». Стал читать. Но буквы убегали от него муравьиными стаями и прыгали куда-то, как блохи.

«Я уже, кажется, состарился!» — подумал господин Ау печально.

Тем временем вся изба укуталась в мягкое покрывало и уснула. Дрова в печи стали краснеть и темнеть. Успокоился и уснул дядюшка Ау.

История вторая ГОСПОДИН АУ И БОЛЬНОЕ ДЕРЕВО

Утром дядюшка Ау проснулся бодрым.

«Неужели день? Давно не вставал я днём».

Он посмотрел в окошко. Жёлтый лист пролетел мимо окна. Господин Ау вздрогнул.

«Что? Яблоня, должно быть, болеет. Каждую осень с этим деревом что-то делается, и оно теряет листья. Я должен помочь ему. Я его вылечу».

Он разыскал в ящиках пластырь, иголку, нитку, ножницы, дедушкино лекарство от кашля и от облысения и вышел на улицу.

На улице было удивительно светло. Не то что ночью. Жёлтый лист зацепился за шип розы. Он был не один. Под яблоней лежали и другие пожелтевшие и коричневые листья.

Дядюшка Ау принёс лестницу, приставил её к дереву и осторожно взобрался на неё. Он приклеивал листья пластырем, пришивал их к веткам, приматывал нитками. Напоследок он вылил все лекарства на корни дерева и вернулся домой.

«Молодец я! — хвалил себя дядюшка. — Ну просто отчаянный головорез. Личность космического масштаба!»

Он даже написал плакат на большом листе бумаги: «ДЕРЕВУ БЫТЬ ЗЕЛЁНЫМ!» — и ходил с этим плакатом вокруг яблони, пока не стемнело.

Потом господин Ау лёг спать и быстро уснул. Ночью он видел длинный и ясный сон. Во сне разные острые и неудобные предметы, вроде вилок и граблей, шли ему навстречу. Дядюшка Ау всё время уворачивался от них и при этом всё время падал с кровати.

Когда он увернулся в последний раз, уже было утро.

«Ничего! — подумал господин Ау. — Зато я уже на ногах. А то бы я час вылезал из-под одеяла!»

Он сразу побежал к окну. Что это? Дерево снова сбросило много-много листьев.

Даже не позавтракав, дядюшка снова взялся за дело. Весь день он опять клеил листья, красил их в зелёный цвет, приматывал нитками и ходил с плакатом «ДЕРЕВУ БЫТЬ ЗЕЛЁНЫМ!».

К вечеру дядюшка настолько устал, что, ни о чём не думая, завалился спать. Он упал на постель, как сосна, подрезанная бензопилой. И спал, как бревно, до утра.

А утром...

Снова под деревом лежали опавшие листья...

«Ах так! Ну хорошо!»

Господин Ау двенадцать часов простоял на лестнице. Упрямо сжав зубы и не рассуждая, он привязывал листья и красил их зелёной краской. Висел на ветках вниз головой, шлёпался и снова забирался вверх.

Но когда он шлёпнулся последний раз, все листья снова были на ветвях.

Призыв «ДЕРЕВУ БЫТЬ ЗЕЛЁНЫМ!» был претворён в жизнь. Более того, зелёным был и сам дядюшка от бороды до ботинок...

«Если дерево будет с листьями всю зиму, значит, у меня будут зимние яблоки».

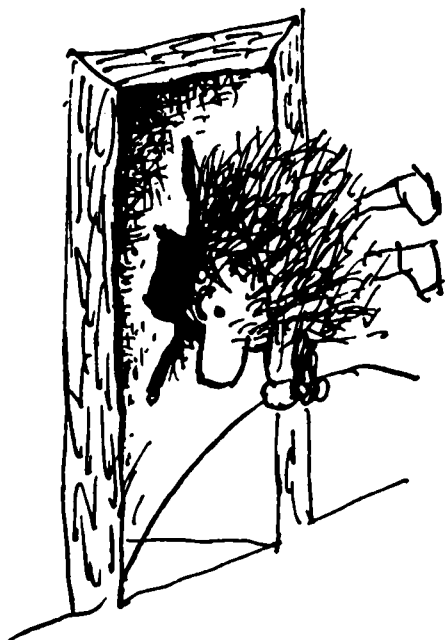
Он был очень доволен собою, господин Ау.

«Да, есть во мне что-то крестьянское! Не зря я живу в сельской местности. Только не надо давать этому волю. Моя цель в жизни должна быть значительнее».

Он походил под деревом, держа руки за спиной.

— Не забывай, — сказал он сам себе, — на тебя смотрит вселенная.

История третья
ГОСПОДИН АУ
ИДЁТ СНАЧАЛА В ОТПУСК,
А ПОТОМ НА РЫБАЛКУ

Господин Ау решил взять маленький отпуск.

«Работаешь, работаешь, как лошадь, и никакой благодарности со стороны ЭТИХ! В следующий раз устрою им забастовку!»

Отчаянный господин Ау очень часто ругал ЭТИХ. Он говорил:

— ОНИ небось не ходят по ночам под дождём.

— У НИХ-ТО всё есть! И шубы и шапки!

— И валенки!

А если расспросить господина Ау, кто такие ЭТИ и ОНИ, которые так хорошо живут, у которых всё есть и которые не дают хорошо жить господину Ау, он бы, наверное, не ответил.

— ОНИ, и всё тут!

Отпуск-то он себе взял, а что с ним делать, совсем не знал.

В отпуске положено загорать, ходить в походы, уезжать на Гавайские острова и ловить рыбу.

Господин Ау решил остановиться на последнем. В дедушкином чулане он отыскал старую длинную удочку. Сам он довольно легко вышел из чулана, а удочка никак не хотела. Господин Ау упёрся ногой в косяк двери и стал вытаскивать бамбуковую удочку наружу. Она натянулась, потом выгнулась, как лук, и

выстрелила дядюшкой в чулан. Долго он гремел там по всем полкам. Наконец упрямство господина Ау взяло верх, и удочка была извлечена из чулана.

Бренча и стуча рыбацким снаряжением, дядюшка Ау направился к водным просторам. Он шёл по теневой стороне дороги.

— Темнота — друг семейства Ау, — не поленился он лишний раз сказать сам себе.

У господина Ау не было под рукой внука, поэтому весь свой воспитательный талант он направил на самого себя.

Он прошёл мимо избушки, где жила девочка Римма.

«Надо как-нибудь пострашать её ещё раз. Пусть напугается до смерти!» — жестоко решил господин Ау.

Тем временем лес кончился и открылось лесное озеро.

Господин Ау наладил удочку и, раскрутив её, забросил крючок с наживкой подальше от берега. Удочка была тяжёлая, и пока дядюшка крутил её в одну сторону, его самого закручивало в другую.

Раздался треск, но крючок не ушёл под воду. Озеро было покрыто прозрачным льдом.

«Застеклили! — мрачно подумал дядюшка. — Это ИХ рук дело!»

Господин Ау начал тянуть крючок на себя. Но он за что-то зацепился и не хотел возвращаться к хозяину. Дядюшка потянул пружинистую удочку изо всех сил и неожиданно сам выехал на середину озера. Его ноги разбежались в разные стороны, и он расплющился на льду.

Дядюшка Ау был утомлён. Как будто он собирался пробежать десять километров, а пробежал одиннадцать.

Он решил отдохнуть. Всё во льду отражалось очень красивым. Вверху были облака и ёлки и внизу тоже. Господин Ау лежал как на большом зеркале. Он решил рассмотреть своё отражение.

Но что это? Господина Ау охватил ужас. Снизу на него смотрела усатая шерстяная морда, бровастая, с большими, торчащими наружу зубами.

«Неужели я так изменился? — думал дядюшка Ау. — Вот

что значит нерегулярное бритьё. Но почему у меня такие зубы? Просто лесопилка во рту».

И тут до него дошло, кто на него глядит. Это был бобёр, который, в свою очередь, очень заинтересовался господином Ау.

— Эй, ты, вылезай!

Бобёр доплыл до ближайшей проруби и наполовину вылез наружу. Он упирался лапами в лёд, как оратор на трибуне.

— Ну, вылез.

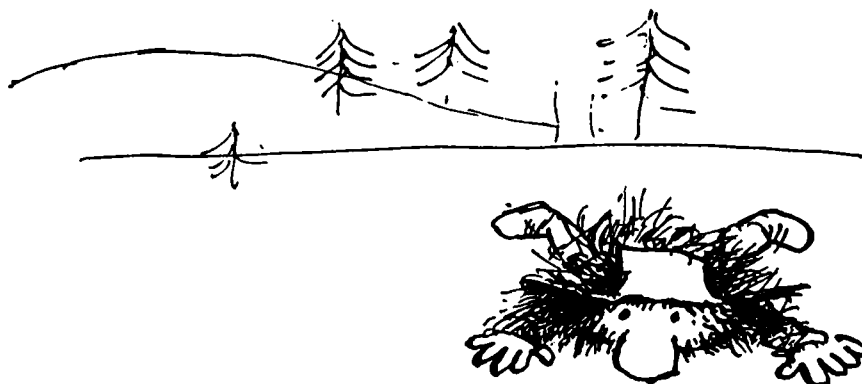
— Добрый день.

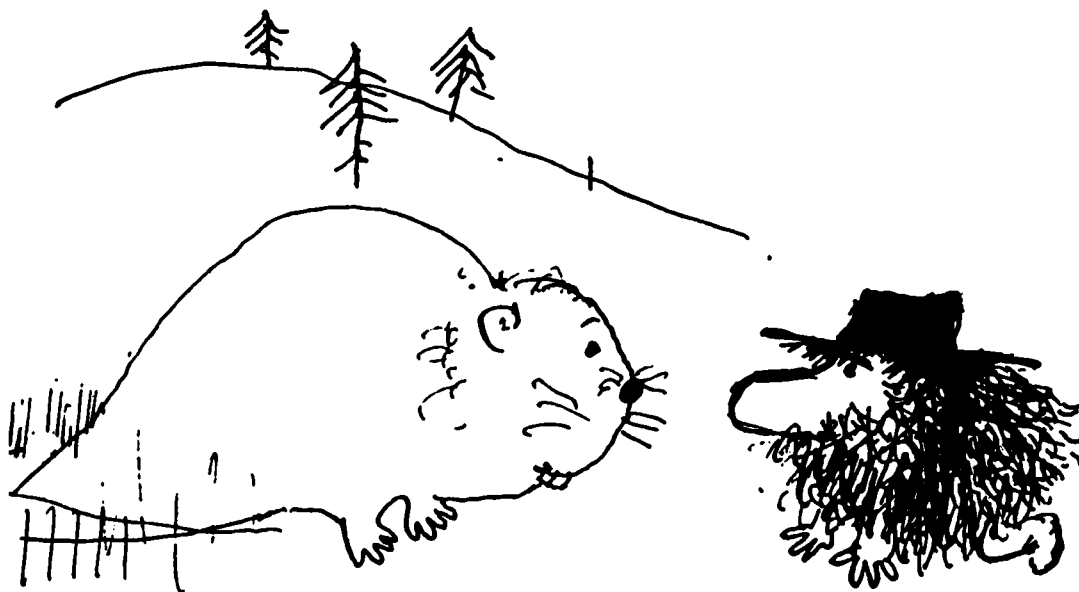
— Привет. Что ты тут делаешь?

— Ужу. Но не могу даже крючок погрузить в воду.

— Сейчас я помогу, — пообещал бобёр.

Он подошёл к дядюшке Ау и прорубил своим хвостом прорубь.

— А ты кто? — спросил бобёр.

— Я — господин Ау. Отчаянный, чёрный как смоль, страшный и весьма ужасный, — ответил дядюшка, сам не очень в этом убеждённый. — Что-то не очень клюёт. Не пойму, в чём дело.

— Я пойду посмотрю, — сказал бобёр и бултыхнулся в соседнюю прорубь.

Без него дядюшке стало очень одиноко. Он начал мёрзнуть. «Хоть уходи из отпуска».

Тут бобёр вылез на лёд.

— Теперь можешь тянуть. Мне показалось, что на твоём крючке рыба.

Господин Ау потянул. И что же? На крючке была большущая рыба. Она была мокрая и скользкая. На морозе она тут же замёрзла.

— Смотри! — гордо сказал дядюшка бобру. А бобёр почему-то булькал.

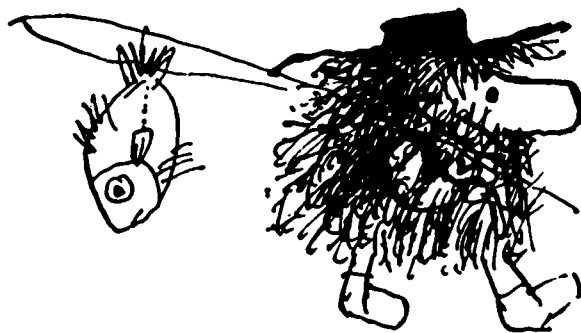
Господин Ау попытался снять рыбу с крючка, но у него ничего не выходило. А бобёр всё булькал и трясся как в лихорадке. Потом он поскользнулся и хлопнулся в прорубь.

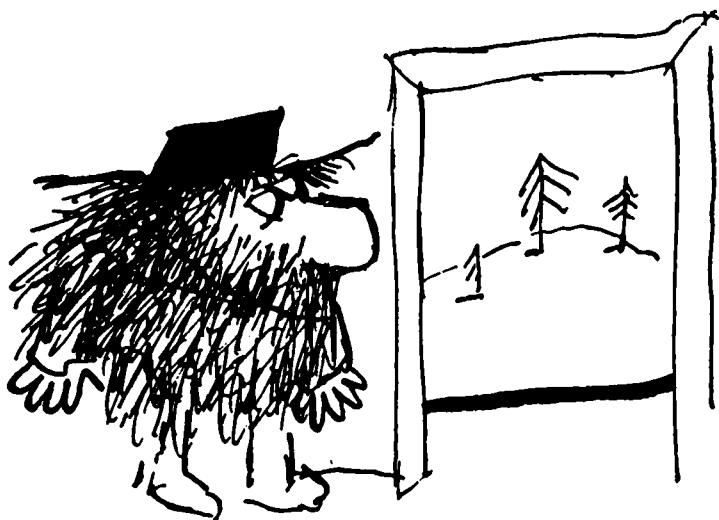
— Ой, не могу!

Дядюшка Ау смотрел ему вслед. В прорубь. Из проруби поднимались пузыри, и, когда они лопались, изнутри слышен был приглушённый смех.

«Нет, мне никогда не понять этот загадочный животный мир!» — решил господин Ау и направился домой.

Тяжёлая рыба покачивалась на крючке. Это был новый, неизвестный науке вид рыбы — лещ сушёный, вяленый. А точнее — лещ сушёный, валеный и очень вкусный.

История четвёртая ГОСПОДИН АУ ПОЛУЧАЕТ ПОСЫЛКУ

Отчаянный и суровый господин Ау проснулся, так как почувствовал: кто-то стоит за дверью.

Он натянул на себя куртку, потом башмаки, подкрался к двери и выглянул.

Действительно, за дверью кто-то стоял, дядюшка Ау мельком увидел длинную тень.

— Ага! — сказал господин Ау. — Засада. — И он сунул руку в карман, чтобы приготовить нож.

Однако ножа не было и кармана тоже. Потому, что господин Ау забыл надеть штаны. Дядюшка кинулся к табуретке, на которой они лежали, и стал срочно засовывать ноги в брючины. Ничего не выходило, так как мешали ботинки.

— Спокойствие! — сказал сам себе жестокий Ау. — Начнём всё сначала и без спешки.

Он разделся, лёг в постель, потом снова вскочил.

Теперь он уже одевался не торопясь. Спокойно, как в медленном кино. Ему даже захотелось почистить ботинки и погладить брюки. Для полного спокойствия.

Тень была на прежнем месте.

«Внезапность — это уже половина победы!» — подумал господин Ау.

Он выпрыгнул из окна и начал медленно обходить вокруг дома. Угол приближался. Господин Ау приготовился к тигровому прыжку. Это когда всю силу направляют в задние лапы.

— Р-р-р! — взрычал он, как уссурийский тигр в Хельсинкском зоопарке, бросился вперёд и тут же наступил на собственные шнурки.

Бум! И господин Ау растянулся во весь рост. Тишина. Ос-

торожно дядюшка открыл один глаз, чтобы увидеть не всю опасность, а только половину её, потом второй.

Но никакой опасности он не увидел, а увидел длинный предмет, воткнутый в снег.

«Кажется, я жив! — решил зловещий господин Ау. — И слава богу. Если бы я умер, я бы взбесился от злости и всё бы здесь разворотил. ИМ просто повезло! На этот раз!»

Загадочный длинный предмет был обёрнут бумагой, на которой было написано: «Губерния Уусимаа. Лес около города. Господину Ау».

«Знают меня в народе и на почте! — с гордостью отметил господин Ау. — Жалко только, что почтальоны меня не боятся. Слишком я стал прост и демократичен. Надо бы их подзапугать! Но, с другой стороны, если их запугаешь, они перестанут ходить сюда, и всё. Ни одной посылки, ни одного письма, ни одной газеты не получишь!»

Чаша весов колебалась туда-сюда. На одной стороне лежали запуганные почтальоны, а на другой разные интересные и вкусные посылки.

«Этот вопрос слишком сложен для сей часа. Будем решать его зимой»

Дядюшка Ау стал смотреть, кто же отправил ему эту посылку? Но, как назло, обратный адрес весь размок, и, кроме слова «ОТПРАВИТЕ...», господин Ау прочитать ничего не сумел.

«Должно быть, иностранец, — решил господин. — Наверное, швед или араб. Никого не знаю с такой фамилией. И с таким именем ОТПРАВИТЕ».

Дальше было написано: «Лыжи — 1 компл., палки — 1 компл., ботинки — 1 компл.».

«Один, один и один — должно быть три предмета, — подумал дядюшка, вскрыв посылку. — А здесь их шесть».

Он взял лыжный ботинок и надел его. Потом второй. Ботинки были просто как на заказ. Помня опыт со шнурками, дядюшка затянул их на столько узлов, что даже концов не осталось.

Потом он стал совать ботинок в металлическую рогульку. Раз. Два. Ничего не выходило. Но как только дядюшка решил ос-

тавить свою затею, слышался щелчок, и лыжа прочно прилипла к ботинку господина Ау.

Вторая лыжа так и не прилипла.

«Ладно, — решил дядюшка, — покатаемся и так».

Снег лежал не везде, и сначала у господина Ау всё шло удачно. Лыжная нога попадала на снежные пятна, а ботиночная бежала по земле. Потом этот стройный порядок стал нарушаться. Лыжная нога всё чаще попадала на землю, а ботиночная в снег. В конце концов господин Ау рухнул на землю. Даже палки ему не помогли. Другой бы расстроился и бросил это лыжное занятие. Другой бы, но не господин Ау! Вековое упрямство и свирепость гнали и гнали его вперёд.

«Ни за что не пойду домой, пока не накатаюсь!»

Рот господина Ау был забит травой, ботиночная нога промокла и бока болели. А тут, как назло, кончился лес и совсем кончился снег.

Господин Ау просто рассвирепел:

«Пока я ехал сюда, я свалился пять раз. За обратную дорогу будет столько же. Итого десять. И всё ради чего? Из-за того, что какой-то иностранный араб или швед прислал мне эти лыжи! Попадись он мне сейчас, одним иностранцем стало бы меньше!»

Тут впереди он заметил маленький домик. Тот самый домик, где жила девочка Римма с бабушкой и кошкой.

«Вот кто мне за всё ответит! Раз нет посыльного иностранца, пусть рыдает тот, кто ближе. Нечего поселяться рядом со страшными господами Ау!»

Приняв решение, господин Ау никогда не менял его. Если оно было правильным. А неправильных решений он не принимал никогда. Решив напугать Римму, он двинулся к дому.

Римма была одна. Она играла с куклами. Куклы только что были приглашены на чашку кофе. На столе у них стояли торт, булка, маленькие пряники и коврижки. Из горячего кофейника шёл пар. Римма разливала кофе гостям. Сначала самой старшей кукле.

— Вам кофе или чай? — спрашивала она.

— Сначала кофе, а потом чай! — отвечала старшая.

— А вам? — спрашивала Римма у куклы поменьше, но потолще.

— А мне сначала чай, а потом кофе. И то и другое с тортом.

— А вам? — обратилась Римма к самому маленькому куклёнку.

— Мне мороженое, — ответил куклёнок.

Услышав этот разговор, господин Ау чуть не лопнул от злости.

«Некоторые травы наелись, промокли насквозь, а некоторые чай и кофе пьют. И то и другое с тортом. Мне травы с тортом никто не давал. Ну, я им покажу!» Господин Ау приоткрыл окошко, завыл жутким голосом и стал проникать в дом.

— У-у-у! — выл дядюшка что было сил.

Куклы и Римма перепугались.

— Ага! — торжествовал дядюшка и сделал решительный рывок в комнату. Но трах-тара-рах — лыжа не пускала его, и господин Ау повис на подоконнике в самом неудобном положении — попкой вверх. — Сейчас я вам задам! — кричал он, ещё не понимая, что произошло.

Он не понимал, а девочка уже сообразила. Она поискала глазами и нашла самую необходимую в эту минуту вещь. А именно: плетёную выбивалку для ковра.

— Вот тебе, дурацкий грязный мелюзга! Призрак несчастный! Испортил весь кукольный званый вечер!

Господин Ау понял, что он попал в беду. Ему не оставалось ничего другого, как использовать волшебный дедушкин узелок — носовой платок. Он опёрся одной ногой в подоконник и разогнулся. Потом засунул руку в карман и бросил узелок на пол. И крикнул неистовым голосом:

— А-а-а-а-уууууу! Смотри, кто бежит у твоих ног!

Трудно говорить правильно, находясь в таком неправильном положении. И Римма одеревенела. Так как у самых её ног бегала живая мышь. Её она боялась больше, чем всего ужасного семейства господ Ау, вместе взятого. А господин Ау сразу приготовился к новым попыткам пугания. Но он забыл про кошку. А кошка, как назло, была здесь. В тот же миг она схватила мышонка и сразу проглотила его, как делают все кошки.

Господин Ау остолбенел от ярости. Один из его волшебных талисманов: носовой платок — узелок-мышь — исчез.

— Эту кошку надо вскрыть! — закричал он, когда к нему вернулся дар речи. — Там мой мышевой платок!

— Чего, чего? — переспросила девочка.

— Узевой мышок!

— Ах, узевой мышок, — повторяла Римма. — Ах, мышевой платок! Ах, кошку надо вскрыть! Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

Господин Ау крутился и сверкал, как чёрная молния.

Но ничего не получалось. Выбивалка порхала вокруг, как бабочка, всё шлёпала его по одному месту.

Наконец господин Ау успокоился.

— Мученье, ты не сделаешь мне больно!

А Римма устала. Она взяла дядюшку Ау за шиворот и вышвырнула на улицу.

— Остерегайся впредь обижать нас. А если когда-нибудь станешь повежливее, приходи сюда на чашку кофе вместе с куклами. Они собираются каждую среду в 12 часов.

Дома дядюшка Ау обещал себе, что больше никогда, никогда не пойдёт к этой маленькой, сумасшедшей и опасной девочке.

Но дома его ждал ещё один подарок — лыжа не хотела сниматься. Шнурки у ботинок промокли и не развязывались, а механизм не отщёлкивался.

«Может, принести зубило и кувалду! — думал господин Ау. — Но за ними надо идти в дом».

В дом он кое-как вошёл вместе с лыжей. Прошёл по комнате и даже заглянул в чулан. Но взять кувалду лыжа не давала. Он тянул руки, а лыжа упиралась в стенку. Он понял, что сегодня с лыжей ему не расстаться. Попытался сделать чай. Дров набрал, а запихнуть их в печку не смог. Лыжа мешала.

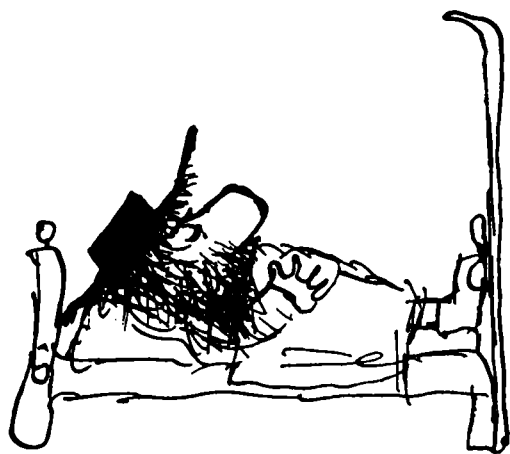
Можно было растопить печку и сжечь кусок лыжи. Но, как уже говорилось, дров он набрал, а запихнуть в печку не мог.

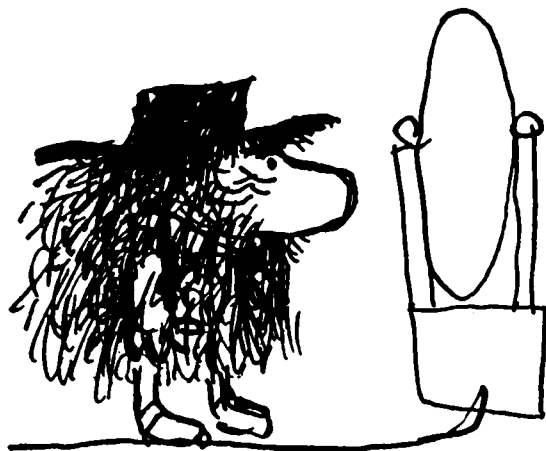
«Вряд ли я сейчас что сделаю, — думал в отчаянии господин Ау. — Не лучше ли будет, если пойду сначала спать».

Он сел на край постели и почувствовал, как сон охватил его. Тогда дядюшка закинул ногу вверх, поставил лыжу на пятку и задремал. Он был похож на человека в больнице, у которого нога на растяжке.

Спал он, конечно, не раздеваясь. Попробуйте вы стянуть ваши штаны, если у вас на ноге лыжа.

Но зато сон у него был хороший. Снилось ему кукольное кофепитие. И камин при этом топили не дровами, а плетёными выбивалками для ковров. Их сожгли штук двести.

История пятая
ОТ ГОСПОДИНА АУ
УХОДИТ ЕГО ОТРАЖЕНИЕ

Утром господин Ау первым делом подошёл к зеркалу и внимательно посмотрел на себя. Вид усталый, мешки под глазами.

— Ты мне совсем не нравишься! — сказал он своему отражению в зеркале и задумался.

— А ты мне, — ответило отражение и кивнуло головой.

Сначала господин Ау не обратил на это внимания.

— Смотри: борода не чёсана, не умыт, весь помятый.

— А ты, думаешь, лучше? — нахально сказал господинчик Ау в зеркале.

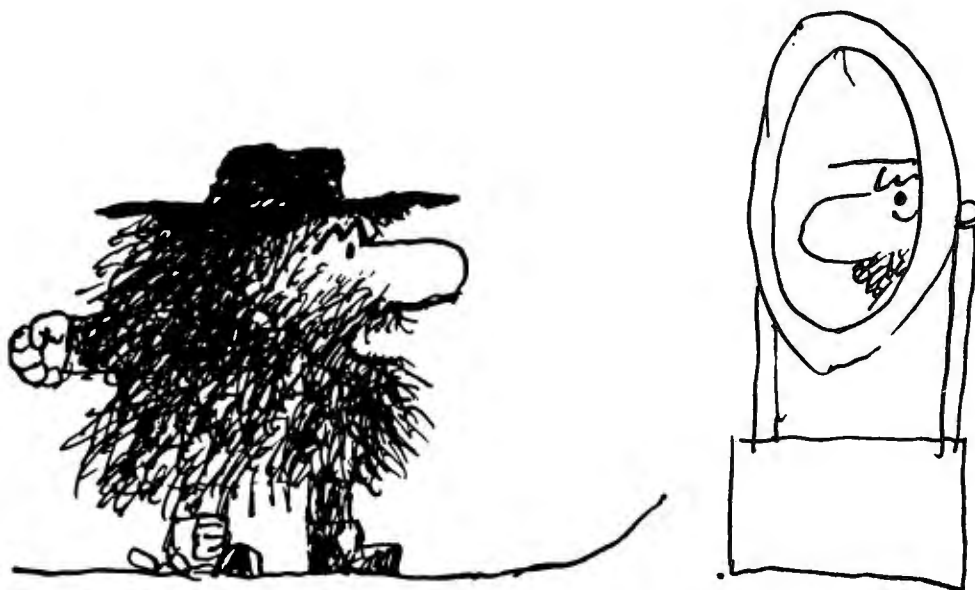
— Я?

— Ну да. Я ведь ТВОЁ отражение. Это же ТЫ не умыт, борода не чёсана. А я такой из-за ТЕБЯ.

Господин Ау внимательнее всмотрелся в своё отражение.

— Может быть, — согласился он, — но зато я не делаю замечаний посторонним.

— Ничего себе! — возмутилось отражение. — Он говорит мне, что я ему не нравлюсь, что я помятый! И это называется не делать замечания посторонним.

— Это я СЕБЕ делаю замечания! — возразил господин Ау. — Ты-то тут при чём?

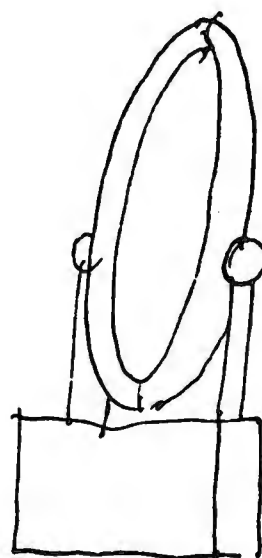
— А при том, — ответил зеркальный Ау. — Я себе гуляю, дышу, посматриваю по сторонам, иду мимо этого зеркала, и вдруг появляется какой-то заспанный тип с лыжей на ноге и начинает делать мне замечания. Мол, ты мне не нравишься!

— Да всё не так! — закричал настоящий, но запутанный господин Ау. — Это я гуляю, дышу, посматриваю по сторонам. И это я сам себе делаю замечания, что я сам себе не нравлюсь.

— А зачем же тогда показывать пальцами на меня и зачем вообще смотреть ко мне в окно? Отойди себе в уголок и делай сколько хочешь замечаний.

— Ах ты нахал! — закричал раздражённый господин Ау. — Ты учить меня вздумал! Убирайся подобру-поздорову, а то сейчас наставлю синяков.

Он действительно бросился к зеркалу с кулаками, и неизвестно, чем бы всё это кончилось. Но что-то его удержало. Это была злополучная лыжа. Она не пустила дядюшку. Она была длинная, а он короткий. Он только размахивал кулаками, а дотянуться до стекла не мог. Но вид у него был зверский и мог напугать кого хочешь.

Господин Ау схватился за нож и разрезал несчастные шнурки на ботинках. Потом он с наслаждением выбросил лыжу с ботинком во двор и вернулся к зеркалу.

В зеркале никого не было.

Очевидно, увидев дядюшку с ножом, отражение перепугалось и убежало.

Господин Ау отошёл, демонстративно бросил нож на кухонный стол и не торопясь вернулся. Он показал руки:

— Эй! Ты! Я без оружия. Выходи.

Отражение не появилось. Всё в зеркале стояло на месте: и стол, и стулья, и печка, а господина Ау там не было.

«Ничего себе! — подумал он. — Допрыгался я. А как же теперь причёсываться? Как себя рассматривать? Шапки примерять?»

— Эй, ты! — уговаривал он своего отраженца. — Вылазь.

Но отраженец помалкивал.

Поразмыслив немного, господин Ау привязал на лыжную палку белое полотенце и самым длинным путём пошёл к зеркалу через комнату. Так во время войны на мирные переговоры идут воюющие стороны. Раз есть белый флаг, значит, человек не вооружён и хочет говорить о мире.

Но ничего похожего с той стороны зеркала не появилось.

Господин Ау задумался: «Я слышал, что были люди, продававшие неизвестным людям свою тень. Есть такая сказка. Бывает, что человек выходит из себя и хлопает дверью. Бывает — человек себя ищет. Но о людях без зеркального отражения я ничего не слышал. Ха! Может быть, это зеркало износилось и уже не всё показывает».

Это рассуждение его немного успокоило. Но ненадолго.

«А почему же „не всё“ — это я, а не какие-нибудь табуретки?»

«Пожалуй, надо выпить чаю для просветления разума, — решил он. — Это бы меня немного подбодрило».

Дядюшка Ау свернул берёсту в трубочку, затолкнул её в печку под пару полешек и зажёл. Заполыхал довольно-таки хороший огонь. Вода скоро вскипела, и господин Ау заварил чай Серого Ярла (это самый лучший чай в Финляндии). На меньшее господин Ау ни за что бы не согласился.

Он выпил чашечку чая с крохотным кусочком сахара, потом поднялся и, как бы случайно, подошёл к зеркалу. Внезапно он повернул голову, чтоб поймать своё отражение. В зеркале быстро промелькнуло какое-то чёрное пятно, и снова была лишь одна пустота. А оттуда издали послышался смех.

Господин Ау видел многое в жизни. Чего стоила одна лупцовка, устроенная ему Риммой. И никогда он не терялся.

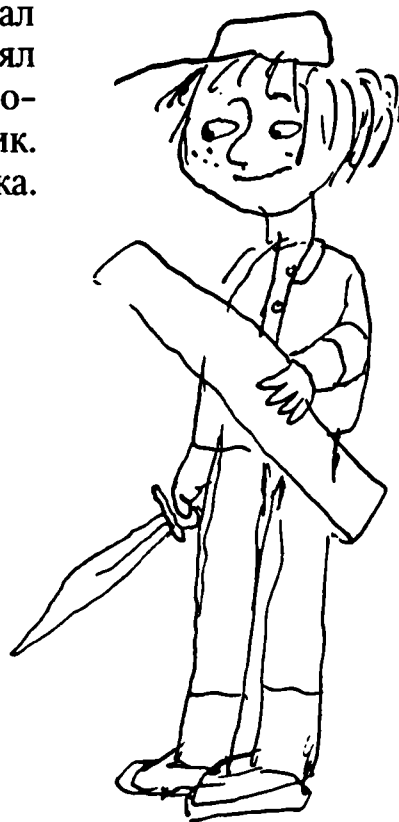
«А, чихал я на него!» — подумал он про своего двойника и решил временно покинуть помещение.

В лесу дул мягкий, влажный южный ветер. На деревьях появились птицы. Они что-то горланили и свистели. По небольшой канавке бежала вода. В ней плавали пожелтевшие сосновые иглы, бурые листья и кора.

Господин Ау заглянул в ближайшую тёмную лужу в надежде увидеть там своё отражение и не очень удивился, когда там его не оказалось.

«Его нетрудно понять, — подумал дядюшка Ау о своём двойнике. — Я бы тоже не желал по прихоти своего хозяина оказаться в холодной мокрой луже. Потом за два дня не высохнешь... высу-шишь-ся... в общем, не просохнешь».

Он взял корзину и продолжил свой путь в сарай за дровами. Когда он открыл дверь сарая, там его ждал новый сюрприз. В глубине стоял маленький мальчик и финским ножом вырезал из коры кораблик. Нож был чуть поменьше мальчика.

Мальчик приветливо посмотрел на господина Ау:

— Это твой сарай?

— Мой.

— Тут много хорошей коры. Тебе не жалко? Я хочу сделать корабль.

«Что-то в этом мире испортилось, — подумал господин Ау. — В былые времена ни один взрослый не смел сюда подходить. А сейчас ребята шастают».

В другой раз этому мальчику досталось бы. Но сегодня господин Ау был не в форме. Ещё бы, от него ушло отражение в зеркале!

— Ребёнок! — только и заявил он. — А не приходит ли тебе в башку, что ты попал в лапы к злому людоеду или страшному колдуну? А не думаешь ли ты, что здесь, в этом месте, ты распрощаешься со счастливым детством и вообще с жизнью. Потому что я люблю потрошить детей и делать из них чучела!

Мальчик молча таращил на дядюшку глаза.

— Ну, что? — добродушно спросил польщённый Ау. — Жутко?

— Нет, — сказал мальчик. — У тебя глаза добрые.

Господин Ау захотел в этом немедленно убедиться и вспомнил о зеркале. Но мысль о зеркале приковала его к полу.

— Эй ты, как тебя зовут?

— Микко.

— Эй ты, Микко, зайди, пожалуйста, в дом. Там на стене висит такая штука отражательная. Их обычно называют зеркалами. И загляни туда. Потом расскажешь мне, что ты там видел. Только говори правду. А то плохо будет: придёшь домой только за тем, чтобы похорониться.

Микко со своим корабликом направился в дом, а господин Ау прогуливался по двору, заложив руки за спину.

— Ну, и чего ты там видишь? — крикнул господин Ау в окно.

— Себя.

— А ещё чего?

— Табуретки, стол, печку!

— Так, понятно. А такого нахального с бородой, помятого?

— Не вижу.

— Посмотри получше. Он должен там шастать. Он любит в кровати дрыхнуть и не любит умываться. Отвратительный тип. Лодырь. Чем-то на меня похож, только хуже.

И когда господин Ау сказал всё это, он понял, какой неправильный образ жизни он ведёт. Ведь это же, в сущности, был его собственный портрет. Если бы дедушка всё это слышал, он бы сгорел со стыда за внука. Хорошо, что он этого не слышал. Хорошо, что он уже умер. То есть, это плохо, просто мысль так выстроилась.

Микко между тем вышел из дома.

— Нет там никого!

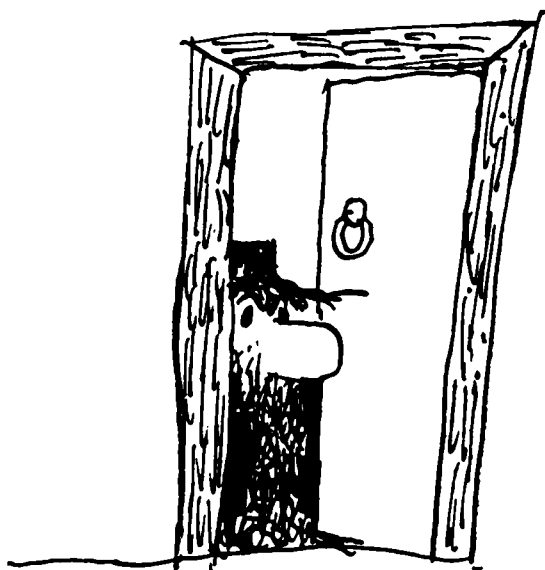
— Ладно, Микко! Ты молодец. Бери всю кору, какую хочешь. И можешь смело идти домой. Только никому не рассказывай, что ты был здесь и ушёл отсюда живой и своим ходом. Тебе никто не поверит, и над тобой будут хохотать. Вот так: ха-ха-ха!

Господин Ау был доволен собой. Ему очень понравилась его доброта и душевная щедрость. И то, как он об этом красиво говорил: «Живой и своим ходом».

Дядюшка, полный достоинства, расхаживал по двору взад и вперёд, пока не споткнулся о полено и не полетел вверх тормашками.

Микко было смешно, но он не подавал виду. Он молча смотрел, как господин Ау отряхивал с себя мусор.

— А к своему кораблю прикрепил парус. Вот так.

Потом они вместе с Микко полчаса пускали кораблик по лужам. Оба промокли и проголодались.

— Мне надо идти, — сказал Микко. — Можно, я ещё когда-нибудь приду?

Господин Ау думал долго и сурово. Он сказал:

— Там видно будет! Привет твоим неразумным родителям! Пусть не пускают больше ребёнка одного в столь страшные края.

И Микко, на этот раз живой и здоровый, помчался домой своим ходом.

А господин Ау задумался:

«Кто же из нас более противный: я или отражение? Может, я зря его обидел? Ведь если глубоко задуматься, то не чёсан, не умыт и изрядно помят в первую очередь я, а не он. Я, значит, не умываюсь и не причёсываюсь, а он виноват. Он должен всё это терпеть и ещё выслушивать мои ругательства. Надо бы извиниться перед ним».

Но гордость не позволяла господину Ау извиняться перед кем бы то ни было. Ни за что! Он решил пойти окольными, дипломатическими путями.

Первым делом он вымыл и расчесал бороду и волосы. Умылся. Мало того, он почистил зубы и ботинки.

«Никакому отражению теперь не будет за меня стыдно. Я будто картинка из модного журнала „Чучела леса“ или „Лесные пугала“».

С независимым видом он стал прогуливаться около зеркала, изредка туда поглядывая. Он считал, что отражение немедленно прибежит. А оно не прибегало.

«Чем бы его взять? — усиленно думал господин Ау. — Ага! Если он моё отражение, значит, он любит то же, что и я. Во-первых, спать. Во-вторых, печенье и сладости. Ну и что? Спать он может и там. А если я положу печенье рядом с зеркалом, это ничего не изменит. Отраженец не сможет его взять».

Другой бы отчаялся, но мудрый господин Ау ни за что. «Ещё я люблю читать сказки про принцесс».

Он достал старинную книгу со сказками, открыл её и углубился в чтение.

— Ой, какая интересная сказка, — говорил он и читал вслух: — «А тут из кустов выскочил страшный дракон и утащил принцессу. Он летел и летел, а принцесса кидала на землю бусинки из своих бус. Из тех самых, которые подарил ей

заколдованный рыцарь. И там, где падала бусинка, получалось озеро. И тогда брат заколдованного рыцаря вскочил на брата заколдованного коня...»

Здесь, на самом интересном месте, господин Ау прекратил чтение. Он подошёл к зеркалу и положил книгу на подзеркальник. А сам спрятался в чулане.

Он сидел тихо, и только из-за приоткрытой чуланной двери со страшной силой сверкали его дьявольские глаза.

Он рассчитал правильно — отражение господина Ау было таким же любопытным, как он сам, и так же любило сказки. Скоро там, за зеркалом, открылась дверь чулана и оттуда тихонечко выбрался зеркальный господин Ау. Он тоже причесался и уже умылся.

На цыпочках подошёл к зеркалу и заглянул оттуда в книгу, лежащую на полке.

И тут господин Ау тигриным прыжком выскочил из чулана: — Ага! — И он впился взглядом в глаза своего отражения. Просто пригвоздил его глазами к месту.

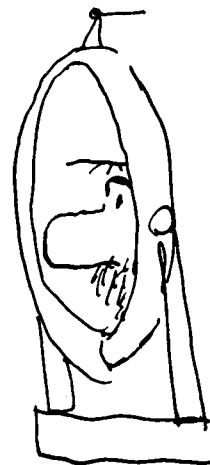
Отражение испугалось, но убежать не смогло... Оно подрожало немного и стало затем точным образом господина Ау.

Дядюшка Ау открывал и закрывал глаза для эксперимента — отражение оставалось на месте. Господина Ау клонило ко сну.

— А всё-таки я тебя проучил! И заставил привести себя в порядок! — фыркнул он и растянулся на кровати.

За зеркалом послышалось тихое бормотание, но потом оно прекратилось.

Господин Ау уже спал глубоким сном, как маленький ребёнок.

История шестая
ГОСПОДИН АУ
В ПОЛНОЛУНИЕ
ВЫХОДИТ НА ДОРОГУ

В полночь господин Ау проснулся. Какая-то сила неодолимо тащила его из постели. Ему ничего не оставалось, как только встать и одеться.

Светила полная луна, и грозовые тучи извивались, как чёрные запутанные змеи.

— Нож! Нож! Где мой нож? — вскричал господин Ау.

Как-то так веками сложилось в тех местах, что все лесные жители: разбойники, лешие и господа Ау — для подтверждения своей ужасности должны были в полнолуние выходить на преступление. И не простое, а непременно кровавое.

В прошлый раз господин Ау переточил свой нож настолько, что порезался. Ему пришлось забинтоваться до ушей и сидеть дома. Он только тем себя и успокаивал, что сам же был и преступником и добычей.

«Но это не должно повториться!»

И вот он вышел в темноту. Большая луна, круглая, как сыр, плавала в небесных чернилах. Чёрный ворон слетел с дерева и, каркая, пролетел над господином Ау.

«Тоже мне летающий инспектор! — подумал про него дя-

дюшка сквозь зубы. — Наверное, ОНИ его прислали шпионить за мной».

— Эй ты, кыш!

Ворон слинял, и можно было спокойно идти спать. Но не таков был отчаянный Ау.

«Если бы и не было такого обычая, я всё равно выходил бы на дорогу. Я жутко кровожаден и суров!» — подумал он.

Тут что-то зашуршало впереди. В куче хвороста.

— Р-р-р! — взрычал отчаянный Ау и кинулся на хворост с ножом.

Слава богу, маленькая лесная мышь с острыми ушками успела юркнуть в нору. А то бы ей досталось! Господин Ау так бушевал, что просто превратил хворост в порошок.

— Так будет со всяким!

Господин Ау с трудом поднялся, потому что у него заболела спина, надвинул шляпу на глаза и двинулся дальше.

За поворотом послышались крики и какой-то шум. Чутьё подсказало Ау, что там его ждёт нечто необычное. Отчаянно, но не торопясь Ау продвигался туда. Вдруг он на что-то наступил и шлёпнулся. Это была пустая бутылка. Только господин Ау встал на ноги, как снова поскользнулся и растянулся во весь рост. На этот раз причиной был солёный огурец. Крутом валялись остатки еды и пустая посуда.

«У меня такое ощущение, — решил Ау, — что я попал на помойку. Только рано меня на помойку выбрасывать! — Он стиснул зубы. — Мы ещё послужим».

Но тихо! Впереди два здоровых верзилы тузили друг друга. Мужчины были на вид жутко усталыми, руки и ноги с трудом их слушались. Но несмотря на это, они колотили друг друга без остановки и беспрестанно ругались. Самым мягким выражением, которое они употребляли, было «навозная морда». Остальные слова и привести страшно.

«Их двое, — подумал отчаянный господин Ау. — Я один. И потом у меня есть ещё одна уважительная причина не трогать их — я боюсь. Хотя храбрости мне не занимать».

Посоветовавшись сам с собой, господин Ау решил не вмешиваться. «Они сами себя хорошенько отлупят. Лучше их не отвлекать».

А верзилы заговорили совсем громко.

— Эй ты, навозная морда, это я утащил сумку у старушки. Моя сумка, — говорил мужчина № 1, который был поменьше.

— Нет, навозная морда, это я утащил сумку у старушки! — возражал мужчина № 2, который был побольше.

— Ах, так! — кричал № 1. — Пойдём спросим у неё самой!

— Как же! Сидит она и тебя дожидается. Она, наверное, уже умерла от страха. Или в полицию жалуется! Моя сумка!

«Что же они делают? — возмутился Ау. — По лесу гуляют бабушки — старушки с сумками, мои законные добычи, а они их грабят! Обижают старых беззащитных женщин, в то время...

в то время... в то время, когда это должен делать я. Ух, я сейчас разбушуюсь!»

Господин Ау вспомнил один самый страшный и жуткий вой, который когда-то напугал его около Риммино домика, собрался с силами и прыгнул на середину поляны.

— У-у-у! — закричал он и завыл. — У-у-у!

Что случилось с навозными мордами! Ужас отразился на их... как бы это сказать... навозных лицах, и они бросились от господина Ау, как лучшие финские спортсмены. На поле битвы осталась бабушкина сумка и несколько зубов для амулета, принадлежащего господину Ау, а также большущая нераспечатанная бутылка лечебного красного вина.

Ворон каркал на макушке ели.

Выбежав на лесную дорогу, верзилы свалились замертво. Ужасный вой всё звучал у них в ушах. Самый страшный вой для

навозных морд: уууу-у-уууу — так в Финляндии гудят полицейские машины.

Господин Ау еле доволоч старушкину сумку до лесной телефонной будки и позвонил в полицию:

— Эй, вы! Если среди вас есть смельчаки и отчаянные головы, садитесь на ваши тарахтелки с коляской и приезжайте в Сосновый Бор к Чёртову озеру. Здесь вас ждёт кое-что. Подарок от кое-кого.

После этого загадочный кое-кто, он же беспощадный господин Ау, с чистой совестью отправился домой, чтобы лечь в чистую постель. Бутылку лечебного вина — свою кровавую добычу — он бросил в подпол. Пусть пылится.

История седьмая ГОСПОДИН АУ ИДЁТ В ГОСТИ

«**В**сё-таки я не очень вежлив, — подумал как-то утром господин Ау. — Маленькая девочка позвала меня в гости пить кофе. Ждёт. Может, пригласила на меня других гостей, а я не явлюсь. Конечно, я — лесной злодей и чародей, но всё-таки надо быть хорошо воспитанным злодеем. Пойду. Может, пирожных дадут».

Он порылся в разных ящиках и на полках и нашёл подходящий подарок. Не очень ценный и не очень нужный в хозяйстве. Но намекабельный, потому что он лежал в коробке с надписью:

«Я — тебе, ты — мне».

«Всё ясно, — решил Ау. — Значит, и мне что-нибудь подарят. А у них есть много разных городских штучек».

На улице бушевала ранняя весна. Снег блестел, как тысяча бутылок, разбитых на мельчайшие части.

Избушка Риммы притаилась под снегом и грелась. Её глаза — окна — заиндевели, а из трубы струился дым, как модная причёска: волосы, связанные в пучок.

Господин Ау постучал, но в избушке был такой шум, что никто его не услышал. Тогда он бойко распахнул дверь и

проскочил внутрь. Послышался ужасный крик. Дети увидели господина Ау и разбежались по всем прятательным местам. Из-под дивана, из чулана, из-под стола, из-под занавесок смотрели на него испуганные детские глаза.

Господин Ау был доволен.

«Во, сколько народа напугал одним махом! Жалко, что дедушка не видел. Он был бы счастлив. (Если бы, конечно, сам не испугался и не умер бы тут же от страха.)»

Тут послышался негодующий крик Риммы:

— Здравсте-мордасте! Опять ты! Я же не велела тебе пугать моих гостей! Где моя палка для выбивания ковров?!

— Я не хотел пугать, — робко ответил Ау. — Я кофе хотел. И пирожного.

Дети стали выползать из-под диванов и выпутываться из занавесок.

— А он не кусается?

— А можно его потрогать?

— А я его знаю! — закричал один мальчик. Это был Микко, который в сарае делал кораблик. — Он в лесу живёт. Мы с ним кораблики пускали.

Дядюшка протянул коробку с подарком хозяйке.

— Что это?

— Увидишь.

В коробке лежала сухая белая веточка.

— Ура! — закричал Микко. — Это рогатка.

Господин Ау взял веточку и бросил её на пол. И веточка на полу стала расти и менять форму. Что с ней будет?

С пола взлетела вверх большая белая птица. Она парила по комнате, беззвучно взмахивая крыльями. Дети были поражены. Но больше всех был поражён сам господин Ау.

— Она же должна была превратиться в игрушку. Я, наверное, принёс не то. Это всё дедушкин беспорядок виноват. В следующий раз надо испытывать изделия дома. А то попадёшь впро-сак. Вдруг из веточки получится лягушка? Или муравейник?

— Как её зовут? — спросила Римма.

— А кто её... — рассеянно ответил Ау.

— Акто — странное имя, — удивилась девочка.

— Акто! Акто! Лети сюда! — заговорили дети.

Птица стала петь, и в комнату заглянула весна, даже лето. Спев песню, птица снова стала веточкой.

— Как её заводить? — спросил Микко.

— Никак. Надо снова бросить её на пол.

Римма убрала веточку в коробку.

— Хочешь немного торта? Я сама пекла.

— Хочу.

Римма стала угощать дядюшку какой-то клейкой пастой.

Глаза у него выпучились, ибо паста была ужасно противная. Он пытался проглотить её, но это никак не получалось. Так он и сидел с разинутым ртом, потому что выплёвывать лично хозяйский торт как-то не принято.

Потом он взял ложечку и незаметно стал выгребать пасту. Ложечка приклеилась.

— Дзинь, дзинь, дзинь! — дядюшка позвякивал ложкой по зубам.

Ему пришлось выпить пять чашек кофе, чтобы размочить этот сладкий клей для обоев.

Потом дети стали играть в разбойников и полицейского. Дядюшка Ау был, конечно, полицейским. Его закидали сосновыми шишками, яйцами и пластмассовыми бутылками из-под шампуня. Сбивали с ног и лили на затылок холодную воду.

Но и им досталось. Он был такой твёрдый, что когда они стукали его, постоянно отбивали кулаки.

Под конец все кидались друг в друга подушками. Это называлось подушечной войной.

«Был бы я главным на земле, я бы все армии так вооружил, — думал отчаянный Ау, пока дети молотили друг друга изо всех сил. — Хороша была бы в таком случае битва под Ватерлоо! Всадники летят вперёд с подушками наперевес! Пушки стреляют пером и пухом! Редуты из перин! И диванные думки летают как ядра! Кого убили, тот ложится спать».

Потом ему дали ещё немного тортового клея. И пока он пил чай, Микко с приятелем привязал его ноги к столу.

— По-моему, ты смешной! — сказала Римма.

Господин Ау покраснел так, что напоминал земляничное варенье.

Дети собрались вокруг него и давали ему разные подарки. Он рассовывал их по карманам и всё больше краснел.

— Да он же сейчас помрёт! — сказал один мальчик.

— От радости не умирают, — возразила Римма.

«Молодец я, — думал про себя Ау, — что не уничтожил этих детей в разное время. Вон сколько от них пользы и сколько подарков!»

А дети тискали его, обнимали, и он совсем застеснялся. Он встал, кивком поблагодарил всех и направился к дверям. Верёвка, привязанная к ножке стола, натянулась. Дети приготовили улыбки... Трах! Полетел на пол дядюшка Ау, стол и посуда со стола...

Вечером господин Ау пил дома чай и рассматривал подарки. Раскрашенный солдатик. Толстая пачка жвачки. Маленькая ав-

томашина. Красивая, как Римма, маленькая куколка. (Тот самый куклёнок, который в своё время требовал мороженое на лупцевательном чаепитии.) Неработающая зажигалка. Игральная кость. И большая стеклянная бусина.

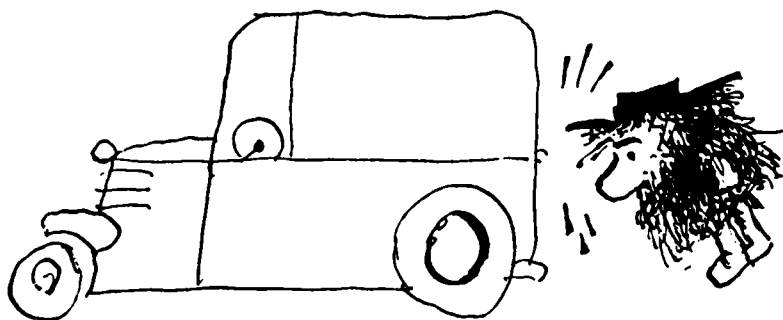
За всю жизнь господин Ау не держал в руках столько счастья.

Он улыбался зеркалу во всю мочь. А оно никак не могло к нему подстроиться.

Потому что оно никогда ещё не видело такого весёлого выражения лица у своего обычно хмурого господина.

Господина по имени Ау.

История восьмая
ГОСПОДИН АУ
ИМЕЕТ ПОЕЗДКУ
В ГОРОД

Бывают такие вечера или утра, а может быть, утры, когда каждого нормального человека тянет к приключениям. Человеку хочется открыть неизвестный вулкан, хребет или остров. Может быть, даже найти неизвестный Северный полюс. Но Северный полюс давно открыт, как и Южный, значит, нужно отыскать Восточный или Западный.

В такие вечера или утра (я всё-таки не удивлюсь, если утры) неизведанные края так сильно тянут людей, что один из тысячи не выдерживает и, взяв жену и детей, скрывается в ближайшем городском парке. Он хочет найти там место, куда ещё не ступала нога человека. Или найти там неизвестное науке племя доисторических людей.

У зловещего господина Ау наступил такой вечер. Он был сыт природой по горло. Ему хотелось неизведанного. Его потянуло в город. Он надел нарядный дедушкин зипун.

Заложив руки за спину, мрачно и сурово он двинулся навстречу приключениям. Он шёл и шёл по дороге в мрачной и тяжёлой задумчивости, пока не треснулся головой о железный кузов пикапа.

На голове господина Ау немедленно возникла большущая шишка. Пикапу хоть бы что. Дядюшка хотел разнести пикап на клочки. Но у него не было с собой гаечных ключей, и это спасло несчастную машину.

Господин Ау открыл дверцы и забрался в кузов.

«Будь что будет!»

В это время пришёл шофёр, и машина поехала.

Сельская дорога была не самой лучшей в Финляндии. А две металлические бочки — не самые лучшие спутницы. (При желании всегда можно подобрать что-то более интересное.) Бочки прыгали по кузову как бешеные. Дядюшка Ау вынужден был прыгать между ними, хотя он вовсе этого не желал.

Он мог обнять и некоторое время придержать одну бочку. Другая в это время колотила его по всем местам. Дядюшка хватал вторую. И тут взбешива... взбешивалась... то есть сходила с ума первая.

— Эй, вы! — орал дядюшка. А удержать обе на месте у него не хватало рук. Наконец он сел на одну верхом, а другую обнял руками. И тут кончился просёлок и пошёл ровный асфальт.

И через полчаса машина прибыла в город.

Господин Ау выбрался наружу и, постукивая каблуками, ринулся навстречу неизвестности. Было два часа ночи.

Он смотрел на высокие коробки с дырочками и поражался:

«Просто как муравейник! И что — за каждым окошком человек? И что — если сказать „здрате“, они все вылезут?»

Тут он увидел, что в освещённом окне ему улыбается какой-то гражданин в кожаном пальто и кожаной шляпе. Господин Ау сурово заулыбался в ответ и раскланялся.

— Тут у вас интересно, не так ли?

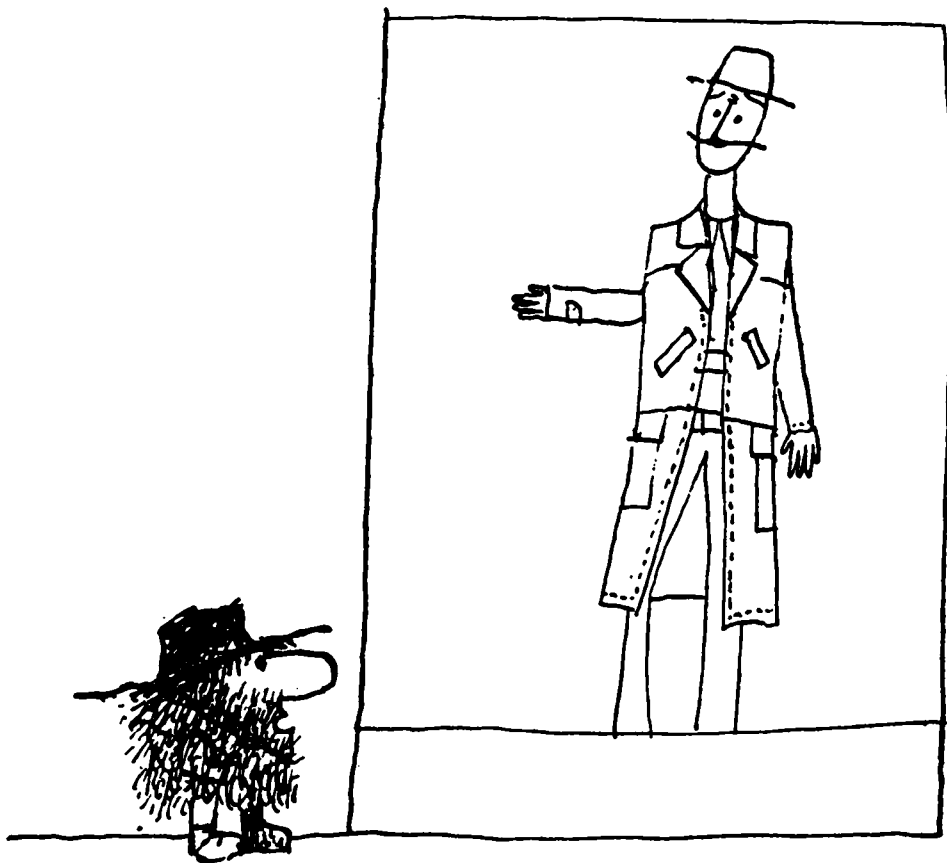
В лице гражданина из окна ничего не изменилось.

«Он, наверное, глуховат», — решил дядюшка.

— Тут у вас интересно, не так ли? — громче проговорил он. Человек из-за стекла и бровью не повёл.

«Да что он, сдурел? — разозлился дядюшка. — Сейчас он нам ответит».

Он набрал воздуха полный живот и заорал:

— ТУТ У ВАС ИНТЕРЕСНО, НЕ ТАК ЛИ?

Ничего! Дядюшка выдержал паузу и намекнул во всё горло:

— Балды в окнах стоят!!!

В лице манекена, несмотря на такой прозрачный намёк, ничего не изменилось. А в доме изменилось кое-что. Вверху открылось окно, и какая-то невыспавшаяся рука вылила на бедного дядюшку полведра воды.

— Покричи ещё!

Мокрый дядюшка спешно сбежал.

«Странный какой-то дождик пошёл! Только для меня. Всё остальное сухо!»

Тихо-тихо было в городе. Только иногда редко-редко проезжала машина и загорались разные надписи типа: «СТОЙТЕ». Дядюшка стоял.

Типа: «ИДИТЕ». Дядюшка шёл.

Но когда загорались или попадались надписи: «ВЫХОДА НЕТ», господин Ау совершенно не понимал, что делать.

Он давно подозревал у себя в лесу, что в этой жизни выхода нет. Но что город это уже окончательно понял и даже везде рекламировал, было для него в диковинку.

На всём пути дядюшка не видел ни одного человека.

Во дворце президента, правда, был виден свет. Наверно, как раз в это время президент снял лысый парик и тайно расчёсывал свои длинные чёрные волосы.

«Надо всё-всё запомнить, — решил дядюшка. — Когда я ещё попаду в город! А вдруг у меня будут внуки, что я им расскажу про город? А запомнить всё лучше при помощи рифмы. Вот запомни, например, слово „телега“? Ни за что. А если скажешь: „Шла телега, везла три тонны снега“, это у тебя сразу уложится в голове. Или слово „заяц“. Быстрое слово, сразу из головы выскакивает. А стихотворение застревает надолго. „Гулял по лесу заяц, отъявленный мерзавец!“ Это уже кое-что. На сто лет запоминается. Во я даю! — восхитился собой опасный и резкий

господин Ау. — Это уже почти открытие. Всё, что хочешь запомнить, надо рифмовать. Первым до этого додумался народ. Все его пословицы в рифму».

Дядюшка наморщил лоб. И так наморщенным лбом стукнулся в машину с надписью: «ТАКСИ». В машине заметался сонный шофёр.

«Вот, например, — продолжал про себя дядюшка, — есть такая мысль: „Без труда не вынешь рыбку из пруда“. Сколько лет столько народа её не могут забыть! Потому что складно. А было бы, например, так: „Без труда не вынешь рыбку из озера“ — никто бы не запомнил. Или так: „Без труда не вынешь рыбку из речки“. Тоже ноль запоминания. Даже „Без труда не вынешь рыбку из консервной банки“ — невозможно запомнить больше, чем на минуту, потому что нет рифмы. Или есть такая пословица: „Терпение и труд всё перетрут“. Всё просто и прозрачно и помнится несколько столетий. А было бы: „Терпение и труд всё превратят в порошок“? Ну кто бы такое помнил?»

И злобредный господин Ау стал рисовать рифмованную картину города для внуков. Он запоминал всё, что видел:

Вон озеро. В нём плавают утки.
Стоят свежеокрашенные телефонные будки.
Магазины, вывески, голые кусты.
Важные полицейские охраняют железные мосты.
Бегают машины, горят фонари.
Стоят урны, куда ни посмотри!

Господин Ау был просто счастлив. Эта широкая картина ночного города безусловно произведёт впечатление на его будущих внуков.

Тем временем водитель такси очухался и высунул голову в окошко.

— Эй, толстенный господин, тебе куда ехать?

Господин Ау рассердился.

Но предложение было соблазнительным, а дядюшка устал.

— В Сосновый Бор за Чёртовым озером.

— Садись!

Машина развернулась и бросилась в сторону сельской местности.

Как и откуда таксист знал дорогу — неизвестно. Но так уж устроены таксисты во всех странах, что они знают всё. (Всё в смысле дорог.)

Через определённое время машина стала. Водитель выключил тикающую перед ним диковину и сказал:

— Тридцать две марки.

— Ясно! — ответил Ау.

Хотя ему ничего не было ясно. При чём здесь марки? Это же не почта.

— Ну, — продолжал водитель, — гони.

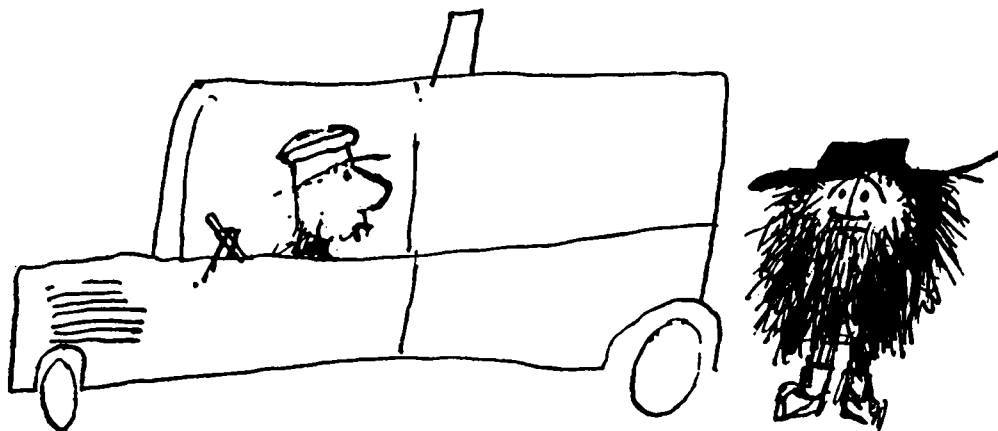
— Кого? Куда? — недоумевал дядюшка.

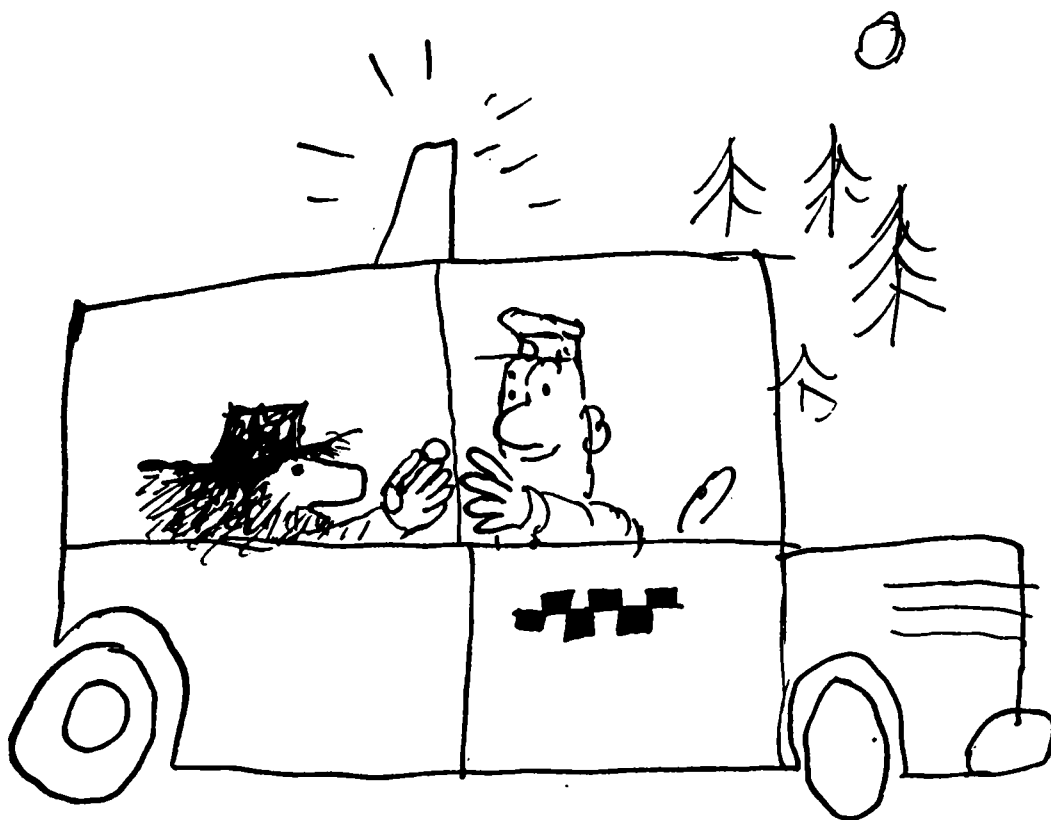
— Деньги, тугрики, тити-мити, бабки!!!

— А где это взять?

— Посмотри в своих карманах, образина! Иначе отвезу в участок.

Господин Ау сунул руку в карман дедушкиного зипуна и вынул какие-то бумажки и кошелёк. Всё это он подал водителю. Бумажки водитель выбросил в окно. (Эх, балда! Это был рецепт невидимого чая! Только осталось неизвестным — то ли чай, то ли человек в результате применения рецепта становились неви-

димыми.) А из кошелька достал несколько монет. Они привели его в восторг:

— Это же золото! Да ты просто молоток. Башка у тебя, видать, светлая. Небось профессор! У нас в колонне есть один такой же. С виду тютя, а в кармане меньше 100 марок не бывает!

Шофёр взял себе одну монету. Остальные с сожалением вернул. Он умчался в свой любимый город. А кроважный и опасный господин Ау направился к своему домику, к тёплой печке.

Он был усталый и злой. На счастье того, кто ему не встретился, никто ему не встретился. А то бы ему, тому, кто не встретился, если бы он встретился, сильно бы влетело от злого господина Ау.

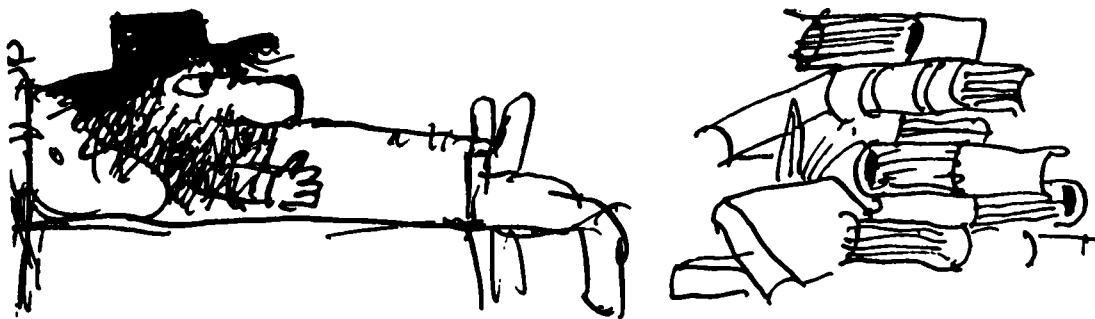
Когда он укладывался спать под утро, в своём усталом мозгу он лишний раз жёсткими и резкими рифмованными штрихами

воспроизвёл яркую картину ночного города, которая безусловно произведет впечатление на его будущих внуков:

Вон озеро. В нём плавают телефонные будки.
Стоят свежавыкрашенные утки.
Магазины, вывески, железные кусты.
Голые полицейские охраняют важные мосты.
Горят машины, бегают фонари.
Ездят урны, куда ни посмотри!

Хр-хр-хр! — хорошо, засыпая, глядеть на полыхающий огонь!

История девятая
БАНЯ
ДЛЯ ГОСПОДИНА АУ

Однажды ужасный господин Ау встал даже раньше обычного. До ночи было ещё далеко, спать не хотелось и надо было срочно, не сходя с места, чем-то заняться.

Может, привести комнату в порядок? Не сходя с места.

Дядюшка Ау посмотрел на кучу книг, которая лежала у стены. Книги были в жутком беспорядке. Дядюшка посмотрел на них довольно строго, но они даже не пошевелились. Он ещё строже с намёком посмотрел на них — ничего.

Господин Ау решил поколдовать:

Ну-ка, книги, по местам.

А не то я вам задам!

Никакого эффекта! Дядюшка стал подыскивать более энергичные слова. Более убедительные.

Ну-ка, книги, все по полкам,

А не то вам будет плохо!

Вышло не совсем складно. Господин Ау уставил глаза в потолок и стал искать рифму:

Ну-ка, книги, все по полкам,

А не то вас брошу волкам.

Вышло совсем хорошо. Но у господина Ау был хороший литературный вкус, и он остался недоволен. Потому что, кажется, надо было говорить: «волкам». Но тогда получилось бы: «по полкам».

Ну-ка, книги, по полка́м,
А не то отдам волка́м.

Тут господин Ау подумал:

«Полки — это что-то военное. А военным книги не очень-то нужны. Уж волкам тем более. Вот мыши любят грызть книги. Надо непременно напугать их мышами. И надо вставить что-то волшебное и таинственное, заклинательное».

Он закричал книгам с кровати:

— Говорю вам по душам! Шурум-пух-пух! Шурум-пух-пух!
Что отправлю вас к мышам! Шурурух!

Книги не очень-то перепугались. Не очень-то бросились по полкам.

— Что-то я недо-шурум-пух-пухиваю! — прошуршал дядюшка. — Старею. Я сам их должен рассортировать и разложить.

Он взял одну книгу и перетащил к противоположной стене.

— Ну и тяжёлая!

Он поискал книгу полегче, снова перенёс.

— Всё равно тяжёлая.

Потом взял следующую книгу, следующую и следующую.

— Ну до чего же тяжелы!

Он был весь в поту и пыли. Ему хотелось обзывать книги навозными мордами. Господин Ау присел на кровать. Чего же он добился? Перед ним вместо одной горы книг были две. И новая была в таком же беспорядке, как и старая, но только у другой стенки.

«Что же я теперь буду делать? — думал он. — Перетащить, что ли, остальные книги со старого места на новое или, наоборот, всё сделать, как было?»

Его могучий разум подсказал ему, что надо перетащить новую кучу обратно.

«Я эти книги уже таскал. Они мне знакомы. И с них слетела пыль, так что они легче и чище. Вообще-то я был сумасшедший, когда взялся их переносить», — тихо горевал господин Ау.

Он отважно взялся за ближайшую книгу и отважно перетащил её на старое место. И следующую, и следующую, и следующую.

Когда старая куча книг стала опять знакомой и старой беспорядочной книжной горой, не было более усталого человека, чем дядюшка Ау, во всей губернии Уусимаа и всех соседних. Господин Ау лежал в постели и дышал, как воздушный насос, который качают ногой, когда надувают резиновый матрац.

Мало того, он был ещё в пыли с головы до пят, как внутренность хорошо поработавшего пылесоса. Хотя господин Ау никогда не был внутренностью, а всегда был наружностью.

Он вдруг почувствовал неистребимое желание быть чистым. Ну, просто как молния сверкнула в его мозгу:

«Господину Ау быть чистым!»

Но как? Он вспомнил о бане. О финской бане. Но он почти никогда ею не пользовался и забыл, как ею пользоваться.

Порывшись в книгах, он нашёл старинную «Книгу о вкусной и здоровой бане». Прочёл:

«Въ Финляндии уже давно этотъ способъ является прекраснымъ для ухода за теломъ и душой. Особенно хорошъ этотъ способъ, ежели употребляются освежающія парь, смола и вино».

«Про смолу не знаю, а трофейное вино у меня есть. Отнял у „навозных морд“ в полнолуние».

Итак, в баню! Господин Ау ринулся в небольшую пристройку при доме. В одном её углу была жестяная бочка с чёрными камнями наверху, а напротив большая деревянная полка. У входа стояла деревянная кадушка. Всё было точно как в книге.

Господин Ау наполнил жестяную бочку снизу дровами, разжёл их с помощью берёсты и закрыл дверцу. Дрова разгорелись, и

послышался сильный шум. Потом он утихомирился, стал ровным и непрерывным. Маленькая комната стала нагреваться.

— Баня всё-таки действует, — изумился господин Ау. — Теперь быстро за водой.

Быстро он натащил полную кадучку воды. Деревянная кадучка давно рассохлась, и поэтому часть воды вытекла. Но постепенно кадучка пропиталась водой, и щели забухли.

Нужен был берёзовый веник, как было сказано в книге, и вино. Вино пылилось в подвале, а веник господин Ау быстро сделал из голых берёзовых прутьев. Он получился скорее хлестательный, чем парительный, но другого весной взять было негде.

«Как негде? А моя вечнозелёная яблоня? Не зря же я лечил её. Пусть будет яблоневый веник. А то в старине не будет никакого прогресса. А старину тоже надо двигать вперёд, а не назад».

Теперь всё. Можно было приступать. Господин Ау взял ковшик и подбросил воды на раскалившиеся камни. Послышалось страшное шипение. Комната наполнилась паром и пылью со старых камней. Дядюшка Ау основательно промок и испачкался. Ведь в книжке ничего не было сказано про раздевание.

Он сидел на полке, как поджаристый батончик.

— Помогите! Свариваюсь!

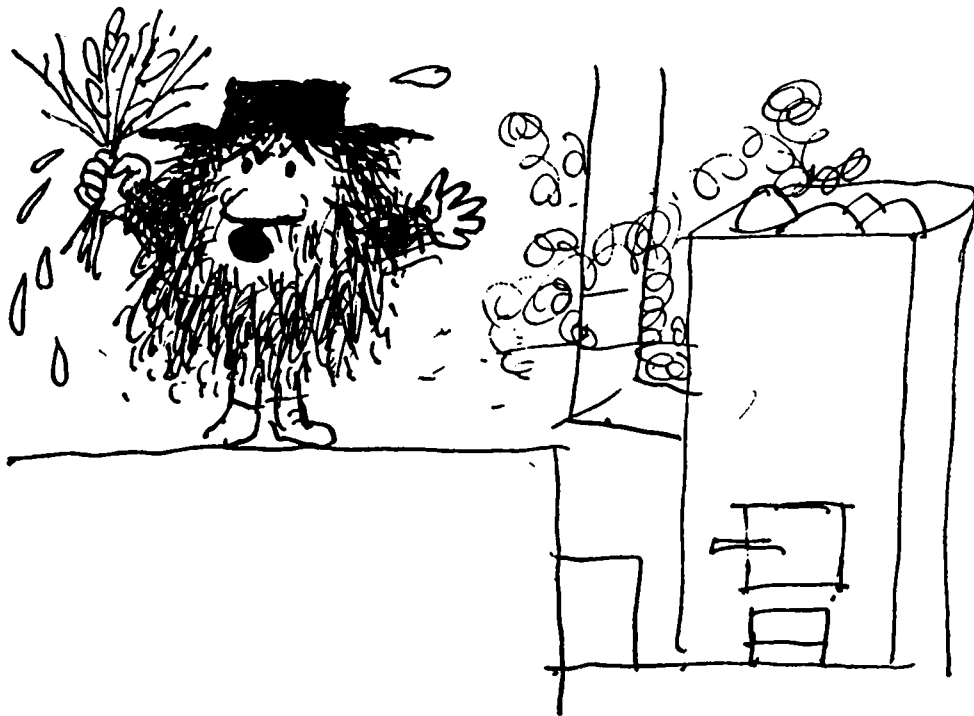
Теперь дядюшка Ау стал серьёзно понимать, что такое «кипеть и бурлить», как он прежде грозил маленьким детям.

«Пора пускать в ход вино. Для окончательного счастья».

Он раскупорил бутылку и плеснул красную жидкость на раскалённые камни. Взметнулось вверх красное облачко. Сразу стало легче.

Комната стала покачиваться, как корабль. Господин Ау немедленно захотел петь. Он встал на полке во весь рост, взял в руки веник, как микрофон, и запел:

Во поле берёзка стояла...
Во поле кудрявая стояла...

Тут он вспомнил про свою любимую яблоню:
— При чём тут берёзка? Яблонька моя зелёная.

Во поле яблонька стояла,
Во поле кудрявая стояла.

Ещё чего, почему в поле? В лесу. Мы лесные Ау, а не полевые. В лесу родилась ёлочка... то есть яблонька... в лесу она росла. Зимой и летом стройная, зелёная была. Не осыпалась...

Тут он наступил на мыло и вместе с веником полетел вверх тормашками.

— Ну, мыло, держись!

Он прыгнул на мыло тигром, схватил его что было сил и сжал. А оно как выскочит, как начнёт летать из угла в угол. И в кадушку с холодной водой. Господин Ау за ним. Только ноги наружу торчат. А вылезти не может.

— Буль-буль! — кричит.

Другой бы пропал. Но господин Ау собрал всю волю в кулак и стал ногами раскачивать кадушку. Раз! — и она шлепнулась. Вода ринулась к печке и оттуда обратно струёй пара. Этим паром господина Ау просто выкинуло в дом, а потом на улицу.

Мир покачивался и пошатывался в его глазах. Господин Ау был окружён паром, как Ниагарский водопад. Он стоял босиком на мёрзлой траве, и ногам совсем не было холодно.

«Загадочное явление природы, — решил он, — или волшебство».

Потом он долго сушился у печки и, наконец, забрался в кровать.

«Ну и чего я достиг? — подумал он. — С чего начал, тем и кончил. Опять под одеялом. Хоть и не вылезай в следующий раз».

Спал он два дня и видел сны. Жаль, что хорошие сны не запоминаются, убегают, не доходят до дневного света. А то бы...

История десятая
ГОСПОДИН АУ
КОЛДУЕТ НА СВОЮ ШЕЮ

После истории с книгами господин Ау решил провести у себя ревизию. Не так, чтобы пересмотреть всё в один день, а постепенно. Он решил делать перманентную, то есть постоянную, ревизию.

«Мало ли что, — думал он, — появится у меня какой-нибудь толковый мальчик-ученик, а я своего хозяйства даже не знаю».

Как появится, откуда — дядюшка не задумывался — из леса, вестимо!

Дедушка оставил дядюшке огромное хозяйство — вёдра, лавки, печку, книги, баню, три окошка и чулан. В чулане на полках и полочках чего только не было. Всякие узелки, мешочки, пакетики. Из одного слышалась будто приглушённая ругань, из другого, кажется, писк. Третий мешочек шуршал, словно в нём были ящерицы. Четвёртый звенел, как стеклянные колокольчики. Пятый не шуршал и не тинкал, но весил столько, что дядюшка с трудом мог приподнять его. И то сразу после завтрака, когда он был полон сил и здоровья.

И надо было во всём этом разобраться, привести в систему, чтобы не было никаких неожиданностей и тайн.

Господин Ау прекрасно помнил уроки магии и волшебства, которые давал ему дедушка. Дедушка читал волшебную книгу, сеял семена, шептал наговоры, и получалось... Получался праздник для маленького Ау.

Сначала из темноты дома выступало сине-красное растение. Его цветы, как глаза, смотрели на мальчика. Вся задняя стена дома была полна жёлтых бродячих ирисов. Тигровые лилии росли повсюду. На месте печки было огромное дупло, в котором тускло пылал огонь. Всюду летали маленькие, с ноготок, птички и пели. А в углу комнаты был небольшой пруд, где плавали быстрые рыбы. На потолке сияла дикая, неприручённая, большая южная луна.

Маленький Ау млел от счастья, а седобородый дедушка смеялся — он гудел, как большая бочка, которую сильно пинают ногами.

И теперь господин Ау решил вспомнить всю дедушкину науку.

Он вытащил из чулана холщовый мешочек. В мешочке лежали какие-то семена. Они напоминали человеческие черепа. В мешочке лежала записка:

«Поливать супом нельзя поливать водой. Будит беда».

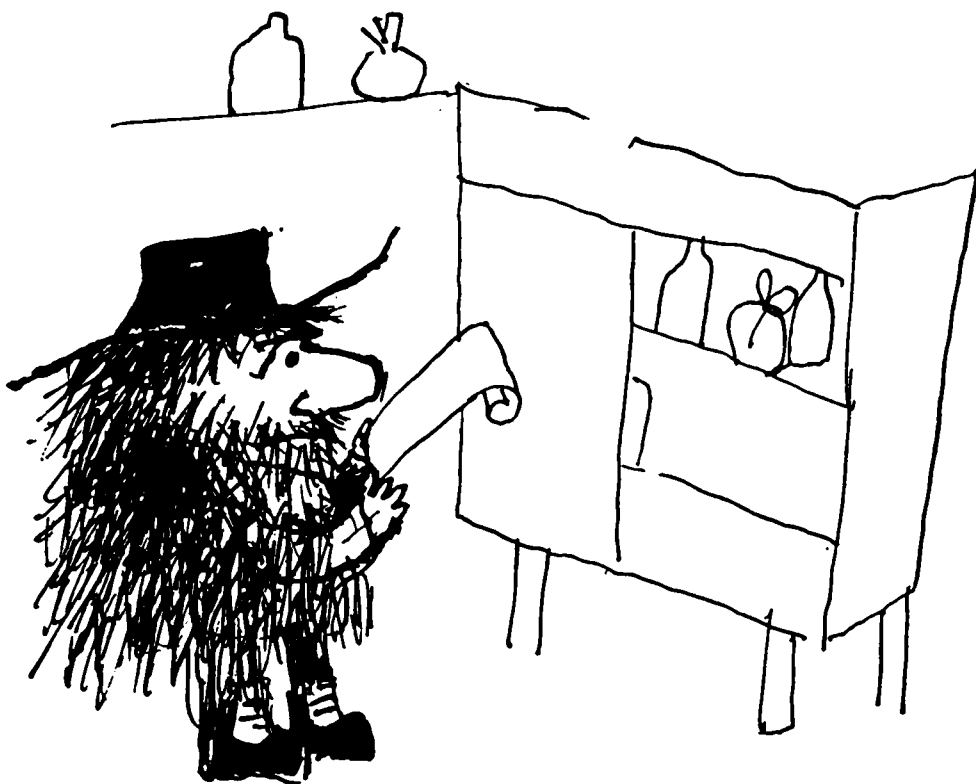
Этой запиской темноватый в грамматике дедушка хотел сказать, что поливать супом эти семена ни в коем случае нельзя, будет беда. Что надо поливать их только водой. Для этого между словами «нельзя» и «поливать» надо было поставить запятую. А дедушка в буквах-то был не очень силен, не то что в запятых. Дедушка господина Ау не был маяком разума. И лучом света в лесном царстве он не являлся. Об этом уже говорилось.

Так или иначе, господин Ау всё понял неправильно. Не зря же он был внуком своего деда.

Он немедленно посадил одно семечко в здоровенный глиняный горшок и с этого дня регулярно стал поливать его супом. Не подозревая, что скоро «будит беда».

«Вырастет что-то прекрасное! — думал Ау. — Нежное, а может, даже вкусное. Да здравствует супное растение! Да здравствую Я — садовод».

Через несколько дней показались первые побеги. И скоро

они стали расти наперегонки, взбираясь вверх по косякам. Господин Ау почувствовал себя владельцем.

Потом два дня господина Ау не было дома. Он был в командировке. Ходил к своим дальним соседям учиться опыту. Там было что-то вроде совета или семинара. Где кое-кто читал молодёжи лекции о кое-чём секретном и страшном.

Семинар должен продолжаться тринадцать дней. Но господин Ау от молодёжи уже отбился, а в лекторы ещё не попал. Поэтому он был ни к селу ни к городу и сбежал.

Первым делом он осмотрел свой суповый огород. Растение уже закрывало окно и половину стены. На стебле тут и там висели маленькие красные комочки, которые оказались крохотными ручками.

И эти руки были вовсе не бездеятельными. Они постоянно приводили растение в порядок, очищали его от сухих листьев и взрыхляли землю.

Господин Ау протёр глаза.

Но растение не исчезло. Не исчезли и его руки. Более того, вылезла зелёная голова. Она высунулась и кивнула, когда заметила, что господин Ау на неё смотрит.

Прямо на глазах господина Ау одна рука быстро, как мысль, качнулась, схватила муху и бросила её в большой и красный рот. Рот немедленно закрылся.

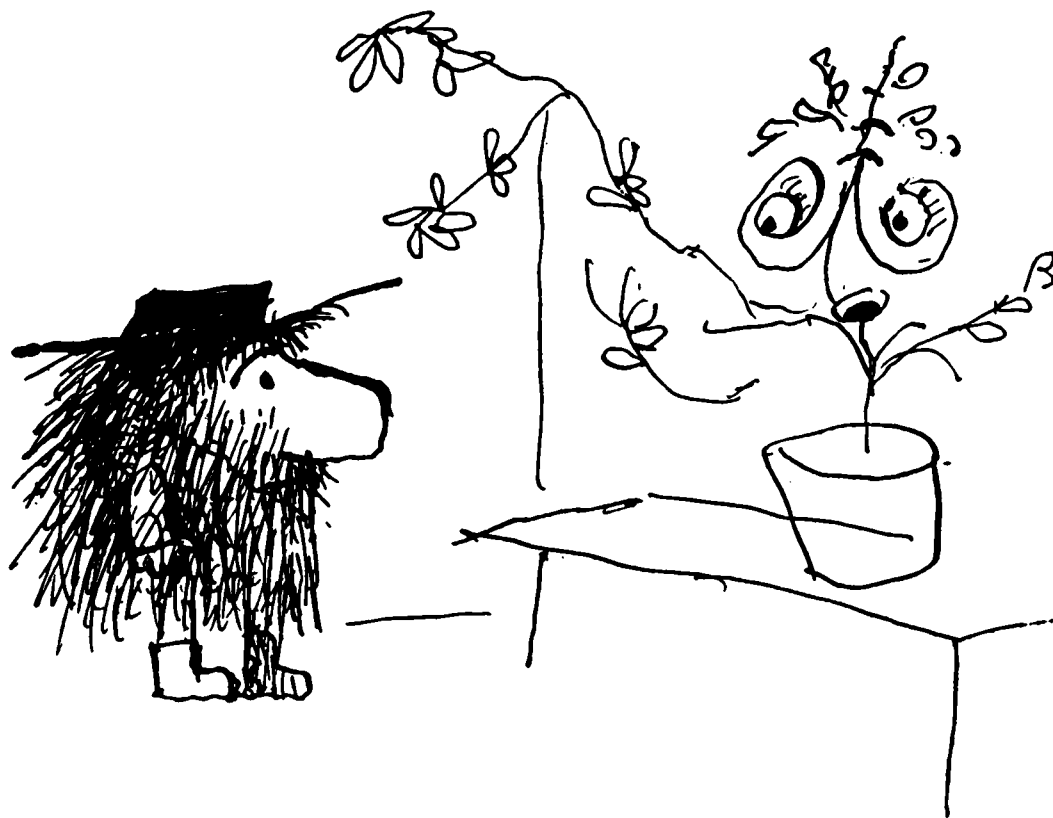
«Ничего себе тундры-лианы! Флора и фауна! Просто в зарослях джунглей!»

Дядюшка Ау стоял окаменело, как морковь на грядке.

Почему это самое ужасное во всём мире растение появилось именно у него на подоконнике? У всех же есть цветочные горшки и окна!

Но растение появилось у него, у него и будет. Тут цветок кивнул, открыл свой красный рот и сказал довольно слабым голосом:

— Мне хочется есть.

Дядюшку Ау можно было запросто повалить спичкой, так он был удивлён.

— Ты поливаешь меня, когда попало, — продолжал цветок и взмахнул всеми своими руками. — А я не люблю этого. У тебя слишком мало мух! Это никуда не годится! Дай мне попить.

Господин Ау молча протянул ему чашечку воды. Цветок схватил её рукой и выплеснул воду себе в рот. Потом облизнулся и посмотрел на дядюшку более требовательно.

— Мне хочется есть!

— А что ты ешь?

— В основном дефицит — вырезку, котлеты, телятину, колбасу всякую, — ответил цветок.

Господин Ау подошёл к шкафу и вынул маленькую банку сосисок. Взял ключ, открыл её и подал цветку. Скоро сосисок не было. Следующую банку цветок открывал сам. При этом он перечислял дядюшке все виды еды, которые его бы устраивали.

— Колбаса любительская — первый сорт. Колбаса охотничья. Колбаса докторская... — Тут цветок задумался. Но ненадолго. Он продолжал: — Колбаса учительская, водительская, профессорская, академическая. Всё ясно?

— Ясно, — ответил дядюшка.

— Перейдём к грибам. Грибы белые, маслята, козлята, слонята, лисички, волчички, рыжики, блондиники, лысики, чернушки. Запоминается?

— Запоминается, — как эхо повторил господин Ау.

— Перейдём к рыбе. Леши, судаки, севрюга. Это что касается речных рыб. Морские рыбы: нототения, серебристый хек не надо, шпроты, крабы, икра.

— Это не рыбы! — закричал в отчаянии дядюшка.

— А тебя это не касается. Морские, и всё. Ещё рыба-меч, рыба-молот, рыба-пила, рыба-плоскогубцы, рыба-штопор, рыба-топор, рыба — электрическая дрель.

Казалось, внутри у цветка запрятана целая морская энциклопедия. Со съедобным уклоном.

— Откуда ты здесь появился? — в недоумении обратился к нему дядюшка.

— Ты же сам меня посадил и ухаживал хорошо. Но только вначале. Теперь ты стал немного ленивее. Но так как вначале ты был добрый, я, пожалуй, не съем тебя ночью, когда ты спишь.

Нельзя сказать, чтобы это обещание очень обрадовало и успокоило отчаянного господина Ау.

— Опять дедушкины фокусы! — возмутился Ау. — Всё. За-
вязываю. Никакого дедушкиного наследства! Не трону никаких
его вещей!

Через день цветок ещё вырос. Через день ещё. Ещё.

Ложась спать, господин Ау не был уверен, проснётся ли он.

«Пожалуй, он как-нибудь слопает меня. А я об этом даже не
узнаю».

— Мне хочется есть! — постоянно твердил цветок.

Чем больше он рос, тем страшнее становился его голод. А
чем больше он ел, тем быстрее рос.

«Скоро он, пожалуй, проглотит птенцов из гнезда над крыль-
цом», — испугался господин Ау.

Эти птенцы жутко верещали по утрам, не давая господину
Ау спать. И он постоянно грозился, что бросит их в суп. Что
ошплет до последнего пёрышка. Что они долго будут кипеть
и бурлить и ещё очень долго будут помнить об этом. Но ему
и в голову не приходило выполнить свои угрозы. А цветок мог
сделать что хочешь. И манную кашу, даже на молоке, он есть
не желал.

И как-то странно, примериваясь, он посматривал на дядюшку
Ау, если дядюшка запаздывал с едой.

Он всё время покрикивал:

— Эй, ты! Подай консервы!

— Эй, ты! Принеси мяса!

Как-то раз он даже треснул господина Ау.

В слепой ярости дядюшка схватился за топор. Рванулся к
цветку, чтобы перерубить его стебель. Но цветок легко выхватил
топор у господина Ау и сказал наставительно:

— Не делай больше этого, милоч. Я думал, что ты мой друг.

Продолжая бушевать, дядюшка Ау запустил в цветок пилой. Но пила отскочила от стебля и чуть было не треснула самого хозяина по голове.

«Это же как резина! — безнадежно подумал Ау. — Я ничего не могу сделать».

Цветок улыбался красным ртом на зелёной голове. Потом он щёлкнул дядюшку по носу и приказал:

— Еды! И не затевай больше ничего, а то будет плохо!

— Дда-да-да! — заикался господин Ау.

— Никаких хитростей. Мяса сюда.

Как только господина Ау отпустили, он стрелой вылетел за дверь. И забегал по двору перед домом, как курица, преследуемая лисицей.

«Где я возьму для него столько еды? Я же не мясокомбинат. Я ему что, продуктовый магазин? Нет, он скоро меня съест».

Дядюшка понял, что дела его плохи, как никогда. Теперь он

до конца жизни будет рабом этого растения. А оно вырастет, полезет в огород, будет просовывать руки в окна других домов и таскать людей.

Отчаянный и резкий господин Ау готов был зареветь. Сначала был готов, а потом заревел. То есть просто заплакал. Его слёзы немедленно можно было нести в музей, потому что это была большая редкость. Господа Ау плакали не чаще, чем раз в сто лет.

«Я уже больше никогда не смогу жить у себя дома и не смогу спокойно пить чай».

— Что ты плачешь? — Кто-то потянул его за рукав. Это был Микко. — Могу ли я тебе помочь?

— Во-первых, никто не сможет мне помочь. И во-вторых, я не плакал. Это выпала роса.

— Понятно. Но ведь роса не выпадает ни с того ни с сего.

— Она выпадает тогда, когда супное растение начинает всех поедать.

— Супное растение?

— Ну да. Сначала супное. А потом телятинное.

— А где оно?

— Там, внутри. Оно съедает всё мясо и всё время растёт. Оно как резина. И никто ничего ему не может сделать. Я пытался. Теперь я опять должен его кормить, иначе оно съест меня.

Микко слушал молча и сразу понял, что всё это — сущая правда.

— Почему бы тебе не перебраться в другое место?

— У меня нет другого места. И если я уеду, оно съест всех птиц.

— А если это? — Микко показал свой огромный финский нож.

— Нет. Я пытался. Мне кажется, его не возьмёт и динамит и бензопила. Может, танк бы помог. Да где его взять?

Микко подумал минутку.

— Усыпим его.

— Как? — безнадежно спросил дядюшка.

— А так. Подожди минутку.

Микко побежал домой. Господин Ау ждал. А цветок бушевал за окном.

Скоро Микко вернулся. В одной руке у него была колбаса, в другой металлический флакон.

— Что это? — спросил дядюшка.

— Колбаса.

— Нет, вот это?

— Это аэрозоль против мух и тараканов. Они сразудохнут.

— А мясоедающие растения?

— Не знаю. Но мясоедающая кошка нанюхалась и три дня спала. И ещё болела долго. Врача вызывали.

— К этому... к этой растительности мы врача вызывать не будем, — твёрдо сказал господин Ау. — Как включается эта штука?

Микко нажал на кнопочку, из флакона вылетело облако со сладковатым противным запахом.

— Вперёд! — крикнул господин Ау и ринулся в дом, как на пожар.

Микко сунулся за ним.

Цветок подрос. Он был очень сердит, голоден. Он выхватил колбасу у дядюшки и проглотил со скоростью света. Потом он посмотрел на самого Ау.

— Что-то, мне кажется, я смертельно голоден. И кажется, надо мною издеваются, принося так мало колбасы. Кого-то я за это...

Цветок не успел договорить. Господин Ау включил баллон. Вылетело белое противное облако. Запахло кисло-противным. Растение стало кричать и плевать на господина Ау, трясти его, но дядюшка не унимался. Трясаясь, он всё равно прицеливался прямо в его противную зелёную голову и пылил, пылил.

От тумана дядюшка стал мокрым и выскользнул из рук цветка. Но он тоже изрядно надышался, даже не смог убежать.

Цветок пометался, пометался по комнате. Попытался разбить окно и подышать чистым воздухом. Но ничего не вышло. Он тяжёлой плетью рухнул на господина Ау. У того на теле долго были следы, как от хорошей розги.

Лежал отважный дядюшка, лежало на нём противное растение.

Микко понял, что дядюшку надо спасать.

Господин Ау был маленький, но мускулистый и тяжёлый, как будто набитый кирпичами. Микко просто измучился, пока вытаскивал его на свежий воздух.

Господин Ау лежал на спине и смотрел в небо. Слава богу, прилетели птицы, стали виться над ним и обмахивать крыльями.

Наконец он открыл глаза.

— Кыш! — прикрикнул он на птиц. — В котёл отправлю. Ну, что, — спросил он Микко, — кто победил?

— Мы, конечно, — радостно ответил Микко.

Дядюшка зажал нос пальцами и ринулся в дом. На полу валялась дохлая жёлтая растительность. Господин Ау потащил её на помойку.

— Так будет со всяким! — показал он Микко, сурово намекая на что-то. — Запомни и передай многим поколениям.

Вернувшись с помойки, господин Ау долго чесал затылок.

— Слушай, а почему оно такое противное? Ведь я делал всё правильно.

Он притащил мешочек с семенами и запиской.

— Вот прочти: «Поливать супом нельзя поливать водой. Будит беда».

Микко всё понял.

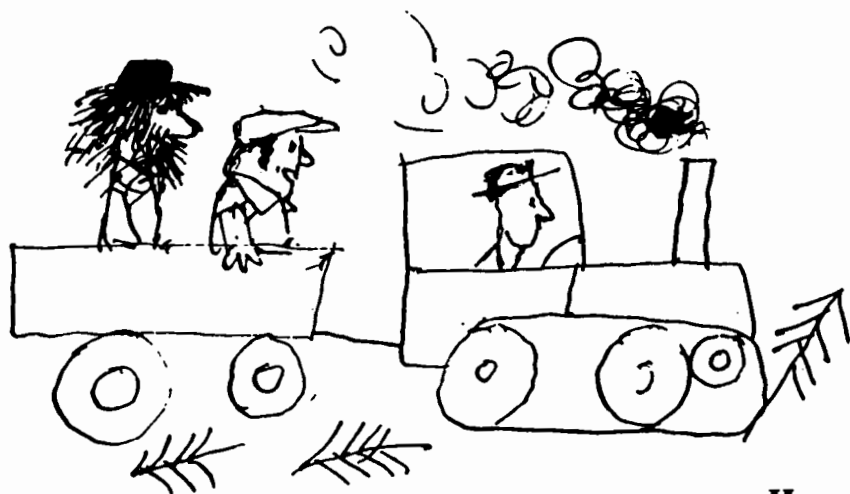
— Эх, ты! Здесь же запятая пропущена.

— А что это такое?

— Это такой знак. — И Микко, скорее всего будущий ученик господина Ау, начал свой первый урок с дядюшкой.

Дядюшка был толковым.

История одиннадцатая
**ГОСПОДИН АУ
И ЕГО
ЛЕСНЫЕ БРАТЯ**

Как-то утром в лесу жутко забухало.

«Это или гром, или землетрясение», — решил господин Ау.

Это было ни то ни другое. В небольшом леске находились трое мужчин и трактор. Мужчины бурили и взрывали землю. Пробуриив скважину, бурильщики вытаскивали длинную стальную трубу, клали её на платформу прицепа и нумеровали. И так повторялось много раз. На платформе начали скопляться стальные трубы.

Затем бурильщики устроили перерыв. Они расстегнули куртки и закурили табак — это смертельный яд. (Они, видно, не знали, что табак — яд. Или начали курить слишком рано и так привыкли к табаку, что их уже нельзя было спасти.)

— Мне это место кажется хорошим, — сказал первый.

— А мне кажется, что старое лучше, — возразил второй.

— Но здесь почва твёрже. Болота нет.

— А там комаров нет.

— Комары могут и сюда залететь. А твёрдая земля не летает.

— Ну что вы спорите, — унял их третий. — Инженер всё решит.

«Кажется, они собираются что-то строить!» — ужаснулся господин Ау.

А дело в том, что рядом с городами и большими домами господи Ау не особенно хорошо себя чувствуют. Им приходится уходить, искать убежище в тишине. Но они не имеют капитала, у них нет посредников по покупке земли. Так что найти себе жилище им ещё труднее, чем людям.

— Ну всё. Рабочий день окончен, — сказал первый бурильщик.

— Да, пора.

Трактор развернулся и, ломая молодую поросль, стал выбираться из леса.

Дядюшка Ау сидел на пне и думал:

«Если тут построят дом, куда я денусь?»

Можно было, конечно, стать городским Ау, современным. Об этом говорилось на семинаре. Поселиться где-нибудь в машинном отделении лифта и пугать маленьких горожан.

«Нет, стар я переучиваться, — решил Ау. — И этого электричества боюсь как огня. А потом, городские дети такие пошли, сами кого хочешь испугают!»

— Что же делать? Что же делать? Может, натаскать воды из озерка? Чтобы почва стала топкая. Но это же год таскать. Я в баню-то еле-еле натаскал. Может, прокопать ручеёк от озера? Не выйдет. Я же не бульдозер и не экскаватор. Кого бы мне позвать? Кого бы мне вспомнить?

— Меня, — вдруг сказал усатый голос.

Рядом с Ау твёрдо стоял на крепких ногах бобёр и дружелюбно смотрел на него.

— А мы что, знакомы?

— Ну да. Мы же вместе рыбачили.

И дядюшка вспомнил зимнюю рыбалку и новый сорт рыбы, выловленной им, — леща копчёного вкусного.

— Ура! — кричал он.

— Я тебе помогу, — заявил бобёр. — Жди.

Он скрылся, а господин Ау остался ждать. Уже совсем стемнело, когда бобёр появился. И не один, а много бобров. Все

толстенькие, плотные, зубастые, одинаковые. Господин Ау никак не мог найти среди них своего приятеля.

Бобры подошли к берегу озера и стали валить большие деревья, чтобы запрудить ручей, бегущий из озера. Они подходили к дереву, приставляли к стволу зубы и включали себя, как бензопилу. Вр-рр-рр — и дерево на земле.

Скоро ручей был перегорожен плотиной из деревьев. Непромокающие бобры заделали трещины грязью и глиной, и озеро стало разливаться. Дальше и дальше, к скважинам и следам трактора. Когда все скважины заполнились водой, бобриная бригада в момент разобрала плотину, чтобы никто не понял, откуда взялась вода.

— Ура! — закричал Ау и бросился целовать усатых бобров. Это было не очень удобное занятие, потому что бобры были покрыты опилками и глиной. Дядюшка вымазался так, что сам стал похож на бобра.

— Ничего, ничего, — говорили ему бобры. — Нам такие шумные соседи тоже не очень нужны.

Так прошла ночь. Утром господин Ау уже сидел на сосне. Сидел и слушал.

Вот послышался шум трактора, и на поляну выехали бурильщики. С ними был румяный, шарикообразный мужчина. Он всеми командовал.

— Это место вы хвалили? — спросил он.

— Да. Это.

— Вы что, сумасшедшие? — закричал инженер. — Здесь же полно воды!

Рабочие изумились:

— Вчера же было сухо.

— Может, это дождик?

— А может, ключи из скважин. Может, мы перебурили?

— У тебя самого ключ из скважин. А что перебурили, это точно! — кричал инженер. Он побагровел, как индусий... то

есть индюшатиный... индюковый, что ли... в общем, побагровел, как гребень индюка.

— Вы что, с ума сошли? Где были ваши глаза?

Вот какие слова сказал им инженер. Эти и некоторые другие.

Рабочие были изумлены. Они таких слов никогда в жизни не слышали.

— Во даёт! — сказали они. Потом пожали плечами, развернулись и спокойно уехали по той же дороге. А инженер ещё долго кричал и ругался.

Потом в лесу всё стихло. Дядюшка Ау слез с сосны и пошёл домой. Очень приветливы были сегодня сосны. Мягко стелился мох под ногами. Птицы порхали над головой, в березнике стрекотала сорочья стая, как колонна сенокосилок. Где-то лаяла собака.

Господину Ау было хорошо.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЯДЯ ФЁДОР, ПЁС И КОТ

Часть первая ПРИЕЗД В ПРОСТОКВАШИНО

Глава первая
ДЯДЯ ФЁДОР

7

Глава вторая
ДЕРЕВНЯ

11

Глава третья
НОВЫЕ ЗАБОТЫ

15

Глава четвёртая
КЛАД

17

Глава пятая
ПЕРВАЯ ПОКУПКА

20

Глава шестая
ГАЛЧОНОК ХВАТАЙКА

25

Глава седьмая
ТР-ТР МИТЯ

28

Глава восьмая
ХМЕЛЬ ЦВЕТЁТ

30

Глава девятая
ВАШ СЫН — ДЯДЯ ФАРИК

35

Глава десятая
ШАРИК ИДЁТ В ЛЕС

37

Глава одиннадцатая
БОБРЁНОК

41

Глава двенадцатая
МАМА И ПАПА ЧИТАЮТ ПИСЬМО

43

Глава тринадцатая
ШАРИК МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

45

Глава четырнадцатая
ПРИЕЗД ПРОФЕССОРА СЁМИНА
50

Глава пятнадцатая
ПИСЬМО В ИНСТИТУТ СОЛНЦА
53

Глава шестнадцатая
ТЕЛЁНОК
55

Глава семнадцатая
РАЗГОВОР С ПРОФЕССОРОМ СЁМИНЫМ
58

Глава восемнадцатая
ПИСЬМО ПОЧТАЛЬОНА ПЕЧКИНА
60

Глава девятнадцатая
ПОСЫЛКА
63

Глава двадцатая
СОЛНЫШКО
68

Глава двадцать первая
БОЛЕЗНЬ ДЯДИ ФЁДОРА
72

Глава двадцать вторая
ДОМОЙ
76

Часть вторая
КАНИКУЛЫ В ПРОСТОКВАШИНО
81

Часть третья
ПОБЕГ ИЗ ПРОСТОКВАШИНО
87

ГАРАНТИЙНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Глава первая
ПРИЕЗД ХОЛОДИЛИНА
97

Глава вторая
ГОЛОС ИЗ ПЫЛЕСОСА
100

Глава третья
ПЕРЕЕЗД
104

Глава четвёртая
ПАРЛАМЕНТЁРЫ
105

Глава пятая
ЯНА И ЮШЕЧКА
111

Глава шестая
ДИВЕРСИЯ
115

Глава седьмая
ГАРАНТИЙНАЯ ПЕРЕДАЧА
118

Глава восьмая
БУРЕ В ПЛЕНУ
121

Глава девятая
СОСИСКА ДЛЯ РАЗВЕДЧИКОВ
124

Глава десятая
АНТИХУЛИГАННЫЙ МЕХАНИЗМ ИМЕНИ КАБЫТОВА
127

Глава одиннадцатая
МЫШКИН ПОДМЫШКИНА ВЕЗЁТ
129

Глава двенадцатая
ВЕЛИКИЙ ТРАНСФОРМАТОР
133

Глава тринадцатая
МОТОР КОРОЛЕВСКОГО АВТОМОБИЛЯ
134

Глава четырнадцатая
КОННАЯ ГАРАНТИЯ
139

Глава пятнадцатая
ВПЕРЕД — ЗА КОЛБАСОЙ!
142

Глава шестнадцатая
ЛУЧШИЕ ЗУБЫ КОРОЛЕВСТВА
144

Глава семнадцатая
НА ЛЮСТРЕ
149

Глава восемнадцатая
ПОЧЕМУ МЫ, ГАРАНТИЙНЫЕ, ХОРОШО НА СВЕТЕ ЖИВЁМ
156

ЭПИЛОГ
157

ГОСПОДИН АУ

История первая
ГОСПОДИН АУ ИДЁТ НА РАБОТУ
161

История вторая
ГОСПОДИН АУ И БОЛЬНОЕ ДЕРЕВО
168

История третья
ГОСПОДИН АУ ИДЁТ СНАЧАЛА В ОТПУСК, А ПОТОМ НА РЫБАЛКУ
171

История четвёртая
ГОСПОДИН АУ ПОЛУЧАЕТ ПОСЫЛКУ
176

История пятая
ОТ ГОСПОДИНА АУ УХОДИТ ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
183

История шестая
ГОСПОДИН АУ В ПОЛНОЛУНИЕ ВЫХОДИТ НА ДОРОГУ
193

История седьмая
ГОСПОДИН АУ ИДЁТ В ГОСТИ
198

История ~~восьмая~~
ГОСПОДИН АУ ИМЕЕТ ПОЕЗДКУ В ГОРОД
203

История девятая
БАНЯ ДЛЯ ГОСПОДИНА АУ
211

История десятая
ГОСПОДИН АУ КОЛДУЕТ НА СВОЮ ШЕЮ
218

История одиннадцатая
ГОСПОДИН АУ И ЕГО ЛЕСНЫЕ БРАТЬЯ
229

художник этой книги

МИХАИЛ БЕЛОМЛИНСКИЙ

Михаил Беломлинский сделал много детских книг, много лет работал главным художником детского журнала «Костер», был одним из основных сотрудников сатирического журнала «Боевой карандаш». Его картинки в детских книгах, журналах, на плакатах необычайно остроумные, добрые и веселые. У этого художника — особый дар создавать портрет. Он рисует своих героев очень похожими, схватывая характерные черты, передает сущность личности. Он любит рисовать шаржи. Портреты получаются у него смешными, трогательными и добрыми, потому что всегда передают его любовь к шаржируемой «жертве».

Еще раз рассмотрим иллюстрации к этой книге. Дядя Фёдор и кот Матроскин живут в обычном городе, как все мы. Входят в парадную с облупившимися углами. Дядя Фёдор смотрит в окно и видит железные крыши с антеннами и авоськи с продуктами, подвешенные к форточкам.

А Простоквашино? Всем нам примелькались эти построенные вкривь и вкось деревянные дома с покосившимися заборами, куры в придорожной пыли и репейник у колодца. Все очень знакомо и известно, но почему у художника это все так удивительно красиво? Да ведь такова жизнь, говорит Беломлинский, стоит только попристальней взглянуть в нее. Для пущей убедительности и чтобы подчеркнуть мысль, что мир, который рисует художник, таков и в действительности, только нужно уметь это видеть, Беломлинский заселяет свои иллюстрации знакомыми и друзьями. Будто хочет еще раз убедить нас, что «жили-были» — это все мы, а не выдуманные герои. Что случается и происходит все это с нами. Только надо уметь это видеть и понимать. В книге «Жили-были улицы» Л. Барбас по городу расхаживают друзья и знакомые Беломлинского, радуясь и удивляясь красоте города. Герой книги про Хоббита как две капли воды похож на Евгения Леонова.

И хотя книги Успенского так известны по мультфильмам и иллюстрации к ним примелькались в многочисленных изданиях, Беломлинский не удержался и, рисуя одного из героев, изобразил художника Б. Монино. Всякий раз, когда выходила новая книга, которую иллюстрировал Михаил Самуилович, друзья и знакомые начинали искать в его картинках свои изображения. И, к своей радости, находили.

А сейчас М. Беломлинский живет в Нью-Йорке. Работает в одной популярной газете. Американцам повезло. С ними беседует наш Беломлинский, помогая им увидеть мир красочным, разнообразным, удивительным.

Фото Александра Китаева

художник этой книги

ГЕННАДИЙ КАЛИНОВСКИЙ

Героем повести «Господин Ау» является смешной, нелепый и странный человечек. Зовут его по-разному — то дядюшка Ау, то господин Ау. Скорее всего он домовый или просто внук волшебника. Себя он считает ужасным, беспощадным злодеем, запугивателем детей и взрослых. На самом-то деле он очень доброе и милое существо. Ему всегда не везёт. Стоит проснуться и спустить ногу с кровати, как сразу на его бедную нечёсаную голову обрушивается град нелепых событий.

Какие только персонажи не доводилось рисовать Калиновскому. И Гулливера, и лилипутов, и великанов, и всяких зверей в сказках Д. Харриса, и волшебные миры в книгах Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье», и персонажей современных детских писателей — Юрия Коваля и С. Прокофьевой.

В каждой книжке Калиновский неповторим: для каждого писателя, для каждой манеры повествования у него свой художественный язык. То изысканная линия, лёгкое прикосновение, тонкий вычурный рисунок, то гротескные грубые штрихи. Когда главным выразительным средством становится цвет — так бывает, когда Калиновский рассказывает о жизни сказочных стран, — то все оттенки и полутона нежной акварели служат ему.

Но вернёмся к господину Ау. Какие художественные средства из своего богатого арсенала выбрал мастер? Он выбрал точный, выразительный чёрный штрих и создал более пятидесяти психологических портретов своего героя (опустив место действия и другие детали).

И вот перед читателем дядюшка Ау во всей глубине его постоянных переживаний. Вот он хмур, злобен, недоволен собой, раздосадован, озадачен, задумчив, удивлен, разгневан, потрясён, коварен, доволен собой, смущён, испуган... и при всем этом всегда очень мил.

Вот таков талант Калиновского. Ни разу не повторившись более чем в полусотне рисунков, он создаёт неповторимый образ господина Ау, который так и не сумел напугать ни одного ребёнка и даже ни одного взрослого.

Фото Александра Китаева

Литературно-художественное издание

Эдуард Николаевич Успенский

**Общее собрание
героев повестей, рассказов,
стихотворений и пьес**

В десяти томах

Том третий

**Дядя Фёдор, пёс и кот
Гарантийные человечки
Господин Ау**

Ответственный редактор
О. Т. Ковалевская

Художник-редактор серии
Л. Д. Каминский

Художественный редактор
В. С. Итальянцев

Технический редактор и корректор
Т. П. Княжицкая

Формат бумаги $84 \times 108^{1/16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 25.
Уч.-изд. л. 18,3. Тираж 150 000 экз. (I завод—
75 000 экз.). Заказ № 2131 С 013

Торгово-издательское товарищество «Комета».
191002, Санкт-Петербург, Загородный пр., 10,
офис 37.

Лицензия № 061683 от 14 октября 1992 г.

Отпечатано с оригинал-макета на Тверском ордена
Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате
детской литературы им. 50-летия СССР
Министерства печати и информации Российской
Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия
Октября, 46.

